

А. МАГДАЛИНСКИЙ

На морском распутьи

Ярославское областное
государственное издательство

1950

А. В. Магдалинский.

Глава I

НОВОБРАНЦЫ

Ярославская машина
Ходит—не торопится,
Меня в солдаты увезет —
Сама назад вернется.

(Из старых народных частушек).

Широко, но бестолково раскинулось на левом берегу Волги большое торговое село Красное. Центральную часть занимала базарная площадь с разбросанными в беспорядке деревянными и кирпичными лавками красносельских купцов. В близком соседстве с площадью расположились в ряд питейные заведения, торговавшие крепкими напитками распивочно и на вынос. С другой стороны смотрели на площадь через высокую кирпичную ограду окна каменной церкви с приземистой колокольней.

Недалеко от церкви жил становой пристав, из окон его квартиры можно было наблюдать жизнь площади. Со стороны большой дороги к площади приткнулась казенная винная лавка и частная аптека, торговавшая лекарствами от всяких недугов и болезней. В сколоченном наспех тесовом балагане нашла временный приют грязная парикмахерская с краткой надписью: «Стригу и брею бороду и шею».

Волостное правление находилось на окраине села. Помещалось оно в одноэтажном деревянном доме, обращенном окнами на пыльную, ведущую в город, большую дорогу. Тесовый палисадник, за которым росли чахлые березки, ограждал здание от любопытных взоров прохо-

жих. Тихо и мирно текла жизнь этого учреждения, призванного охранять «интересы» местных крестьян, которые редко обращались сюда.

На деревянном крылечке волостного правления в летние дни часто можно было видеть мужчину среднего роста в костюме городского покроя, в высоких сапогах бутылками. Это — писарь Румянцев, правая рука старшины Сорокина, ставленника местных богачей. Почти одновременно с писарем на крылечке появлялся худой и заспанный, в нанковых штанах и ситцевой рубаше, босой сторож волостного правления, и он же блюститель порядка по «холодной», куда пристав и урядник сажали «провинившихся» крестьян.

— Самого, должно, поджидаете, — обычно спрашивал сторож писаря и почтительно ждал ответа.

Не отвечая, Румянцев снисходительно протягивал сторожу руку и садился на стоявшую на крылечке скамью.

Со свернутой из грязной бумаги цыгаркой сторож осторожно подсаживался к писарю. Начиналась мирная беседа скучающих от безделья служак до прихода «самого», как называли они заглаза волостного старшину, прозванного крестьянами «бочонком».

Приходил «сам». Тяжелый и грузный, он истово крестился двухперстным староверским крестом. Присаживался к столу и начинал своим размашистым почерком подписывать, не читая, состряпанные писарем, «в соответствии с законами Российской империи», различные постановления по делам крестьянства.

Близилось время призыва в армию. Полевые крестьянские работы подошли к концу. Наступил октябрь. Перестала водить хороводы деревенская молодежь. Длиннее становились осенние вечера. В окнах убогих крестьянских избушек все чаще появлялись тусклые огоньки лампочек. Тихи и безлюдны улицы деревень. И только изредка нарушали тишину однообразные, хватающие за душу песни парней-новобранцев, сопровождаемые аккомпанементом неизменной тальянки. Грустными и задумчивыми становились лица матерей и отцов.

В волостном правлении шла усиленная работа по составлению списков призывников. Сторож извлекал из шкафов запыленные связки бумаг и раскладывал их на полу. Долго и глубокомысленно, сдвинув очки на лоб, раз-

глядывал Румянцев сложенные на полу бумаги, а затем швырял их на залитый чернилами письменный стол.

Формально участие в составлении призывных списков принимали и волостной старшина, и становой пристав, но решающее слово все же оставалось за писарем. Он был вершителем судеб призываемой молодежи. К нему обычно в эти дни шли с различными просьбами матери и отцы призываемых сыновей, сопровождая свои просьбы низкими, до земли, поклонами и различными приношениями. Волостной писарь и льготу вторую, вместо третьей, «по ошибке» мог написать, и в списках «нечаянно» год рождения призывника перепутать, и совет «дельный» дать, на какую болезнь в приемной комиссии жаловаться. Мало ли каких выкрутасов он мог натворить в казенных бумагах, которые, не читая, подписывал волостной старшина.

Незаметно подкрался ноябрь. Северный холодный ветерок разогнал низкие дождевые облака, из которых, как сквозь сито, сутками сеял мелкий осенний дождь. Первые утренние заморозки подсушили осеннюю грязь, затянули тонким льдом узкие дорожные колен. Белыми, сверкающими на утреннем солнце, нитями тянулись проселки к волостному центру.

По всем этим проселочным дорогам волости, группами и в одиночку, с песнями и гармошками шли и ехали призывники на жеребьевку. Со слезами провожали молодых кормильцев матери, отцы и жены.

Быстро заполнились приезжими улицы села Красное. Всюду толпились пожилые крестьяне и крестьянки. Кучками собиралась молодежь, ожидая начала присутствия.

Поздно распахнуло свои двери в этот день волостное правление. После обильного ужина и чрезмерно выпитой водки дольше обыкновенного спало сегодня приехавшее из города начальство, которому был обеспечен парадный прием в одном из местных купеческих домов.

Томительно тянулось время. Несколько раз прополоскали свои желудки крепким, приправленным содой, трактирным чайком мужички. Не раз и не два с песнями и пляской обошли новобранцы улицы. Гуще становилась толпа у ворот волостного правления. Плакали матери и краснощекие молодухи — жены призывников. Громче и смелее стал говор толпы. Из рядов призывников раздавалась ругань по адресу начальства. С опаской смотрели по

сторонам десятские и сотские, собранные со всей волости «для поддержания порядка». Суетливо бегал урядник. Несколько раз появлялся на крыльце волостной старшина, одетый в праздничный костюм, с цепью на шее, на которой болталась начищенная накануне сторожем медная бляха.

Но вот подкатило на паре купеческих лошадей и городское начальство. Невольно потянулись руки к головным уборам. Медленно сползали с голов рваные бараньи шапки и засаленные картузы. Пренебрежительным кивком отвечало начальство на приветствия крестьян.

Приемная комиссия открыла заседание. Вызванный призывник быстро сбрасывал на улице, на руки провожавших родственников, верхнюю одежду и бегом направлялся в приемную. С волнением тянул он из поставленной рядом с «зерцалом»¹ лотерейной вертушки скатанный в трубку бумажный жеребье и подходил с ним к председательскому столу. Затем становился под мерку. Пожилой врач быстро осматривал новобранца.

— Годен! — обычно слышалось заключение комиссии.

Красносельский парикмахер, дорвавшись до работы, быстро снимал волосы с голов призывников. Красные от волнения, новобранцы, как ошпаренные, один за другим вылетали на улицу и попадали там в объятия плачущих родных.

С завистью смотрели матери и отцы на тех, которым удавалось вытащить счастливый жребий, освобождавший их от солдатчины. Счастливыми считали даже тех, которые освобождались от военной службы по своим физическим недостаткам.

Я был уверен, что счастливого жребия в лотерейной вертушке мне не найти, а поэтому без особого волнения запустил туда свою руку и со свернутым билетом прямо встал под мерку. Я был грамотен, плавал уже матросом на морских судах и мечтал о флоте.

— Молодец! — похвалил меня кто-то из комиссии и спросил:

— В гвардию хочешь?

— Хотелось бы, господин начальник, во флот, — ответил я.

¹ Зерцало — том «Основных законов Российской империи», стоявший в золоченом футляре под стеклом.

— Ну, что же, во флот, так во флот. Там тоже дурь умеют выбивать.

...Быстро укатило городское начальство. В волостном правлении остался только один писарь, чтобы привести в порядок разбросанные на столах бумаги. Да и он скоро ушел, решив, что «дело не волк, в лес не убежит».

Нестройные песни подгулявших новобранцев долго еще нарушали тишину улиц.

До явки на сборный пункт оставалось больше трех недель. Новобранцев распустили по домам. Темной ночью возвращались крестьяне по своим деревням. Не скоро заснули, убитые горем, матери и отцы. Долго светили огоньки в крестьянских избах, где были новобранцы.

Теплой заботой и вниманием старались в каждой семье окружить новобранца. Мы были теперь дома временными гостями. Самыми лучшими кушаньями угощали матери сыновей, с которыми предстояла тяжелая разлука. Отцы брали на себя всю тяжесть домашних работ.

Нам оставалась одна обязанность — гулять. Эту обязанность мы, надо признаться, выполняли добросовестно. С утра до позднего вечера звучали песни новобранцев, грустные, наводившие тоску.

Кабаки охотно открывали нам свои двери. Никому не было дела до того, что будущие солдаты и моряки отравляли себя винным зельем и в пьяном виде учиняли скандалы. Новобранец считался не от мира сего.

Гулянье кончалось. Надо было являться на городской сборный пункт. Вся деревня принимала участие в проводах новобранцев. Молодые жены с плачем висели на шеях мужей. Матери и отцы со слезами обнимали и крестили уезжавших сыновей. Казалось, тяжелым минутам расставания не будет конца...

Эх, лучше бы не вспоминать вас, давно прошедшие, тяжелые дни!

Ранним утром мы тронулись в путь. До Костромы было сорок верст. Зимний путь еще не установился, и худые крестьянские лошададки с трудом тащили тяжелые деревенские телеги и самодельные тарантасы по кочковатой замерзшей дороге. Седоки шли почти всю дорогу

пешком. Ехали медленно, с остановками. В пути присоединялись попутчики — новобранцы других деревень, и в город въехали только ночью, целым обозом. Постоялые дворы переполнены. Пришлось располагаться на ночлег кто как сумел.

На рассвете следующего дня новобранцы, вместе с провожавшими родственниками, потянулись на сборный пункт. Громкий говор разбудил спавшие городские улицы. Горожане с любопытством разглядывали приезжих, а те, в свою очередь, с удивлением смотрели на огромные высокие каменные дома, мостовую и стоящих на перекрестках улиц городских, усиленные наряды которых выставило не в меру предусмотрительное начальство. На приезжих, бывших в городе первый раз, большое впечатление производила высокая кирпичная пожарная каланча, на вышке которой разгуливал дежурный пожарник. Привлекал внимание и другой человек, стоявший в начищенной медной каске у входа в пожарное депо.

Сборный пункт находился в одной из солдатских казарм и был еще закрыт. Ворота охранял дневальный. На улице было прохладно. Мы просили поскорей пустить нас в помещение, на что дневальный каждый раз равнодушно отвечал:

— Нету приказа.

Наконец приказ поступил, и мы нестройной толпой ввалились в казарменный двор. Отсюда нас провели в грязное, холодное помещение. Приступили к проверке. Проверяли по деревням, по волостям, по группам и по десяткам, как какому начальнику хотелось. После жидкого обеда началась разбивка на партии.

Поздним вечером мы неожиданно очутились снова за воротами казармы. Быстро прошла последняя ночь, проведенная в кругу родных. Утром — снова сборный пункт и те же переклички и проверки до вечера.

Над городом спустились сумерки. Под командой унтер-офицеров и писарей новобранцы двинулись на вокзал. Быстро опустел казарменный двор, за воротами которого терпеливо ожидали нас родственники.

До вокзала было около четырех верст, и мы пришли туда, когда стало совсем темно. У слабо освещенной платформы стоял наготове состав товарных вагонов с трафаретными надписями: «сорок человек — восемь лоша-

дей». В раскрытые двери вагонов полетели котомки, сундучки, а затем втискивались и сами владельцы незавидного солдатского багажа. Полиция и жандармы с трудом сдерживали плачущую толпу провожающих.

...Давно скрылись станционные огоньки, а мы продолжали толпиться у раскрытых дверей вагонов. Долго не могли освоиться с непривычным положением и на каждой остановке выскакивали из вагонов.

Поезд двигался медленно, и только через двое суток, ранним утром, прибыли в Петербург и остановились у одной из отдаленных платформ Николаевского вокзала.

Над городом висел густой туман. По платформам вокзала с важным видом расхаживали откормленные жандармы и суетились полицейские. Новобранцы быстро освободили «телячьи» вагоны. После проверки в толпе новобранцев несколько свежих молодых голосов робко затянули свою родную деревенскую песню.

— Прекратить пенье, — раздался грубый окрик неизвестного начальника. Песня оборвалась на полуслове.

— Живо строиться по четыре, — скомандовал тот же хриплый, сердитый голос. Неумело выполнили мы это приказание и построились в походную колонну.

— Шагом марш!

Новобранцы направились к выходу из вокзала.

Город еще только просыпался. По Невскому проспекту тянулись первые утренние конки. Дворники в рваных белых передниках заканчивали уборку мостовых и тротуаров. Ночные сторожа, завернувшись в бараньи тулупы, отсиживали последние часы у подъездов богатых домов и магазинов. Спешили редкие пешеходы. Изредка проносился «лихач» с барином, возвращавшимся с ночной попойки.

С Невского мы свернули в другую улицу и подошли к громадному каменному зданию «проходящих казарм». Это был распределительный пункт новобранцев, призванных для пополнения воинских частей Петербургского гарнизона.

Огромные комнаты угрюмого здания, лишенные обстановки, с разбросанной на полу соломой, напоминали постоялый двор захудалого провинциального городишка. Для нашей партии отвели отдельный угол. Приказали располагаться «по-домашнему» и никуда не отлучаться.

Сложили мы на пол свои пожитки и стали терпеливо ждать, что будет дальше.

Прибывшие раньше нас новобранцы валялись на грязной соломе уже несколько дней. Определенного срока пребывания в проходящих казармах не существовало. Можно было здесь жить и ждать два, три, пять дней, — как кому повезет.

В казармы ежедневно приходили военные люди в различных, невиданных нами, форменных костюмах и в странных головных уборах, украшенных то пучками конских хвостов, то двуглавыми металлическими орлами. Ставили мелом на деревенских полушубках новобранцев номера или названия воинских частей и с отобранной партией уходили.

Через несколько дней на моем коротком, подбитом овечьим мехом пальтишке вывели мелом 18. Такую же цифру поставили еще нескольким новобранцам. Объявили, что мы зачислены в восемнадцатый флотский экипаж, приказали собираться и выходить. Быстро вскинув за плечи свой деревенский багаж, мы вышли на улицу и под командой пожилого матроса зашагали в морские казармы.

Глава II

18 ФЛОТСКИЙ ЭКИПАЖ

Шутками и прибаутками приветствовали нас старые матросы, разыскивая среди прибывших своих земляков. Чаше, чем это было нужно, появлялись среди новобранцев, стараясь обратить на себя внимание, фельдфебели, боцманматы и квартирмейстеры. По команде «дай пройти» мы шарахались из стороны в сторону, чтобы пропускать входивших и выходивших больших и маленьких начальников. Почти целый день шла эта канитель, и только к вечеру закончена была разбивка по ротам. Большое ротное помещение без мебели, с общими деревянными нарами, произвело на нас впечатление не жилого дома, а какой-то ночлежки. Бравый фельдфебель сверхсрочной службы с рядом золоченых и серебряных нашивок на левом рукаве встретил нас весьма сурово. По списку, составленному ротным писарем, мы получили по два

парусиновых мешка. Набили их валявшейся на дворе соломой и чинно разложили на нарах, взамен матрацев и подушек. Выдали нам по жесткому одеялу желтого цвета, и постель была готова.

Началась полная унижений экипажная жизнь молодых матросов.

Горнист проиграл сбор. Фельдфебель проверил личный состав.

— На молитву! — скомандовал дежурный по роте.

Старые матросы хором затянули:

— Спаси, господи, люди твоя...

Робко, вразброд помогали им новобранцы, несмотря на подбадривающую команду унтер-офицеров.

— Крепче, крепче нажимай, серье!

После молитвы дневальный погасил свет. Остались дежурные газовые рожки, тускло освещавшие помещение. Плотно прижавшись друг к дружке на нарах, мы шопотом делились первыми впечатлениями. Здесь нам предстояло пройти предварительную военную выучку и приобрести бравую выправку, которой щеголяли моряки.

Обучение началось на следующий день и проходило по существующему десятки лет порядку.

Ровно в пять утра резкие звуки боцманских дудок будили экипаж:

— Вставай! Довольно спать! — передавали команду дежурные по ротам.

Как ошалелые мы вскакивали с соломенных «пуховиков». Быстро проделывали несложный утренний туалет и становились на молитву. Потом нас ставили на гимнастику. В большом почете у обучающихся был прием выкидывания молодыми матросами рук вперед, в стороны, вверх и вниз, поднимание корпуса на носках с приседанием. Последний прием для многих был очень труден. Вместо того, чтобы помочь неудачникам, обучающие поворачивали выстроенные шеренги вдоль ротного помещения и заставляли в таком положении прыгать вокруг нар. Это путешествие называлось «лягушечьим» и кончалось тем, что более слабые новобранцы не могли сразу встать и падали.

После гимнастики на скорую руку пили чай, с чем бог послал, и начинали строевые занятия. Главное внимание обращалось на отдавание чести начальству в любом поло-

жении. Прозвища «серый», «косопузый» без конца сыпались на молодых матросов. «Выше голову», «пузо подбери», «ешь глазами начальство» — только и слышно было со всех сторон. Крику на учениях было много, а толку мало.

К двенадцати часам утренние занятия кончались. Нас строили во фронт. Появлялся кок с бачком, наполненным кусочками мяса. Артельщик на длинной вилке подавал каждому в протянутую руку мизерную порцию.

Командовали: «обедать», и мы, сломя голову, бежали на кухню, на ходу поедая полученное мясо. На кухне из большого котла коки наливали в подаваемые бачки солдатский борщ, который, несмотря на голод, мы частенько выливали в помойные ушаты. После обеда баловались тихонько чайком, отдыхали, а затем садились за словесность.

Классной комнатой была узкая полоска пола, свободная от нар. Мы рассаживались на сундучках вокруг обучающего, поставив для него предварительно самый большой и удобный сундук. Матрос-стрелок Сабуров раскрывал книжку устава и начинал урок.

— Что такое знамя? — читал плохо грамотный учитель. И по книжке отвечал:

— Знамя есть священная хиругвь...

— Повтори, Федоров, — обратился он к одному из молодых матросов, уроженцу глухой деревушки Рязанской губернии. Федоров вскочил с сундука, усиленно заморгал глазами и молчал.

— Читай по уставу, — приказал сердито Сабуров.

Федоров взял книжку и продолжал молчать. Выведенный из терпения, Сабуров обругал его.

— Неграмотный я, господин обучающий, — робко произнес Федоров.

Это окончательно взбесило обучающего:

— Доложу вот ротному командиру. Распишет он как следует твою неграмотную физию... сразу грамотным будешь!

Федоров виновато опустил глаза. Во всей его согнутой фигуре чувствовалась безответная покорность. Мне стало жаль товарища.

— Дозвольте, господин обучающий, мне прочитать, — сказал я.

Сабуров дал согласие. Прочитать небольшой раздел знамени не составляло для меня никакого труда.

— Не так,—проворчал Сабуров, когда я кончил чтение,—не «хоругвь», а хиругвь.

— В уставе, господин обучающий, написано хоругвь, а не хиругвь,—возразил я Сабурову.

Обучающий смутился. Крепко выругался в пространство и стал читать дальше.

Широкоплечий, небольшого роста, с веснушками на лице, квартирмейстер Кобяков дал распоряжение окончить занятие. Просвистала дудка. По команде дежурных новобранцы начали уборку помещения. В роте поднялось облако пыли.

После ужина, состоявшего из жидкой кашицы, приправленной маслом, мы могли заниматься личными делами. Рота была для нас гимнастическим залом, классной комнатой, спальней, столовой, местом отдыха и прогулки. Словом, всем, чем угодно, так как молодых матросов до принятия присяги за ворота экипажа не выпускали.

В девять часов вечера становились на «справку», а затем на молитву. Пели врозь, выходило нескладно, но оглушительно. После молитвы укладывались спать. В таком порядке проходили наши учебные дни.

В первый месяц в экипаже изредка появлялся заведующий обучением молодых матросов штабс-капитан Павлов, широкоплечий, тучный офицер высокого роста. Говорил он высоким фальцетом, в нос, слегка картавя:

— Здогово, бгатцы! — приветствовал он построенных во фронт молодых матросов.

— Здравия желаем, ваше высокородие! — хором отвечали сотни молодых голосов, делая нажим на последнем слове. Павлов медленно обходил наши ряды, распекал обучающихся за нашу плохую выправку и так же медленно уходил.

Штабс-капитан Павлов, как и все офицеры старой царской школы, при обучении молодых матросов исключительное внимание уделял чинопочтанию и правилам отдания чести.

На уроках словесности то и дело можно было слышать: величество, высочество, сиятельство, светлость, высокопревосходительство, превосходительство, высокоро-

дие, высокоблагородие, благородие, высокопреподобие, преподобие... Нас учили, как нужно величать многочисленное начальство и кому какую отдавать честь.

Все эти титулованные особы, за исключением высоких преподобий и просто преподобий, носили офицерские мундиры, плечи которых украшали знаки различия в виде широких золотых и серебряных полос с узкими, различных цветов, просветами и звездочками. Генеральские погоны были без просветов, но зато адмиралы флота имели на погонах от одного до трех «орлов». Погоны с тремя орлами были принадлежностью самого высокого адмиральского чина, перед которым трепетали не только матросы, но и пожилые капитаны первого ранга.

В соответствии со знаками различия нужно было и приветствовать начальников. При встрече с одними достаточно было приложить руку к головному убору, а при встрече с величествами, высочествами, генералами, адмиралами и сиятельствами нужно было встать за три шага во фронт и ждать, пока высокопоставленная особа на лихаче пронесется мимо или пройдет...

Кончался второй месяц обучения. Самые разнообразные методы применяли обучающие, а мы так и не могли полностью одолеть науку чинопочитания. Квартирмейстер Кобяков вдруг ни с того ни с сего объявлял, что он сегодня будет адмиралом, а поэтому на его приветствия мы должны отвечать, как адмиралу.

— Становись! — кричал обучающий Сабуров.

Мы строились в ротном помещении во фронт.

— Смирно! Равнение налево! — командовал Сабуров.

Из соседнего помещения появлялся Кобяков. Важной походкой, заложив за спину руки, проходил он по фронту.

— Здорово, братцы!

— Здравия желаем, ваше-дитство! — гаркали мы во всю глотку.

— Спасибо, молодцы! — кричал Кобяков.

— Рады стараться, ваше-дитство!

Кобяков, молодежавато повернувшись, направлялся к выходу.

— Прощайте, орлы!

Вместо ответа «счастливо оставаться, ваше-дитство», «орлы» громко смеялись.

За такую вольность Кобяков нас «учил». Быстро, одна за другой следовали команды:

— На первый, второй рассчитайся! Ряды вдвой... Направо! Руки на бедра!

Начиналось мучительное приседание на носках.

Стрелок Сабуров на занятиях по словесности пользовался несколько иными методами обучения. Он называл себя то мичманом, то капитаном второго ранга, то адмиралом, и всегда спрашивал, кто из этих чинов обер-офицер, кто штаб-офицер и кто генерал. Кого из них надо величать «благородие», кого «высокоблагородие», «высокородие» и кого «превосходительство», «высокопревосходительство».

Вопросы задавались обучающим неумело. Ответы мы путали. Сабуров ставил нас к «камельку», приказывал открыть дверку топки и кричать.

— Что прикажете кричать, господин обучающий? — спрашивали мы.

— Кричите: «городовой, служба не везет», — приказывал Сабуров. Новобранцы слегка протестовали, доказывали обучающему, что через печную трубу ни один городской нас не услышит. Но Сабуров был неумолим.

В марте начались строевые занятия. Ранним утром, когда над городом висел предрассветный туман, нас выгоняли на плац.

С большой охотой покидали мы вонючие ротные помещения. Стремглав летели по лестницам за ворота экипажа, обгоняя своих обучающихся.

— Куда вас чорт несет, «серьё»! — кричали обычно они нам вслед. Но к такому обращению мы уже давно привыкли, оно нас не смущало.

— Становись! — зычным голосом приказывали капралы.

Становились во фронт. По команде «шагом марш» ходили сначала отделениями, а потом взводами, полуротами и ротами.

Начинался рассвет, и нас снова загоняли в помещение. Нельзя было показывать петербургскому начальству мешковатых, неуклюжих матросов.

Строевые занятия вносили разнообразие в нашу будничную ротную жизнь. Мы осваивали их быстрее, чем чиновничество.

ПОСЛЕ ПРИСЯГИ

Яркое весеннее солнышко чаще стало заглядывать в окна утрюмого экипажа. Петербургская гнилая зима с туманами, оттепелями и гололедицей подходила к концу. Кончалась и страдная пора молодых матросов. Мы готовились к церемониальному маршу, которым должна была закончиться наша учеба в день принятия присяги. Чаще и дольше обычного шлепали мы по грязному экипажному плацу. Крепче ругались унтера, подравнивая ряды. Старый матрос-барабанщик с остервенением выбивал на большом барабане походную дробь.

Присягу принимали в апреле.

В первосрочном обмундировании в один из праздничных дней молодых матросов экипажа вывели на плац. У подъезда беседовала группа офицеров в походной форме. По соседству с ними—большебородый протопоп с неизменным спутником дьяконом надевали блестящее золотом облачение. Дьячок раздувал кадило.

Прибыл экипажный командир. Скомандовали:

«На молитву! Шапки долой!» Начался молебен.

Долго носился в воздухе густой дьяконский бас. Гнусавым тенорком подпевал ему большебородый протопоп. Ласковый весенний ветерок шевелил кокетливые ленточки матросских бескозырок.

Вдоволь помолившись, дьякон стал читать текст присяги. С полным безразличием повторяли мы слова клятвы, многое не понимая в ней, а потом по очереди целовали уголок знамени и крест.

Молебен кончился обычным многолетием царствующему дому, военачальникам, градоначальникам и «христоролюбивому воинству». По команде «накройсь» мы надели головные уборы и перестроились к церемониальному маршу.

Долго перекликались, как деревенские петухи, начальники подразделений, повторяя команду, поданную командующим парадом. Долго шла эта перекличка, а потом мы зашагали по плацу под звуки духового оркестра, стараясь держать равнение.

Вернулись мы в роты матросами второй статьи. Черные ленточки с золотыми надписями стали теперь неотъемлемой принадлежностью наших бескозырок. Мы получили право выходить за ворота экипажа. Других прав матросам не полагалось по военному уставу. Для нас были закрыты все общественные сады, театры и кино. Не имели мы права ездить внутри трамваев и конок. Нам разрешен был доступ только в народный дом.

Вместе с товарищем по нарам мы попросили разрешения посмотреть Петербург. Приказано было одеться по форме. Начистили мы шинельные пуговицы, которые должны были блестеть, как «чортов глаз», подтянули шинельные ремешки и встали на осмотр.

Долго вертел нас фельдфебель роты, придираясь ко всяким мелочам, но в конце концов выдал увольнительные билеты и прикрепил к нам на время гуляния одного из обучающихся.

— Куда пойдем, господин обучающий?—спросили мы приставленного к нам матроса-стрелка, когда вышли за ворота экипажа.

— К чортовой матери, вот куда,—грубо ответил нам наш спутник.—Никуда нас, кислую шерсть, не пускают.

А потом, немного помолчав и подобрев, добавил:

— Надо сначала, землячки, хлопнуть по бутылочке пивка, а там видно будет.

Делать нечего. Зашли в пивную и уселись за свободным столиком, на котором валялись остатки воблы и крошки черного хлеба.

— Полдюжины!—скомандовал обучающий.

Расторопный половой, с болтающимся на шее полотенцем, которым он вытирал и вспотевший лоб, и грязные руки, и подаваемые стаканы, быстро выполнил заказ.

Налили. Чокнулись. Выпили. Повторили.

Бутылки опустели. Вытащили мы тощие кошельки, расплатились и направились к выходу.

— Вот что, братишки,—обратился к нам обучающий,—болтаться по городу мне с вами некогда. Очертели мне все эти козыряния. У меня есть кое-что поинтереснее. А поэтому—валяйте вы одни, куда угодно. Только с уговором: фельдфебелю ни слова.

Оставшись вдвоем, мы решили махнуть на Невский

проспект, спросив предварительно у встретившегося матроса дорогу.

Чтобы не прозевать «kozyряния», условились смотреть в разные стороны и при встрече с начальством толкать друг друга в бок.

Прошли благополучно Конногвардейский бульвар. Офицеров встречалось мало. Толкали друг друга редко.

По мере приближения к Невскому толчки наши участились. То и дело взлетали руки к головным уборам.

При входе на Невский проспект перед глазами замелькали продольные и поперечные, золотые и серебряные погоны. Нескончаемой вереницей тянулись форменные мундиры различных цветов и покроев. Предупреждать друг друга было некогда. Козыряли мы направо и налево военным и гражданским чинам. Чтобы избежать неприятностей, козыряли всем шинелям офицерского покроя с наплечными знаками. Голова шла кругом от поворотов направо и налево.

Мы свернули в первый попавшийся переулок и пустились бегом в экипаж, решив никогда больше не ходить на Невский.

На другой день после нашей первой прогулки в роту пришел штабс-капитан Павлов, ведавший обучением молодых матросов. Узнав от фельдфебеля Медведева, кто из молодых матросов был выпущен в город, он вызвал меня.

— Ну-ка, скажи, братец, что ты видел в городе? — спросил Павлов.

— Ничего, ваше высокородие, — ответил я.

— Как ничего? — удивился штабс-капитан.

— Так точно, ничего.

— Почему же?

— Некогда было, ваше высокородие, встречалось очень много начальства. Только-только успевали всем честь отдавать.

— Как всем? — поморщился Павлов. — И гражданским? Пришлось сознаться, что козырял и гражданским.

— Ну и профан же ты, братец мой, — проворчал Павлов отходя.

«Вот и угоди этим господам, — задумался я. — Ничего дурного во время прогулки не сделал, а какого-то профана все-таки получил».

Меня зачислили в команду строящегося крейсера «Олег». Ранним утром мы уходили на крейсер и поздним вечером возвращались в экипаж. Приходилось выполнять на корабле самые трудные и грязные работы.

«Олег» стоял на стапелях, опутанный сеткой деревянных лесов. Сотни заводских рабочих, в различных позах, висели на этих лесах. Лязг железа, треск пневматических молотков заглушали человеческие голоса.

Усталые от работы и непривычного шума, возвращались мы в экипаж. В проходной будке каждый раз мы поднимали руки вверх, чтобы дежурный сторож-инвалид нас осмотрел. Многие из матросов сначала возмущались обыском, а потом перестали обращать внимание на эту бессмысленную затею, унижавшую личность матросов, только что давших клятву хранить, как зеницу ока, свои корабли.

...Упорнее становились слухи о войне с Японией. Говорили на улицах, у нас в экипаже и на «Олеге». Рабочие во время перекуров спрашивали нас:

— А что, землячки, у вас говорит о войне начальство?

Мы отвечали, что с нами начальство разговоров не заводит, а спрашивать бесполезно—все равно правды не добьешься.

— А вы тряхнули бы хорошенько их благородий, вот они и разговорились бы,—посмеивались рабочие.

Мы стали спрашивать своих командиров: будет война или нет? И всегда получали ответ:

— Где им, макакам, с нами тягаться. Шапками забросаем.

Строительство «Олега» шло усиленными темпами. Крейсер готовился к спуску на воду. Рабочие приступили к разборке лесов, и скоро красивый корпус корабля стал виден со всех сторон, но без пушек, без мачт и труб.

Ясное, погожее утро. Над суровой, холодной Невой стелется редкий туман. Лучи восходящего солнца играют на позолоте стройного адмиралтейского шпиля и на широких главах Исаакиевского собора. Город спит крепким утренним сном.

Несмотря на ранний час, на судостроительном заводе адмиралтейства били тяжелые кувалды и стучали плот-

ничьи топоры. Шла подготовка к спуску на воду нового крейсера «Олег». От мастеров и рабочих требовалась большая внимательность, расторопность, осторожность и смекалка. Работами руководил старший мастер Николай Кузьмич, из бывших боцманов военного Балтийского флота. На счету Кузьмича, как его запросто звали на заводе, было больше двух десятков кораблей. Часто обращались к нему за советом и помощью не только молодые, но и пожилые корабельные инженеры и строители. Никому не отказывал Кузьмич. Особенно охотно помогал старый практик молодым рабочим. Перед спуском корабля мастер волновался больше всех. В день спуска «Олега» он пробыл на заводе всю ночь, не смыкая глаз. Смену рабочих сам расставил по местам и спокойным, уверенным голосом стал отдавать приказания.

— Бей первую!

Под сильным ударом тяжелой кувалды деревянная упорка упала вниз.

— Бей вторую, третью!—командовал Кузьмич.

Толстые деревянные упорки одна за другой с грохотом валилась на стапель. Корпус крейсера освобождался от лесов. Молодые корабельные инженеры подбегали к старому мастеру, чтобы высказать свои опасения.

— Ничего, ничего, господа инженеры, — успокаивал он. — Все идет, как полагается. Пора «Олегу» самому учиться стоять. В море никто подпирать не будет. Разве только снаряд на войне упрется в борт,—шутил старик.

Молодые инженеры пожимали плечами и уходили.

— Восемь часов. Время бы уж и начальству быть,—проговорил Кузьмич, взглянув на свои массивные серебряные часы—подарок командования за отличную службу.

Прибыл командир порта.

— Как дела?—обратился он к Николаю Кузьмичу.

— Все в порядке, ваше превосходительство. Можно спускать.

На палубе «Олега» построился почетный караул и команда корабля с оркестром музыки. Подъезжало высшее морское начальство.

— Крейсер к спуску! Смирно! Слушай, на караул! — последовали команды на палубе корабля.

Под руководством Николая Кузьмича выбили последние упоры. Крейсер вздрогнул и медленно, под музыку и

крики «ура», покатылся по спусковым механизмам в Неву. На корме и на носу корабля взвились флаги.

С шумом врезался «Олег» в воду. Высокий вал взметнулся под кормой. С грохотом сорвались с мест и полетели в воду якоря.

Флот пополнился новой боевой единицей. Но «Олег» нужно было еще вооружить разнообразными механизмами, орудийными установками и снабдить боевыми и продовольственными припасами. Корпус корабля подвели к береговой, облицованной камнем, стенке Невы. Надтреснутым, хриплым голосом старший боцман Чабан отдавал одно за другим приказания.

Потянулись на берег толстые канаты. Прочные деревянные мостки соединили берег с кораблем.

Снова на «Олеге» застучали кувалды, пневматические молотки и задымили переносные горны. С ловкостью акробатов подавали подростки рабочим-клепальщикам раскаленные добела заклепки. Ловкими ударами загоняли их клепальщики в готовые отверстия стальных корабельных листов. Прочные, крепкие швы ложились на кромки листов. Скрипели талями пловучие подъемные краны, передавая на корабль тяжелые предметы вооружения.

— Майна—вира!...—то и дело слышалось на корабле.

Мы продолжали выполнять на крейсере черновую работу. Других занятий у команды «Олега» пока не было. Технической и боевой подготовкой молодых бойцов никто не занимался. Редкий матрос-специалист попадал на устройство корабельных агрегатов. Будущие хозяева сложных машин продолжали таскать корабельную грязь.

Холодный декабрь затянул Неву молодым крепким льдом. Резкий ветер загулял по широким просторам реки. Вооружение крейсера продолжалось.

Глава IV

КРЕЩЕНСКИЙ ПАРАД

Новый, 1904 год я встретил уже квартирмейстером. Это было первое звание младшего командира в старом, дореволюционном флоте.

Через несколько дней в экипажной швалье нашили мне на плечи фланелевки знаки различия — две поперечные желтые ленточки.

По заведенному обычаю, за каждую желтую полосу вновь произведенный должен был поставить одну бутылку водки, или «брыкаловки», как звали ее матросы. «Обмывание» происходило в ротном помещении. Виновник торжества приносил водку и закуску. К столу приглашался фельдфебель, капралы роты, и начиналось угощение. Вновь произведенному в этой компании пить не полагалось—он должен был только угощать.

В один из праздничных дней я притащил в экипаж установленную норму выпивки и выставил на заранее приготовленный столик. Подошел фельдфебель Медведев. Посмотрел бутылки на свет, покосился на ярлычки и одобрительно крикнул.

— Вот это, браток, по-настоящему сообразил, — сказал он, — «смирновская» крепче «николаевской» будет.

Приглашенные быстро собрались и начали угощаться.

В роту неожиданно вошел ротный командир мичман Пилепенко и «накрыл» нас на месте преступления. Делать нечего — пришлось сознаться. Он дал фельдфебелю крепкий нагоняй за распущенность, а мне пригрозил рапортом на имя экипажного командира.

После ухода ротного командира пошла складчина. Мы выставили на лестнице дозор и гуляли спокойно...

Долго меня таскали офицеры для объяснений, и наконец я попал к экипажному командиру Серебренникову.

Суровый на вид капитан первого ранга спросил, как было дело. Я подробно, чистосердечно рассказал обо всем.

— Надеюсь, ты больше этого делать не будешь? — спросил он.

— Никак нет, — ответил я и добавил: — Прошу на первый раз, ваше высококородие, извинить.

На лице сурового командира мелькнула добрая улыбка.

— Объявляю замечание. Можешь идти.

Такого решения я не ожидал. В продолжение всей моей службы во флоте я помнил этого сурового старика. Недаром любила команда броненосца «Бородино» своего командира.

Гулко раздавались в морозном воздухе удары тяжелых кувалд. Над разведенными горнами вился синий пахучий дымок. Часто подбегали к ним рабочие, снимая на ходу рукавицы, чтобы согреть озябшие руки.

Над городом спускались зимние сумерки. В шесть часов начинали петь на разные голоса фабричные гудки. Трудовой день кончался. Рабочие спешно расходились по домам. На крейсере становилось пусто и тихо.

На палубе оставались только матросы вахтенной службы, к которой был причислен и я после производства в квартирмейстеры.

В одно из моих дежурств прибегает из экипажа рассыльный с распоряжением — немедленно явиться в экипаж.

— Требуется сам экипажный командир, — скороговоркой сказал рассыльный, — а зачем — не знаю.

— Не больно сердит? — спрашиваю я.

— Чорт их, этих господ, разберет. Сердитый он или нет, а только не топают.

Я быстро побежал в экипаж. Экипажный командир, капитан первого ранга Мокас, ровным, спокойным голосом отдает какие-то распоряжения фельдфебелю Медведеву.

«Ну, значит, ничего, — подумал я, — не сердитый».

Окинув меня беглым взглядом, Мокас командует:

— Кругом, марш!

Повертываюсь лицом к двери. В голове мелькает мысль, что теперь последует команда — «шагом» или «бегом, марш», и я вылечу снова на лестницу.

— Кругом, марш! — командует снова Мокас.

Поворачиваюсь второй раз. Прием выполняю быстро и четко, и даже, вопреки уставу, пристукиваю каблуком. Мокас, улыбнувшись, задает несколько вопросов по чинопочитанию. Отвечаю без запинки.

Можно отпустить, — приказывает он фельдфебелю и добавляет: — Подойдет.

Не думая ни о чем, лечу на корабль, довольный, что дело обошлось без ругани. А на другой день, после смены с вахты, узнаю, что я выделен ассистентом при знаменщике на крещенский парад.

Парад проходил в Зимнем дворце, и принимал его царь. В параде участвовали воинские части петербургского гарнизона: гвардия, кавалерия, артиллерия, флот и пехота. От каждой части выставляли по одному взводу со знаменем и оркестром музыки. Каждый командир старался щегольнуть своей частью, а поэтому для участия в параде подбирали солдат и матросов с хорошей военной выправкой.

Все волновались, но больше всего волновался наш знаменщик—старший боцман Чабан. Мы заметили, что Чабана очень беспокоят его длинные, торчащие во все стороны, усы, которым он никак не мог придать парадную форму.

— Вы бы, господин боцман, мази купили в аптеке, или мылом смазали их,—посоветовал я ему.

Боцман ничего не сказал, но, видимо, решил советом воспользоваться. Чем намазал он свои усы перед парадом—не знаю, но только они торчали у него, как стрелы, придавая лицу свирепое выражение.

Утром шестого января наш взвод прибыл в Зимний дворец. Дворцовые портные взяли у нас принесенное для парада обмундирование. Тщательно осмотрели, не забыв вывернуть карманы. Слегка проутюжили и вернули нам.

Переодевшись, взвод занял отведенное ему место в малом аванзале вместе с восьмым и четырнадцатым экипажами. В соседнем зале разместились гвардейцы в начищенных медных касках с двуглавыми орлами. Все залы Зимнего дворца заполнились войсковыми частями.

В десять часов утра по залам пронеслась команда:

— Смирно! Слушай, на караул!

Сверкнули штыки и сабли. Неподвижно застыли войска.

Под звуки гимна из царских покоев двинулась процессия по залам дворца. В самых разнообразных костюмах медленно шли придворные чины. Впереди—старый царедворец, одетый в странный, невиданный наряд. Старик подпирался золоченым жезлом. Прошла вереница придворных дам. Длинные шлейфы парадных платьев, поддерживаемые пажами, мели полы дворцовых комнат. Присутствие виновника торжества—Николая II, с его невзрачной наружностью, оставалось незаметным в блестящей, нарядной толпе. Я не могу уверенно сказать и сейчас—был ли он на этом параде или нет.

Более получаса шла придворная челядь до дворцовой церкви, где ждало в полном сборе высшее петербургское духовенство, чтобы начать торжественную службу. Войскам командовали:

— К ноге!

Матросы и солдаты растирали онемевшие руки.

Первая половина церемонии окончилась. Мы могли передохнуть.

Старший боцман Чабан передал мне знамя. Вытащил из кармана носовой платок и стал вытирать вспотевшее лицо. Когда он обернулся к нам, мы зажали рты, чтобы удержаться от смеха. По лицу Чабана протянулись грязные полосы. Усы повисли вниз, как у моржа. Куда делся бравый вид!

Чабан ничего не замечал, а мы не знали, как ему об этом сказать.

Выручил знаменосец соседнего экипажа. Взглянув на полосатое лицо Чабана, он рассмеялся и потащил его к огромному зеркалу в дорогой позолоченной оправе. Чабан принялся усердно стирать с лица следы предательской краски, которой нафабрил перед парадом непослушные усы.

В дворцовых залах снова раздалась команда.

— На караул!

Началась вторая часть парада.

Под звуки военных оркестров процессия, в сопровождении многочисленного духовенства, направилась из церкви к выходу на Неву, где была приготовлена «иордань» — прорубь, прикрытая сверху деревянным шатром. Певчие двух лучших петербургских церковных хоров соперничали красивыми голосами с медными глотками военных оркестров.

Парад был закончен орудийным салютом в сто один выстрел с фортов Петропавловской крепости.

По приходе в экипаж мы долго смеялись над боцманом Чабаном, а он крыл нас отъявленной бранью. Больше всех досталось мне, как первому советчику.

По одному рублю серебром получили мы за крещенский парад.

НАЧАЛО ВОЙНЫ И ВСТРЕЧИ С АДМИРАЛОМ
МАКАРОВЫМ

В ночь на 9 февраля (27 января) 1904 года японские миноносцы, как пираты, без объявления войны, атаковали в Порт-Артуре Первую Тихоокеанскую эскадру и вывели из строя броненосцы «Цесаревич», «Ретвизан» и крейсер «Паллада».

Когда я услышал об этом, в моей памяти сразу встала недавняя встреча с адмиралом Макаровым, посетившим наш экипаж.

О приезде адмирала Макарова из Кронштадта в Петербург никто из матросов экипажа не знал, и встреча вышла неожиданной.

В один из студеных ноябрьских вечеров, пользуясь свободным временем от ужина до вечерней «справки» (проверки), матросы шестой роты, в числе которых был и я, собрались в кружок около жарко топившегося в роте «камелька». Шла задумчивая, товарищеская беседа: мы вспоминали покинутые родные деревушки и села, близких, родных и друзей, говорили про морскую службу, про начальство. Разговоры незаметно заменились песнями. К нам присоединились свободные от службы матросы из команды броненосца «Бородино», жившие в смежных помещениях. Пели мы хором «Калинушку», «Ермака», «Из-за острова на стрежень», «Вниз по матушке по Волге».

— Давай, братки, плясовую, — крикнул кто-то из матросов.

— Плясовую, плясовую давай, — поддержало еще несколько голосов.

Тут же появилась старая, единственная в экипаже, гармошка. Гармонист широко растянул потрепанные меха и заиграл не то «камаринского», не то «русскую».

Желающих плясать оказалось много. Плясали на совесть, до-упаду.

В самый разгар веселья по роте пронеслась громкая отрывистая команда:

— Встать! Смирно!

Вмиг все стихло. Мы повернули головы и увидели рядом с дежурным офицером вице-адмирала с большой

окладистой бородой, расчесанной на две стороны. Многие из нас сразу в нем узнали Макарова, любимца балтийских моряков.

— Здорово, братцы!—приветливо крикнул Макаров.

В ответ раздалось оглушительное:

— Здравия желаем, ваше дит-ство!

От дружного возгласа на ближайшей стенке погасли два газовых рожка.

Макаров улыбнулся.

— Я слушал ваши задушевные русские песни и вспоминал свою молодость. Я тоже любил и попеть, и поплясать. Это в молодости необходимо. И до сих пор я все родное, русское люблю и особенно лихих русских моряков.

Макаров остановился рядом с нами и добавил:

— Спасибо вам, братцы, за доставленное удовольствие.

— Рады стараться, ваше дит-ство,—дружно ответили мы адмиралу и приготовились слушать, что он скажет дальше.

— Не забывайте, братцы, никогда, что русские моряки должны не только хорошо петь и плясать, но еще лучше уметь воевать и побеждать. А воевать нам скоро придется.

Мы не смели спросить адмирала, кто наш будущий противник и только вопросительно смотрели на него.

Макаров помолчал, слегка наклонив седеющую голову, а потом снова начал говорить:

— Война, повидимому, неизбежна. Война с Японией. Корабли вашего экипажа должны быть всегда наготове. Вам, братцы, может предстоять тяжелый, длительный путь и большие испытания. Надо быть к этому готовым. Не падайте духом и смело смотрите вперед. Уверен, что вы оправдаете высокое звание защитников родины. Надеюсь с вами встретиться на Дальнем Востоке. Прощайте, будущие герои!

Макаров надел фуражку, которую держал в руке и, быстро повернувшись, направился в экипажную кают-компанию, сопровождаемый громовыми криками матросского «ура!»

Приезд адмирала Макарова взбудоражил весь экипаж. Несколько дней матросы говорили только о нем.

Мне довелось и раньше видеть Макарова. Это было в Кронштадте, куда я ездил навестить своих земляков-матросов.

Воспользовавшись моим приездом, товарищи получили увольнительные билеты и повели меня в город. На одной из улиц нам встретился адмирал Макаров. Для приветствия мы встали, как полагалось по уставу, во фронт. Макаров остановился, поздоровался и спросил, куда мы идем.

— В город, ваше превосходительство,—ответили мы разом.

— Почему в рабочее время и зачем?

— Землячок, вот, ваше превосходительство, из Питера приехал, идем посмотреть город и купить ему чертежных принадлежностей.

— А ты сам не чертишь? — задал вопрос моему земляку Макаров.

— Никак нет, ваше превосходительство, не занимаюсь этим делом.

— А деньги есть на покупки чертежных принадлежностей?—продолжал расспрашивать адмирал.

— Рублишко найдем, ваше превосходительство.

— Маловато,—промолвил Макаров. Достав из портмоне три серебряных рубля, он отдал их моему товарищу и сказал:

— Теперь, надеюсь, на троих хватит.

— Покорнейше благодарим, ваше превосходительство,—ответили мы хором.

— Можете идти, только смотрите у меня, по дороге не зачертите.

Адмиральский подарок мы хранили в течение всей нашей службы во флоте. Макаровский рубль совершил со мною дальневосточный переход и был неммым свидетелем событий в Цусиме.

Матросы любили Макарова за его простое, гуманное отношение, за повседневную заботу о нуждах матросов. Воспоминания об адмирале Макарове оставались у них в памяти на всю жизнь. Вот что мне рассказывал впоследствии помощник капитана волжского купеческого парохода Камзолов, бывший матрос 4 флотского экипажа:

«В один из праздничных осенних дней я получил увольнительный билет и пошел побродить по Кронштадту.

Дул холодный, пронизывающий ветер, слегка морозило. Вечером пошел мелкий дождь. Мостовые и тротуары покрылись тонкой корочкой гладкого льда. На обратном пути на горке, которой оканчивался тротуар, у входа в экипаж, я поскользнулся и упал на четвереньки. В это время из экипажа вышла группа офицеров во главе с адмиралом Макаровым, которого я сразу узнал по голосу. Мои попытки подняться для приветствия адмирала ни к чему не приводили. Макаров заметил это и остановился.

— Это что такое? Ты что тут, братец, делаешь?

— С якоря снимаюсь, ваше превосходительство, — громко отчеканил я, вспомнив, что Макаров очень многое прощал матросам за находчивость.

— Помощь нужна? — спросил адмирал.

— Так точно, ваше превосходительство, — ответил я, но уже не так бойко.

— Подайте этому растрепе буксир, а завтра проведите с ним дополнительные занятия по дисциплинарному уставу и морской практике, — приказал Макаров провожавшему его дежурному офицеру.

Дневальный у ворот подал мне руку. Через минуту я был в роте, и с волнением рассказал товарищам о своем разговоре с адмиралом.

— Ничего, Камзолыч! — подбадривали меня товарищи, — не трусь, «дед» сметливых матросов любит. Отсидишь суток десять в «карцибуле», тем дело и кончится.

Ночь я почти не спал, а утром меня вызвали к экипажному командиру.

— Камзолов, как ты смел так отвечать адмиралу? Кто тебя учил?

— Никто, ваше превосходительство, сам так сообразил, — ответил я, стараясь не смотреть в глаза командиру.

— Его превосходительство надеется, что из тебя выйдет толковый старшина и приказал тебе готовиться к экзамену. Надеюсь, что ты оправдаешь доверие его превосходительства. Ступай и начинай заниматься в свободные от службы часы. От прогулок в город придется временно воздержаться, а летом пойдешь в плавание.

Через шесть месяцев после практического плавания на учебном судне я успешно сдал экзамен на квартирмейстера, а потом стал учиться дальше и закончил речное училище. Всем этим я обязан Степану Осиповичу Макарову.

Итак, война Японии с Россией стала совершившимся фактом.

Покрытые инеем телефонные провода понесли неожиданную весть по Руси. С проклятием и слезами встречали ее занесенные снежными сугробами деревни и села.

Благовестили колокола церквей. Попы просили бога о ниспослании побед «помазаннику божьему Николаю II и христолюбивому воинству».

Лихорадочной жизнью зажил экипаж. Война отодвинула на задний план личную жизнь матросов. Война захлестнула нас, как морская волна неумелых пловцов. Мы не знали настоящих причин ее возникновения и толковали об этом на разные лады.

Как-то я дежурил по экипажу. В канцелярии неожиданно раздался резкий телефонный звонок. Снимаю телефонную трубку и ушам не верю—сплошная брань. Предлагаю прекратить ругань и вешаю трубку.

Звонок настойчиво трещит снова. Подхожу опять.

Кричит хриплый старческий голос:

— Говорит адмирал Бирилев, немедленно позвать к телефону дежурного офицера!

Бегу сломя голову и докладываю дежурному офицеру штабс-капитану Тонкову. Подтягивая на ходу портупею, он, не спеша, подходит к телефону.

Телефонный разговор адмирала Бирилева с дежурным офицером продолжался недолго. Штабс-капитан Тонков, с красным от волнения лицом, броском кладет телефонную трубку на аппарат. Называет кого-то свиньей и, понутив голову, уходит в дежурную комнату, куда вскоре вызывает меня.

— Передай вот это после смены экипажному адъютанту,—проговорил тихо Тонков, передавая мне закрытый пакет.

— Есть, ваше высококородие,—ответил я, направляясь к выходу.

— Подожди, Магдалинский. Ты, я слышал, изъявил желание идти добровольцем на фронт? Правда ли это?

— Так точно. Мне хочется поплавать в море и посмотреть за границу.

— Желаю тебе успеха, — усмехнулся Тонков и несколько раз прошелся по комнате.

— Разрешите итти, ваше высокородие?—спросил я.

— Подожди,—сказал он, садясь за столик, на котором стояла водка и закуска.

Выпив залпом две рюмки водки, Тонков приказал притворить поплотнее дверь.

— А знают ли, Магдалинский, твои товарищи матросы за кого они воевать будут?—тихо, с волнением, спросил он.

— В манифесте, ваше высокородие, сказано—за веру, царя и отечество,—по-казенному отрапортовал я.

— В манифесте!.. За толстосумов вот этих, которые лаются, как псы, умирать будете!—прокричал Тонков и сердито стукнул по столу кулаком.

Никогда я не видел раньше в таком возбужденном состоянии этого тихого офицера и был озадачен.

— Можешь итти, а болтать не смей,—приказал он и торопливо налил себе водки еще.

В политике я тогда разбирался плохо. Из сказанного офицером Тонковым понял далеко не все и решил, что штабс-капитан пьян. Встретиться еще раз с Тонковым мне не пришлось. Говорили, что он вынужден был выйти в отставку после ареста, наложенного на него адмиралом Бирилевым.

Глава VI

ПОДГОТОВКА К ПОХОДУ

Страницы петербургских газет были наполнены сообщениями с далекого фронта. Отдельные удачные боевые стычки подавались как крупные победы. Отступление армии объяснялось стратегическими соображениями. По газетам выходило, что и на фронте, и в тылу все благополучно.

Но от рабочих, которые были на постройке «Олега», мы слышали совершенно другое. Они говорили нам, что стоявшие во главе армии и флота начальники, за отдельными исключениями, оказались бездарными полководцами, что раздетая и разутая царскими казнокрадами многострадавшая русская армия отступала под ударами хорошо вооруженной армии противника, устилая тысячами трупов далекие манчжурские сопки. Флот также

терпел неудачи. Положение порт-артурской эскадры становилось все тяжелее.

13 марта взорвался броненосец «Петропавловск», на котором погиб адмирал Макаров. Среди матросов ходили упорные слухи, что их любимец пал от предательской руки раньше, чем взорвался корабль.

Оснований для таких разговоров у нас было достаточно. Обладавший незаурядным умом и способностями, высокообразованный адмирал Макаров резко выделялся из дворянской офицерской знати, которая плела вокруг него сети интриг. Недолюбливал Макарова и великий князь Кирилл, который находился в числе офицеров броненосца «Петропавловск».

— Всегда бывает так, — говорили матросы после гибели адмирала Макарова, — золото тонет, а дерьмо на воде плавает.

Последнее относилось к Кириллу, который, как известно, после гибели «Петропавловска» остался жив.

В экипаже стали говорить о посылке на Дальний Восток кораблей Балтийского флота на помощь Первой Тихоокеанской эскадре. Вскоре слухи превратились в действительность. От своих товарищей, офицерских вестовых, мы узнали раньше, чем из газет, что посылка второй эскадры — дело решенное и что в состав ее войдет и наш «Олег».

В работе по вооружению крейсера была заметна спешка. Готовностью корабля стало интересоваться и высокое начальство. Мне как-то особенно «везло» на эти посещения. На своей вахте я встречал на крейсере и адмирала Рождественского, назначенного командующим Второй Тихоокеанской эскадрой, и самого Николая II.

Адмирал Рождественский прибыл на крейсер в обеденный перерыв и прямо спустился в жилую палубу, где я без особого труда разыскал его, чтобы отдать рапорт. Рождественский стоял у входа в машинное отделение, схватившись за поручни трапа. Я никак не мог подойти к нему спереди и решил рапортовать в спину.

— Ваше превосходительство, на корабле его императорского величества, крейсере первого ранга «Олег», все обстоит благополучно! — крикнул я широкой спине адмирала и стал ждать обычного «разноса».

Рождественский медленно повернулся, посмотрел на

мою вытянутую фигуру и, ничего не сказав, стал продолжать осмотр корабля. Гулким эхом отдавалась в пустых внутренних помещениях корабля тяжелая поступь грузного адмирала. По обязанности старшего вахтенного я сопровождал адмирала, но мое присутствие оставалось незамеченным. Осмотрев корабль, Рождественский что-то промышчал и так же быстро, как и прибыл, исчез с крейсера, не сказав никому из нас ни слова.

Визит адмирала окончательно убедил нас, что «Олегу» предстоит далекий путь на Дальний Восток.

Несколько дней спустя крейсер осматривал царь. Для осмотра был выбран праздничный день, когда на «Олеге» никаких работ не производилось. Не было на корабле и начальства, для которого приезд царя, видимо, оказался неожиданностью. Пользуясь праздничным днем, свободные от вахты матросы мирно беседовали в караульном помещении, под которое был отведен старый портовый пловучий кран.

Тихо было на корабле и в адмиралтействе.

Вдруг раздался резкий звонок тревоги. Мы выскочили на палубу. Неизвестный офицер отдал мне приказание немедленно послать рассыльного матроса за старшим офицером корабля.

— Есть послать рассыльного, ваше высочородие! Что прикажете доложить его высочородию, господину старшему офицеру?

Офицер передал запечатанный конверт и отрывисто, резко сказал:

— Доставить немедленно! Передать лично!

Рассыльный пустился бегом на берег. Я отдал офицеру запоздалый рапорт, в котором особенно нажал на то, что на крейсере все благополучно. Этим я рассчитывал узнать причину тревоги.

Офицер, очевидно, не нашел нужным отвечать на мой косвенный вопрос. Он отошел в сторону, разговаривая с сопровождающим его корабельным инженером адмиралтейства.

Мы в недоумении продолжали стоять на палубе.

Окончив разговор с инженером, офицер обратился ко мне:

— Вахта на корабле исправна? Люди надежные?

— Так точно, ваше высокородие! Ребята трезвые, исполнительные! Вахту держат исправно, как полагается. Посторонних на крейсер не допускают.

Офицер хотел, видимо, еще о чем-то спросить меня, но в это время к нему подбежал запыхавшийся старший офицер «Олега» капитан второго ранга Посохов.

Посохов поздоровался, и оба офицера в сопровождении корабельного инженера направились в обход по кораблю. Сопровождая их на расстоянии трех шагов, как полагалось по корабельному уставу, я внимательно прислушивался к разговору. Из долетевших до меня отдельных отрывков фраз я понял, что на крейсер должен приехать царь. Теперь для меня была понятна тревога, поднятая на корабле.

Посохов обернулся и поманил меня.

— Можешь ли ты, Магдалинский, отдать рапорт, если, допустим... приедет на корабль... государь?

— Так точно, ваше высокородие. Могу.

— Не студишь?

— Никак нет.

— Вызвать свободных от вахты людей и построить во фронт,—приказал Посохов.

Вахта быстро построилась на палубе. Было прохладно. С Невы дул резкий ветер. Посохов нервной походкой ходил вдоль палубы и внимательно смотрел на берег. Мы ежились от холода в своих легких шинелях, в то время как старший офицер то и дело вытирал платком вспотевший лоб.

На берегу показалась группа морских офицеров в походной форменной одежде, отличавшейся от будничной тем, что брюки были заправлены в высокие сапоги. Медленной походкой офицеры двигались к деревянным мосткам, перекинутым с берега на корабль.

Старший офицер крейсера Посохов быстро подкинул руку к треугольной шляпе, длинным прыжком вскочил на конец мостков и каким-то диким голосом, от которого мы все вздрогнули, скомандовал:

— Смирно! Равнение налево!

Мы повернули головы налево и, не спуская глаз, смотрели на поднимавшихся по мосткам офицеров. Среди них без особого труда узнали царя, портреты которого можно было встретить везде.

Николай был в форме капитана первого ранга. Надвинутая на лоб фуражка с широкими полями, поношенная шинель и простые высокие сапоги придавали ему вид обыкновенного офицера царского флота.

Поднявшись на борт «Олега», царь окинул мутным взглядом «собственный его величества крейсер» и остановился, чтобы принять рапорт от старшего офицера, рука которого так и прыгала от волнения.

Дрожащим голосом Посохов стал рапортовать, смутился и не окончил рапорт. Усмехнувшись, царь протянул ему руку...

Николай вместе с сопровождавшими его адмиралами и старшим офицером начал осмотр крейсера. После беглого осмотра верхней палубы начальство спустилось в жилую палубу. Пользуясь этим, мы, не дожидаясь команды «вольно», перебивая друг друга, стали обмениваться впечатлениями о встрече с царем.

— Уж больно тощ.

— На таких-то харчах и то растолстеть не мог.

— А с наших харчей свалился бы с ног.

— Какой-то тихий.

— В глазах характеру не видать.

— Вертит им, поди, царица-мать.

Мы до того разболтались, что не заметили, как начальство, во главе с царем, появилось снова на верхней палубе. Старший офицер, видимо обласканный Николаем, имел важный вид. Руки его уже не дрожали. Голос был уверенный. Он держался прямо, выпятив широкую грудь, увешанную орденами и медалями. Мы слышали, как царь при уходе с крейсера благодарил Посохова за службу.

Вскоре ушел с корабля и старший офицер. Свободные от вахты матросы собрались в караульном помещении. На скорую руку приготовили чай и начали оживленную беседу. Разговоры вертелись вокруг царя. Мы вспоминали невзрачный царский вид, царскую походку и потрепанный царский костюм. Один из товарищей до того разошелся, что даже попытался представить царственную особу, но из этого ничего не вышло—он был ростом значительно выше царя и шире в плечах.

— Вот если бы росту поубавить, да царскую бороденку к роже приставить, тогда бы разыграл обязательно,—оправдывался наш незадачливый актер...

В экипаж стали прибывать призванные из запаса старые матросы. Понурые, обросшие бородами, входили они в роту, бросали с руганью болтавшиеся за плечами котомки и размещались на знакомых нарах. Часто в разговорах вспоминали родные деревушки, писали письма и тосковали.

Одиночками прибывали в экипаж из дисциплинарных батальонов и тюрем матросы «разряда штрафованных». Это были люди особого склада, не мирившиеся с палочной экипажной дисциплиной и за свой независимый характер расплачивавшиеся службой в особых частях и тюремных казематах. В большинстве своем «разрядчики» принадлежали к числу наиболее толковых и ловких матросов. Скучать с ними не приходилось. Они всегда были веселы, шутливы. У каждого было что рассказать — только слушай.

В вечерние, свободные от работы часы, переполненный матросами экипаж гудел, как пчелиный улей. В грязных рабочих костюмах экипажные плясуны лихо отхватывали «русского» под веселые переборы гармошки. Потом плясуны уступали место певцам. Чаще всего мы пели хором старые народные песни и новые частушки.

Глава VII

ПЕРВАЯ ВАХТА

К весне на «Олеге» были закончены трудоемкие черновые работы. Мы любовались своим кораблем, на палубе которого горделиво стояли три широкие, слегка откинутые назад, дымовые трубы. «Олег» был красивее тяжелых, похожих на утюги, броненосцев.

На Неве начались подвижки льда. Для наблюдения пришлось выставить добавочный вахтенный пост и подать на берег дополнительные крепления. Работами руководил, как всегда, Чабан, не выпускавший из рук боцманской дудки. Он с большим мастерством выводил на ней всякие трели. По дудке Чабана матросы тянули на берег толстые канаты, по дудке крепили канаты на берегу и, также по дудке, поздно вечером кончали работу.

К ночи слегка подморозило. Подвижки льда прекратились. До рассвета ничего особенного на вахте не случи-

лось, и некоторые из нас готовы были ругать Чабана за излишнюю предосторожность.

Ледоход начался после восхода солнца. Оторвавшаяся льдина шириной во всю реку двинулась к левому берегу, у которого стоял «Олег». Под напором льда крейсер рванулся назад. Толстые якорные цепи, натянутые как струны, звенели. Каждый миг они могли оборваться. Крейсер то поджимался к береговой стенке, то отступал от нее. Поданные на берег тяжелые мостки вставали дыбом. Из караульного помещения мы всей вахтой перешли на корабль, чтобы быть готовыми в любую минуту принять необходимые меры в случае срыва «Олега» льдом.

Лед сплошной массой двигался около двух часов, а потом пошел разводьями. Опасность миновала. На корабль прибыл старший офицер Посохов.

Без шинелей, в одних фланелевых рубашках, мокрые от пота, мы подбирали ослабевшие канаты и крепили сорванные ледоходом мостки.

— Кто разрешил вахте раздеться?—сердито спросил Посохов.

— В шинелях, ваше высококородие, работать очень неудобно и жарко,—ответил я.

— Я спрашиваю, кто вам разрешил?.. — закричал Посохов, наливаясь гневом.

Не зная что ответить, я молчал.

Посохов дал мне выговор и добавил:

— Здоровье надо беречь, оно нам еще пригодится.

— Вишь, какой благодетель нашелся, — говорили матросы, провожая старшего офицера насмешливыми взглядами,—когда бьет матроса, так о здоровье не спрашивает.

Пришла вахтенная смена. Усталые и вместе с тем довольные, что «Олег» не получил никаких повреждений, мы вернулись в экипаж и завалились спать.

Через сутки, когда мы снова пришли на вахту, на Неве не было ни одной льдинки. Коренастые, неуклюжие буксиры, блестевшие на солнце свежескрашенными бортами, тащили первые караваны. Тяжело шлепая по воде колесными плитами, прошел в Кронштадт пароход, переполненный пассажирами, среди которых много было военных. Снимались с якоря и уходили в море «купцы» и военные суда. На рейде оставались, кроме кораблей-инва-

лидов, броненосцы «Бородино» и «Орел», наш крейсер «Олег» и другие новички русского флота, которые должны были войти в состав Второй Тихоокеанской эскадры.

Рулевой боцманмат крейсера «Олег»
А. В. Магдалинский в 1905 г.

С наступлением весны на «Олеге» начались спешные работы по установке вспомогательных механизмов и различных приборов управления. Командный состав корабля пополнялся строевыми офицерами и офицерами электро-

механической службы, в числе которых было немало молодых мичманов и инженер-механиков, только что расставшихся со школьной скамьей. Командиром крейсера был назначен пожилой капитан первого ранга Добротворский.

В последние недели нашей стоянки в Петербурге больше, чем обычно, суеилось начальство, чаще и крепче ругались боцманы. Чабан охрип и кричать уже не мог. Теперь его выручала только боцманская дудка. Молодые инженер-механики в замазанных машинным маслом кителях с чертежами носились из котельного отделения в машинное и обратно. Около топок хозяйничали кочегарные старшины. В машинном отделении молодые машинисты, вооружившись масленками, под руководством машинных квартирмейстеров, заливали маслом блестевшие, как зеркало, полированные детали машин. В трюмных отсеках, в царстве корабельных крыс, согнувшись в три погибели, лазили трюмные машинисты. В орудийных башнях и казематах комендоры и гальванеры налаживали прицельные приборы управления орудийным огнем. У торпедных аппаратов возились минеры и минные машинисты. Баталеры и содержатели разных служб набивали погреба различным добром. На работах по подготовке крейсера был занят весь личный состав корабля—750 человек. Главную роль играли машинисты и кочегары, которых в походе боцманы особенно не любили за грязь, оставляемую ими на верхней палубе от пропитанных угольной пылью и машинным маслом рабочих костюмов. Теперь эти «духи» и у боцманов были в почете. К ним обращались с вопросами о готовности машин и котлов даже палубные офицеры.

Однажды в обеденный перерыв, когда мы собрались на баке, кочегарный старшина Ткаченко, присланный на крейсер из Черноморского флота, сказал нам:

— Недолго осталось, братки. Деньков через пять зашуруем. Можно будет и плыть.

Высокого роста, широкий в плечах, с характерным упрямым подбородком, он внушал полное доверие. «Этот не обманет»,—подумали мы и стали ждать.

Ровно через пять дней из труб «Олега» показался первый дымок.

— Ай да, Ткаченко!

— Молодец!

— Не подведет,—говорили матросы, любуясь на черный дым, который становился гуще и гуще, и, наконец, повалил клубами. Любовался дымом и кочегарный старшина. Он часто поднимался на палубу, похлопывая по трубам широкой ладонью, взбирался на верхушки труб и, неизвестно для чего, заглядывал в самое их нутро. Украдкой любовались дымком и офицеры.

Начались испытания главных машин и вспомогательных механизмов. Новые машины капризничали. Машинистам то и дело приходилось их останавливать, чтобы подкрепить различные болты и гайки, переставить фланцы, притереть подшипники. Эти мелкие неполадки скоро были устранены. «Олег» был готов к выходу в Кронштадт. Офицеры и команда получили распоряжение перебраться на корабль.

Немало хлопот причинил дежурному офицеру последний день нашего пребывания в экипаже. И группами, и в одиночку матросы под различными предлогами выпрашивали себе разрешения на выход за ворота. Дневальные едва успевали проверять увольнительные билеты. Многие возвращались в экипаж под «хмельком», приводили знакомых, выдавая их за родственников, и с ними тайком угощались.

С утра начались сборы. На экипажном дворе, в облаках пыли, команда выбивала из казенных, служивших нам верой и правдой почти два года, тюфяков и подушек перетертую матросскими боками солому. С опорожненными чехлами бежали в экипаж, чтобы сдать их фельдфебелям. Парусиновые чемоданы с матросским добром были готовы раньше.

Погрузка на подводы заняла несколько минут. Команда строилась последний раз на экипажном плаце. Последовал ряд отрывочных, давно знакомых команд, и мы двинулись на корабль. Из окон экипажа махали фуражками оставшиеся матросы нестроевой роты.

— Прощай, земляки. Прощай, экипаж,—кричали мы, и всем вдруг стало жалко этого обжитого места.

Через час мы были уже на корабле и располагались со своими пожитками на новом месте жительства. Каждому был присвоен номер. Этим номером были заштампованы наши койки, чемоданы, предметы обихода и части

верхней одежды. На время корабельной жизни матрос должен был забыть свою фамилию и помнить только присвоенный ему номер. По номерам составлялись из нас корабельные наряды и вахты; по номерам вызывали к начальству; по номерам проверяли и на «справках».

Много неудобств причинили нам в первую ночь на корабле подвесные, раскачивающиеся при каждом повороте туловища, койки. Мы часто хватались за кромки постели, чтобы не упасть на палубу. Многие встали раньше побудки:

В пять часов просвистали дудки боцманов, а за ними последовала команда:

— Вставать! Койки вязать! Умываться!

Кувыркнуться из подвесной койки на палубу было легко. Труднее связать койку, в которую нужно закатать набитый пробкой матрац, одеяло и подушку. Связанная койка должна иметь форму правильного цилиндра.

С этим делом многие из нас не справились. Как ни уминали мы и руками и коленями койки, но цилиндров из них не получалось. Приходилось обращаться к старым матросам.

— Эх, вы, деревня,—шутили они,—койку связать это, брат, не хомут на лошади подсупонить.

После утренней уборки команду построили на верхней палубе. На шканцах собрались офицеры. Старший офицер по распоряжению командира корабля командовал:

— На флаг! На гюйс! На вымпел! Смирно!

На несколько минут замерла корабельная жизнь. Перестали стучать инструментом и вольные рабочие, сопровождавшие нас до Кронштадта. По команде старшего офицера были подняты на мачты «Олега» вымпел, флаг и гюйс. Командир Добротворский поздравил команду с началом плавания и приказал готовиться к походу.

Время летело незаметно. На следующее утро Добротворский приказал сниматься с якоря. Строевые старшины отчаянно засвистали в дудки. Через выходные люки во все помещения корабля полетела команда:

— Все наверх, с якоря сниматься!

— Пошел шпиль!—скомандовали с мостика.

— Пошел шпиль!—повторил команду находившийся на баке старший боцман Чабан и стал наблюдать, как со

скрипом и лязгом медленно ползла и падала в канатные ящики якорная цепь.

— Панер,—крикнул Чабан.

На мостике звякнул машинный телеграф.

— Встал якорь,—снова крикнул Чабан.

Из труб вырвался дым. Крейсер вздрогнул и начал тихо продвигаться вперед. Потом ход его заметно увеличился. Провожавший нас портовой буксир отстал. Он дал прощальные гудки и лег на обратный курс. Ответный гудок с крейсера дал лично сам командир Добротворский.

— 704, на руль,—выкрикнул вахтенный, перегнувшись туловищем в тамбур выходного люка. Дневальный в жилой палубе повторил распоряжение.

Номер 704 принадлежал мне.

Не успел дневальный повторить распоряжение, как я уже был на верхней палубе и, запыхавшись, поднялся на командирский мостик.

С сильно бьющимся сердцем переступил я порог ходовой рубки и первый раз в жизни взял в дрожавшие руки рулевое колесо. Кондуктор Машенцев сказал мне курс и вышел. Я остался один.

Мои первые неуверенные повороты рулевого колеса сбивали крейсер с курса. Корабль бросало то вправо, то влево. Это заметил находившийся на мостике старший штурман Мантуров. Он подошел к открытому окну рубки и добродушно сказал:

— Не волнуйся. Правь спокойнее. Много руля не клади. Видишь вон эту трубу,—указал он мне рукой на одну из дымившихся труб в Кронштадте.—Вот и держи на нее.

Простой и добрый совет помог. Я быстрым, удачным поворотом руля выравнивал ход «Олега».

— Хорошо,—сказал Мантуров,—так держать!

Волнение мое улеглось. Действия стали спокойными и уверенными. Крейсер шел точно по курсу. Мне хотелось стоять у руля без смены и день и ночь.

В Кронштадте начались технические испытания главных машин. Утром мы уходили в море на мерную милю, где при различном давлении пара в котлах делали несколько пробегов. Испытания проходили неудачно. Что-нибудь да не ладилось. Поздно вечером возвращались на Кронштадтский рейд.

ОТ КРОНШТАДТА ДО МЫСА СКАГЕН

Уходящие на Дальний Восток корабли приготовились к царскому смотру. Город, крепостные форты и стоявшие на рейде суда расцвелись флагами. Холодный осенний ветер гнал с моря обрывки свинцовых осенних туч. По рейду сновали охранные катера.

Паровой катер с начищенной медной трубой подошел к правому борту «Олега». Царь лениво поднялся по трапу на палубу крейсера. Командир отдал рапорт. Николай поздоровался с офицерами и усталой походкой прошел по фронту выстроенной на палубе команды. Потом в сопровождении свиты поднялся на продольный мостик и обратился к команде с краткой и тусклой напутственной речью. Команда прокричала «ура».

Царь надвинул на лоб широкополую фуражку и спустился с мостика. Офицеры помогли ему сесть в катер.

Царский смотр этим закончился. Больше ждать было нечего. Пора в поход...

По случаю царского смотра команде дали отдых. 14 октября был назначен выход из Кронштадта. Большинство офицеров уехало в Петербург. Матросы коротали досуг на корабле: чинили обувь, потихоньку стирали белье, некоторые писали домой письма, посылая десятки низких поклонов своим родным, друзьям и знакомым. Было грустно расставаться с родиной и в то же время всем хотелось в дальний путь, увидеть незнакомые, чужие края.

Склянки пробили пять утра. Начинался рассвет. Висевший над рейдом туман стал редеть. Яснее становились силуэты кораблей. Скоро стал виден берег. Наступил тусклый осенний день, какие часто бывают на севере России. Небо сплошь затянуто низкими серыми облаками.

После подъема флага суетливо забегали по палубам боцманы, писаря, баталеры-содержатели. У всех нашлись неотложные дела, которые можно было давно закончить. К борту корабля подходили военные и гражданские шлюпки и катера. Приезжали командиры соседних кораблей, родственники и знакомые офицеров,

газетные репортеры. Пока в офицерских каютах и кают-компаниях говорили прощальные речи и пили, как говорят, на дорогу «посошок», матросы под ругань боцманов поднимали шлюпки, крепили все по-походному.

К полудню вернулся с берега ездивший с визитом к командиру порта командир корабля Добротворский. В 12 час. 30 мин. пополудни крейсер снялся с якоря. Курс дан был на Биорке. «Олег» начал первый боевой поход. Провожающие посылали нам со шлюпок и катеров последние приветствия. Берег уходил дальше и дальше. Скоро скрылся и Кронштадт.

Вечером отдали якорь в проливе Биорке-Зунд, близ деревни Харилла. На берегу, в зарослях высокого ивняка, хорошо различались высокие, почерневшие от сырости и времени деревянные избы. На приплеске лежали перевернутые лодки и сушились на козлах рыболовные сети. Все было убогим и жалким.

Вечером начали подготовку к отражению минной атаки: спустили паровые катера, вооруженные 47-миллиметровыми пушками. На палубах закрыли лишние огни. У прожекторов поставили дежурства. Одновременно готовились к пробе торпедные аппараты.

Следующий день прошел в практической стрельбе торпедами: стреляли сначала на якоре, а потом на ходу. Всего было выпущено десять торпед, одна из которых все-таки застряла в аппарате. Это была первая и последняя в походе торпедная стрельба.

Через два дня пришли в Либаву. На рейде, перед входом в порт, провели артиллерийские стрельбы из 47-миллиметровых орудий по пловучим конусообразным щитам. На другой день утром вошли в аванпорт, где встали на погрузку угля. В Либаве проводили в Петербург последнюю группу питерских мастеровых, которые в пути до Либавы заканчивали работы по установке различных приборов и механизмов.

Либава была последним портом, где должен собраться наш крейсерский отряд. Командующим был назначен командир «Олега» — капитан 1-го ранга Добротворский. Корабли подходили медленно. Стоянка в Либаве затянулась на 13 дней, и только 3 ноября мы распрощались с родными берегами.

По сигналу «Олега» крейсера «Изумруд», «Рион», «Днепр», транспорт «Океан» и миноносцы «Резвый», «Громкий», «Грозный», «Пронзительный» и «Прозорливый» построились в походную колонну и взяли курс на зюйд-вест.

Падал хлопьями мокрый снег. Встречный холодный ветер, постепенно усиливаясь, дошел до семи баллов. Отряд увеличил ход. Из высоких дымовых труб вырывались густые, черные клубы дыма и быстро рассеивались за кормой по взбаламученной ветром поверхности моря. Крутые волны били в борта кораблей и, с шумом отступая, опрокидывали на нас белые высокие гребни. По палубе бежали ручьи. Мелкие водяные брызги окутывали туманом верхний командирский мостик, на котором ежились от холода вахтенные сигнальщики.

Миноносцы трепало немилосердно. Маленькие, по сравнению с крейсерами, корабли то взбирались на гребень высокого вала, то снова стремительно падали вниз. Размахи «Олега» стали сильнее. По палубе стало трудно ходить. Большой крен заставлял приседать и хвататься за первый попавшийся под руки предмет.

Штормовая погода продолжалась до рассвета. Всю ночь метались корабли, кивая друг другу своими сигнальными огнями.

После подъема флага на горизонте показался парусный корабль, шедший под всеми парусами на пересечку нашему курсу. Вспомогательный крейсер «Рион», двигавшийся головным, дал предупредительный выстрел. Парусник продолжал идти тем же курсом. С «Риона» загремел второй выстрел. Встречный корабль, не меняя курса, шел на сближение.

— Влепить бы этому упрямому чорту боевой. Не знаю, что «Рион» с ним церемонится, — выкрикнул, слегка волнуясь, вахтенный начальник мичман Билибин, не замечая поднявшегося на мостик командира корабля.

— Поберегите, мичман, ваши боевые снаряды до встречи с вражескими кораблями. Для мирных парусников и холостых достаточно, — полушутливым тоном сказал Добротворский.

Билибин до того растерялся, что вместо установленного рапорта пробормотал какое-то извинение. В этот момент с «Риона» последовали один за другим еще три

холостых выстрела. Упрямый «купец», не показывая флага, резко отвернул.

Ночью на палубе неожиданно протрещали сигнальные звонки водяной тревоги. Быстро вскочили мы с коек и разбежались по своим боевым местам. «Олег» стоял. Лотовые с обоих бортов делали промеры глубины. По продольному мостику торопливой прихрамывающей походкой прошел старший штурман Мантуров, придерживая, по обыкновению, одной рукой пенсне в золотой оправе. Вдогонку промчался в ходовую рубку его помощник, длинноногий мичман барон Буксгевден. На баке готовили якоря и швартовы.

— Вот и приехали, а все говорили, что долго плыть доведется, — умышленно громко сказал один из комендоров, приготавливая якорный шпиль.

— Не приехали, а на мель встали, чортово трепло, — оборвал говорившего старший боцман Чабан, подкручивая торчащие усы.

— А я, господин боцман, и впрямь думал, что приехали, — не унимался словоохотливый комендор, и, видимо, собрался еще что-то добавить, но не решился, увидев увесистый боцманский кулак.

Тревога была вызвана тем, что ведущий корабль колонны вспомогательный крейсер «Днепр» сбился с курса и встал на мель. «Олег» не успел отвернуть и тоже уселся на грунт по соседству с «Днепром», на котором шли авральные работы.

— Полный назад! — скомандовали у нас на мостике. Крейсер вздрогнул, слегка качнулся и стал разворачиваться кормой в сторону «Днепра».

— На «Олеге», куда вас чорт несет, — кричали с «Днепра» десятки голосов. Машины «Олега» продолжали усиленно работать назад. Из машинного люка со свистом вылетал на палубу отработанный пар. «Олег» сорвался с мели, ударился бортом в корму своего соседа, измял ему подзор, а себе сломал буртик и шестидюймовую пушку.

Матрос-комендор, за которым числилась по расписанию поврежденная пушка, крепко выругался и пошел докладывать о случившемся старшему артиллерийскому офицеру.

— Ваше высококородие, — обратился он к лейтенанту Зарудному, — так что мою орудия сломали, когда «Днепру» по заду проехали.

— Эх, верхогляды, проглядели, — процедил сквозь зубы Зарудный. Четков не ожидал такого мягкого ответа от старшего артиллериста.

— Вы бы, ваше высокородие, покрепче их ругнули, — сказал недовольный комендор. — Штурмана — народ сурьезный. Опять на мель вопрутся. Так мы все пушки дорогой переломаем.

Снятие «Днепра» с мели продолжалось около трех часов. На море спустился туман. Поход отложили до утра. На следующий день с датским королевским лоцманом на мостике отряд вошел в пролив Большой Бельт. Туман то поднимался, то опускался. Корабли шли уменьшенным ходом, перекликаясь сигнальными басовыми гудками, переходившими в низкую, хриплую, густую октаву. Вахтенный штурман прапорщик Добрынин сердито стучал толстым пальцем по стеклянной крышке висевшего в штурманской рубке барометра, стрелка которого упорно ползла влево. Рассчитывать на улучшение погоды было нельзя. К вечеру стих тянувший днем ветерок, и туман окончательно сел на ночлег. Сигнальные гудки боевых спутников то едва были слышны, а то неожиданно раздавались под самым носом «Олега». Плавание становилось опасным.

— Ну и погоду бог послал, — проговорил, ни к кому не обращаясь, командир корабля Добротворский. — Прикажите отряду остановиться и приготовиться к отражению минной этаки, — сказал он вахтенному начальнику и спустился вниз. Вслед за ним ушли и другие офицеры. Свободная от вахты команда попряталась в жилую палубу. Наверху стало тихо, только слышны были отчетливо «шлепки» крупных капель, падавших сверху с намокших корабельных снастей. На мостике одиноко шагал вахтенный начальник мичман Кузьма Васильевич Солдатенков. В непромокаемом пальто, с нахлобученным на фуражку остроконечным капюшоном, он был похож на сказочного гнома. Изредка он вскидывал голову кверху и кричал стоящему на верхнем мостике сигнальщику.

— Хорошенько смотреть за горизонтом.

— Есть, хорошенько смотреть за горизонтом, — отвечал сердитым, охрипшим от сырости голосом промокший сигнальщик, видимый горизонт которого не выходил за пределы мостика.

Склянки пробили 12 ночи. Кузьма Васильевич сдал вахту и, потирая озябшие руки, спустился в штурманскую рубку. Сменившийся сигнальщик тихонько заглянул в приоткрытую дверь и, показав рукой на барометр, спросил Солдатенкова:

— Ваше высочорodie, долго ли этот колдун плохую погоду показывать будет? Стукнули бы вы ему по стеклянной харе хорошенько, авось бы на ведро пошел.

Солдатенков улыбнулся в русую клинышком бороду и, ничего не сказав, продолжал писать. Довольный шуткой, сигнальщик бегом спустился по трапу вниз. Барометр падал все ниже. Надо было ждать шторма.

Утром порывистый ветер поднял висевший над морем туман. Корабли в походной колонне двинулись дальше, спеша наверстать потерянное время. Навстречу бежали белые снежные облака. Изредка выглядывало солнце, затянутое мутной, белой пеленой, и снова пряталось в облаках. В морском воздухе роем кружились мелкие снежинки. С озабоченным видом шагал по мостику старший штурман. Королевский лоцман, плотно запахнувшись в форменное с золочеными галунами пальто, пристально осматривал в бинокль серый горизонт, за которым скрывался недалекий берег.

Ветер стремительно гнал большую снежную тучу. Крупные хлопья снега в бешеном вихре кружились над кораблем. Вахтенные сигнальщики, ухватившись за поручни, с трудом держались на ногах. Из-за борта летели крупные брызги ледяной воды, обдавая палубные надстройки, и замерзали, не успевая стекать.

Шквал пролетел. На горизонте открылся покрытый снегом мыс Скаген. Маленький, как игрушка, датский миноносец встретил отряд и проводил нас до места якорной стоянки. На рейде стояло несколько парусных и паровых коммерческих кораблей, черные и неуклюжие корпуса которых отчетливо обрисовывались на белосвинцовой поверхности бухты. Здесь были и пароходы с углем для нашего отряда.

К борту «Олега», слегка покачиваясь на шедшей с моря крупной зыби, подошел немецкий пароход «Мими». Началась погрузка угля, в которой приняли участие и младшие офицеры. С моря дул резкий, пронизывающий ветер, временами переходивший в снежные шквалы. Снег смешивался с угольной пылью и сплошной массой падал

на верхнюю палубу, делая ее грязной и скользкой. В промокших от пота и падающего снега парусиновых «робах», покрытые с головы до ног угольной пылью, хрустевшей на зубах, не покладая рук, работали матросы. Грузовые пароходные краны с трудом успевали подавать на палубу крейсера тяжелые, наполненные углем, мешки. Боцман Чабан, у которого видны были только большие на выкате глаза, ругал из души в душу немецких матросов и нашу грузовую стрелу Темперлея, которая отказалась работать и стояла без движения.

Темная, непогожая осенняя ночь сменила короткие сумерки. Погрузка угля продолжалась при свете электрических ламп. На палубе стояла непролазная грязь. Скользили усталые ноги. Ветер крепчал и дошел до 10 баллов. Разыгралась крупная волна. Пароход вынужден был отойти от борта «Олега», оставив на себе часть команды. Погрузку прекратили до утра.

Днем рыбаки привезли известие о замеченной в море подводной лодке. Сообщение встревожило офицерский состав. После спуска флага пробили боевую тревогу. Поставили сетевое заграждение. Для мелких орудий приготовили снаряды. Бортовые иллюминаторы задраили броневыми крышками. Во всех помещениях закрыли лишние огни, и лишь боевые прожекторы дежурного миноносца бросали в небо длинные ослепительные лучи. От ярких огненных вспышек темнее становилась непогожая ночь. На командирском мостике нервной, торопливой походкой ходил мичман Билибин, которому досталась эта первая боевая вахта. Прислуга орудий коротала время у дежурных пушек. Мирная беседа прерывалась приглушенными взрывами смеха, долетавшими до слуха молодого мичмана. Билибин поспешно спускался вниз и испуганным голосом наводил порядок. Рыбацким рассказам о подводной лодке матросы не верили и только отдельные, наиболее любопытные, наблюдали за темным горизонтом.

— Всю ночь просидел я около своей пушки, а так и не видел эту подводную штучку, чтоб ей пусто было, — жаловался нам днем во время перекурки на баке комендор Четков.

— Брешут все. Напугать хотят, — заметил другой матрос, прикуривая от фитиля цыгарку.

Крейсера и миноносцы отрепетовали поднятый «Оле-

гом» сигнал. На мачтах кораблей пестрели сигнальные флаги.

Отряд готовился к дальнейшему походу. Усиленно дымили трубы. Матросы по команде боцманов дружно тянули с воды наверх гребные суда. В такт боцманским дудкам топали по палубе сотни человеческих ног. Шлюпки быстро поднимались и на развернутых шлюпбалках садились на свои походные места.

На воде оставался только командирский вельбот. Старший боцман Чабан покрутил ус и сиплым голосом командовал:

— Пошел тали!

Матросы дружно подхватили команду. Вельбот оторвался от воды, сильно качнулся в воздухе и ударился носом в борт корабля. Старший офицер Посохов, наблюдавший с продольного мостика за работами, сбегал вниз и сильно ткнул кулаком в шею старшину вельбота Приходько. Тот качнулся вперед, ударив головой стоявшего к нему лицом матроса.

— Так что он не при чем, ваше высокородие, это крючковой Федюшка, каналья, виноват — поддержать не успел, — заметил Посохову призванный из запаса матрос, получивший неожиданный удар.

Простодушное замечание бородача-матроса показалось офицеру-дворянину большой дерзостью.

— Не рассуждать! — крикнул он и, размахнувшись, ударил матроса широкой ладонью правой руки по лицу. Несколько капель крови, брызнувшей из носа матроса, попало на рукав офицерского кителя. Посохов брезгливо сморщился и ушел на бак.

Матросы, курившие около кадки с дымившимся факелом, быстро разбежались.

Обладатель большого, слегка свернутого направо, носа, за что рулевые дали Посохову прозвище «право руля», резко повернул обратно и поднялся на мостик.

На палубе хозяйничали лоцманы во главе с Чабаном. Матросы и комендоры закончили последние работы по креплению пушек и шлюпок. Крейсер был готов продолжать свой путь.

По сигналу «Олега» отряд двинулся дальше и вечером вошел в пролив Скагеррак. Дул слабый зюйд-ост. В проливе ходила крупная мертвая зыбь.

Бортовая качка увеличивалась. Ночью крен «Олега» дошел до 22 градусов. Набегавшие волны перекатывались через высокие борта и падали с шумом на верхнюю палубу. Крейсер сбивался с курса и нырял носовой частью, высоко задирая корму. Оголенные гребные винты, потерявшие точку опоры, начинали вращаться с бешеной быстротой.

В жилой палубе, набитой семью сотнями расположившейся на ночлег команды, нечем было дышать. Матросы выбегали наверх и застревали там под предлогом покурить.

— С души прет. Мутит! — жаловались все.

Бортовая качка не только мутила, но и не давала спокойно заснуть. Особенно доставалось матросам, лежавшим на рундуках. При каждом размахе корабля их швыряло в разные стороны. Люди просыпались, бросали крепкие ругательства и снова забывались тяжелым сном до следующего размаха корабля.

Глава IX

СЕВЕРНОЕ МОРЕ И АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН

На рассвете, при входе в Северное море, пробили десятую по счету, с начала похода, боевую тревогу. Утомленная бессонной ночью команда дружно разбежалась по местам. Офицеры проверили личный состав. Горнист проиграл отбой.

— Ну, какой это чорт. тревога, — проворчал сердито комендор Четков, натягивая на дуло пушки парусиновый чехол.

— Только и делаем, что чехлы с пушек снимаем да опять надеваем. А нет-тебе, чтобы пострелять поучиться.

— Баловство одно господское, а не учение, — отозвался на реплику Четкова призванный из запаса матрос — подносчик снарядов.

— У нас в деревне ребяташки и те в войну норовят по-настоящему играть. А мы что — летим по тревоге сломя голову, друг друга с ног сбиваем, а потом потопчемся на местах, потолкаемся и опять разойдемся.

Практические боевые тревоги проходили на самом деле бестолково и не имели ничего общего с боевой дей-

ствительностью. Во время учений не только матросов-специалистов, но даже и нас, старшин, не приучили к самостоятельному решению самых простых боевых задач.

Во время обеденного перерыва мы встретили группу рыбацких судов. Пришлось изменить курс, чтобы не наматывать в винты распушенные рыбаками сети. Небольшие корабли тружеников моря скоро скрылись за горизонтом. Отряд крейсеров лег снова на старый курс.

Боевой тревогой, пробитой перед вечерней зарей, кончился трудовой день. На смену пришла сырая, холодная ночь. На потемневшем небе вспыхнули яркие звезды и, бросив на гладкую поверхность моря тонкие серебристые лучи, снова спрятались за облаками. Далеко в море мерцали сигнальные судовые огни.

Свободная команда проводила короткий вечерний досуг в жилой палубе. Через открытые тамбуры выходных люков вылетали грустные родные мотивы любимых матросами песен. Ветер подхватывал обрывки напевов и выносил их на простор холодного бурливого моря.

В 12 ночи с «Олега» был дан сигнал: «Усилить наблюдение за горизонтом».

Отряд находился в районе отмели Догер-банка. На горизонте группами и в одиночку открывались огни рыболовецких судов. Перед рассветом они окончательно преградили нам путь. На некоторое время пришлось уменьшить ход. Надо было выбрать свободный и безопасный проход.

Командующий отрядом приказал:

— Открыть боевое освещение!

Через несколько минут на поверхности моря растянулись в разных направлениях широкие ослепительные лучи. В лучах прожекторов было видно, как на палубах рыбацких судов начались усиленные работы по уборке спущенных в море сетей. Другие же не обнаруживали тревоги и продолжали стоять. Отряд прибавил ход и с открытыми прожекторами вышел на чистую воду, утащив за собой обрывки рыболовных снастей. Небольшие группы рыбаков продолжали встречаться и после рассвета. Почти до самых берегов Англии вилял между ними крейсерский отряд.

Вечером открылся английский берег, спускавшийся в море высокими серыми обрывистыми утесами, на вершины

которых падали отвесные лучи заходящего солнца. У подножия утесов клубился черный густой туман.

Ночью вошли в английский канал. На разные голоса ревели сигнальные гудки кораблей и сирены парусников. В тумане открывались белые, зеленые и красные огни встречных судов.

На верхней палубе стоял на вахте старый, опытный сигнальщик Фомичев, которого за его степенный вид и широкую окладистую бороду звали по имени и отчеству.

— Как дела, Петр Ильич?—обратился к нему поднявшийся на мостик сигнальный старшина Таранюк.—Не помочь ли?

— Не извольте беспокоиться, господин старшина. Не впервой глаза в тумане пялить. Не подведем,—уверенно ответил Фомичев, не отрывая глаз от подзорной трубы.

Прекрасное зрение, которым он обладал, никогда его не подводило. Начальство об этом знало и всегда ставило Фомичева на вахту во время туманов и в темные дождливые ночи.

— Тебе, Петр Ильич, не сигнальщиком, а трюмным машинистом надо быть. Глаза у тебя, как у кошки. Ни одной крысы не останется,—шутили матросы. На шутки товарищей Ильич не обижался, а только ухмылялся в свою окладистую бороду.

Фомичев простоял на вахте до рассвета. Сигнальные гудки слышались реже и дальше. Солнце стояло высоко над горизонтом, когда отряд вышел из канала, а на море все лежал холодный, пронизывающий туман.

На «Олеге» пробили водяную тревогу. Во всех отсеках оглушительно затрещали колокола громкого боя—электрические звонки большого диаметра. На мостик со старшим офицером не спеша поднялся Добротворский. Тревога длилась не менее двух часов. Команда училась надевать пробковые спасательные пояса и пользоваться спасательными кругами. Свободные от нарядов офицеры и боцманы носились по палубам и распекали матросов, у которых замечали непорядки: у одних пояс охватывал не грудь, а живот, у других болтались лишние поясные лямки, третьи завязали концы лямок не морским узлом, а «воробьем». Шуму было много, а толку мало.

На выходе из Ла-Манша туман стал редеть и на рассвете разошелся совсем. На чистом горизонте занималась румяная заря.

Ясным, безветренным солнечным утром отряд шел Бискайским заливом. Всегда бурливая, Бискайка сегодня была удивительно спокойна. На зеркальной поверхности моря не было ни одной рябинки. Взапуски с кораблями плыли, кувыркаясь через голову, тупорылые, как свиньи, дельфины. Выдался на редкость теплый день.

В наших далеких родных деревушках, наверное, выпал первый снег, а здесь тепло, как в сенокос.

Старший офицер Посохов отдал приказ: «Команде быть босиком».

— Давно бы пора.

— Чего зря царские сапоги топтать. Пятки у матросов свои. Топай сколько хочешь, и ремонта не спрашивают, а только толще становятся. Это ведь не дворянская благородная ступня.

Горькая обида слышалась в простых, незатейливых шутках матросов, сбивавших до крови босые ноги о железные трапы.

Утро 17 ноября крейсерский отряд встретил в Атлантическом океане. Склянки отбили пять часов. Слабый утренний бриз гнал едва заметный серый прозрачный туман. Гасли далекие звезды. Бриллиантовыми шапками вспыхивали покрытые снегом вершины Пиренеев, освещенные восходящим солнцем. Серый горизонт опоясался на востоке узкой золотистой каймой, в которой кружились червонной пылью туманные капли. Из моря выглянул яркий солнечный диск, и по океанскому простору разбежались ослепительные золотистые лучи.

На корабле началась обычная утренняя уборка. Матросы вахтенного отделения жесткими щетками старательно терли верхнюю палубу, осыпанную мелким песком. Из медных начищенных брандспойтов хлестала, переливаясь всеми цветами радуги, забортная вода. Старший боцман Чабан босиком, с подсученными до колен брюками, торопил команду с уборкой.

— Шевелись, шевелись, молодцы! На щетки нажми, воды не жалея,—выкрикивал он, шагая по палубе, по которой бежали ручьи.

После мытья матросы подобрали остатки воды и принялись за чистку медных наружных частей. Крейсер закончил свой утренний туалет. Блестели медные поручни трапов, компасные колпаки и приборы. До подъема

флага осталось 30 минут. Команда выбралась на бак обсушиться и покурить. От сырой палубы и мокрых рабочих рубах, нагретых южным солнцем, поднимался пар и таял в воздухе вместе с синим табачным дымком.

— Ну и теплынь, землячки! Не гляди, что зима на носу, хоть рубаху снимай.

Группа молодых моряков, прислонившись к носовой орудийной башне, из амбразур которой торчали два длинных ствола шестидюймовых пушек, любовалась испанским берегом. По лесистым склонам гор бежали живописные приморские города и местечки. Зелень растений причудливым кружевным узором висела над прибрежной кромкой воды. Серебром отливали на солнце снежные вершины гор, ниже которых лежала полоска белых, как кудри, волнистых облаков.

— Вино наверх! На палубе прибраться!—скомандовал вахтенный начальник.

Просвистала дудка. Дежурный старшина повторил распоряжение. Плотный, выше среднего роста, с раскрасневшимся от натуги лицом, старший баталер Анучкин, в сопровождении разводящего по караулу, вынес из винного погреба на бак наполненную до краев разбавленным ромом медную начищенную «ендову» и осторожно поставил ее на заранее подготовленный столик.

— Ведьма-то наша тоже тепло почуяла. Наверх, красавица, выгребла,—смеялись матросы, показывая кивком головы в сторону баталера.

В матросском камбузе готовили для начальства пробу обеда.

— Сверху, сверху побольше снимай! Подкрась, подкрась хорошенько, чортова голова,—наставлял начинающего кока боцман Чабан.—Кашу, кашу, не забудь, трепло, подогреть,—наседали на молодого повара, на лбу которого от волнения выступили крупные капли пота.

Одетый в белый поварской халат, старший кок Егоров поставил на поднос пробу и со старшим боцманом степенно двинулся на командирский мостик.

— Проба готова, ваше высочородие! — отрапортовал вахтенному начальнику, мичману Солдатенкову, боцман Чабан, ловко подкинув к фуражке правую руку.

— Проба готова, господин капитан первого ранга! — отрапортовал командиру корабля старший офицер.

Добротворский попробовал матросских щей и каши. Вытер кончиком висевшего на шее у кока полотенца бороду и усы, одобрительно крякнул и уступил место старшему офицеру. После старшего офицера пробовал пищу вахтенный начальник. Начальство пользовалось одной общей ложкой, одним и тем же кончиком полотенца вытирало свои бороду и усы и так же, как командир, одобрительно побрякивало. Пробу признали хорошей и разрешили команде обедать.

Склянки пробили полдень,

— Команде пить вино и обедать,—скомандовали с мостика.

Боцмана, боцманматы и строевые квартирмейстеры оглушительно засвистали в боцманские дудки. С большим мастерством строевые старшины выполнили повторявшийся ежедневно перед обедом и перед ужином обычный сигнал.

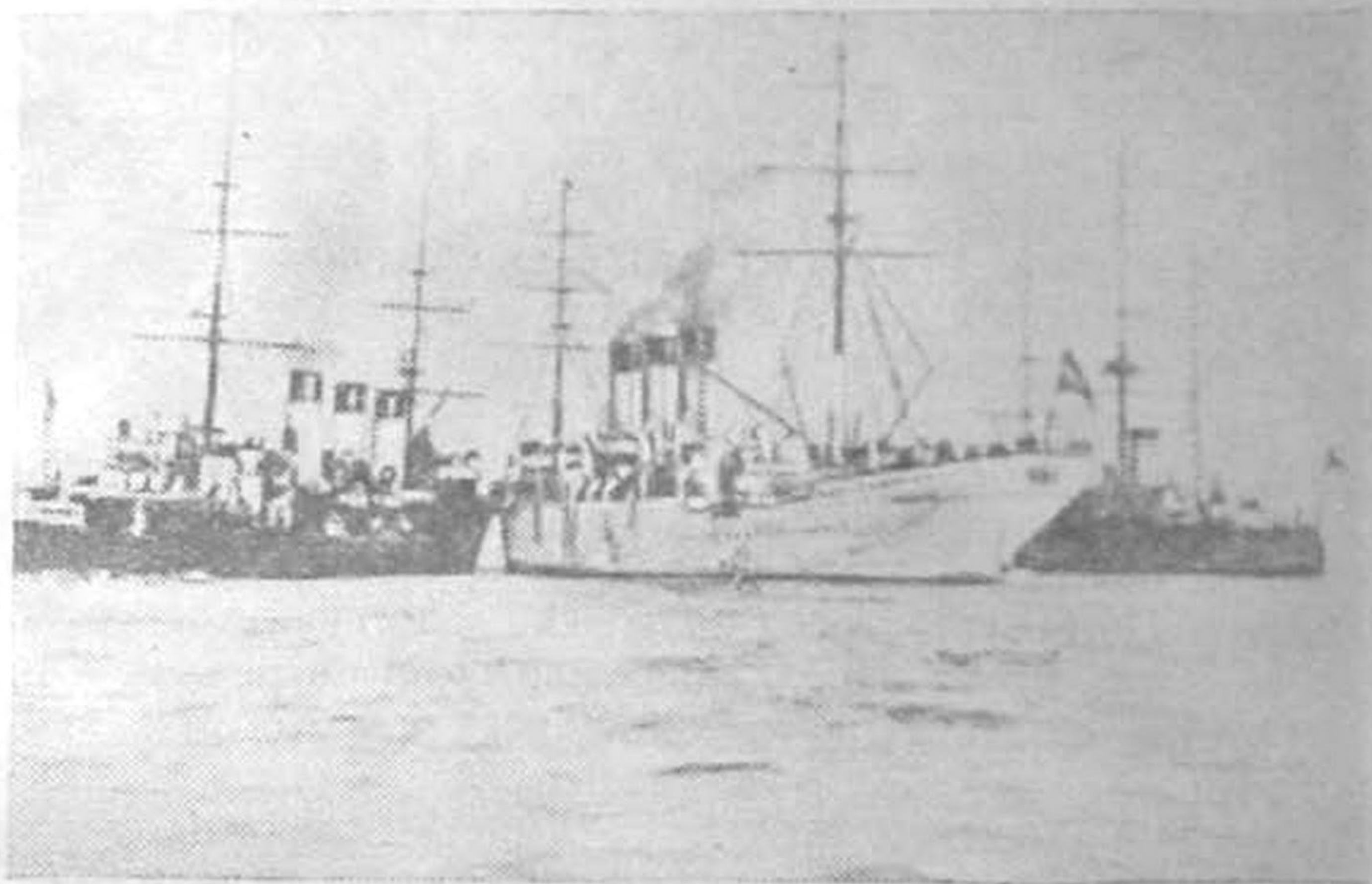
— Выпить, выпить, выпить,—казалось выговаривали короткие медные трубки с пустотелым шариком на конце. Матросы, пьющие водку, длинной вереницей потянулись на бак. Подойдя к баталеру, называли свой номер, черпали из енды металлическим ковшиком порцию вина, выпивали и, вытерев рукавом рубахи губы, бежали обедать. Обедали сегодня наверху, рассевшись на палубе десятками вокруг металлических бачков, из которых поднимался пар от горячих, приправленных салом щей.

«Днепр» и «Рион» с миноносцами взяли курс на Танжер. «Олег», «Изумруд» и «Океан» повернули к берегам Испании и через два часа остановились в бухте Понте-Ведро. Началась погрузка угля. Над кораблями черным облаком повисла мелкая угольная пыль. До позднего вечера лязгали цепи подъёмных кранов и стрел. Корабли давно окутала теплая южная ночь, когда прекратили работу. В пропитанных угольной пылью парусиновых штанах и рубахах обессиленная команда валилась на отдых прямо на грязную палубу и сразу засыпала тяжелым сном.

Чуть начинал брезжить рассвет. Короткий отдых матросов был прерван резким сигналом побудки.

— Вставай, довольно спать!—прокричали дежурные в разных концах корабля.

Вахтенный мичман Пилипенко бегал по палубам, поднимая разоспавшихся ударами своего ботинка. Матросы

Погрузка угля в море с транспорта «Океан» (в центре) крейсерами «Олег» (слева) и «Изумруд» (справа).

вскакивали, встряхивали с рабочих костюмов прилипшую за ночь с палубы пыль и, освежив забортной водой заspanные грязные лица, принимались за погрузку угля. Кругом корабля сновали лодки испанских торговцев, предлагавших табак, орехи, лимоны и сладости, но покупать ничего не разрешалось.

— 704, наверх! Катер № 1—к правому трапу,—подал команду вахтенный боцман Ефремов.

Я мигом спустился на стоявший наготове паровой катер и подвел его к правому трапу. В катер уселась группа офицеров, одетых в штатское платье.

— В город!—скомандовал ревизор крейсера лейтенант Афанасьев.

Катер быстро набрал ход и через пятнадцать минут подошел к набережной небольшого города Понте-Ведро, разбросанного в беспорядке по склону высокой, упиравшейся в море горы. Матрос Левчук ловким приемом задержал отпорным крюком подкатившуюся к берегу корму. Катер остановился, как вкопанный. Офицеры сошли на берег, бросив на ходу распоряжение:

— Стоять на месте! На берег не сходить!

— Эх, старшина, пронесло,—недовольным тоном произнес, обратившись ко мне, опытный «крючковой».—Так, пожалуй, весь свет обойдешь, а дома и рассказать нечего будет.

В небольшом городском парке, обнесенном со стороны моря железной ржавой решеткой, играл оркестр. Однообразный, скучный незнакомый мотив наводил тоску.

— «Бородинцев» бы наших сюда,—проговорил после короткого раздумья Левчук,—вот те бы вдарили!

Всем нам невольно пришел на память прекрасный духовой оркестр броненосца «Бородино», которым гордился в Петербурге восемнадцатый флотский экипаж. Вспомнилась далекая родина. Стало грустно.

Оркестр перешел на бойкий плясовой мотив. Левчук повеселел.

— Крой,—подзадорил я.

Левчук одним прыжком выскочил на стенку и так отхватил своего любимого гопака, что только пыль пошла столбом. В воздух полетели шляпы, зонтики, кепи. Вместе с ними взлетел, подхваченный зрителями, и наш катерный плясун.

Левчук сидел на машинном кожухе катера, потирая руками оттопанные о жесткую набережную босые ступни, а с берега неслись приветствия русским морякам, которые были редкими гостями в этом порту.

— Ну и шумиху поднял, братец ты мой, своей плясней,—недовольным тоном заметил Левчуку катерный машинист, старый матрос Черноморского флота.—Влетит нам за твои проделки.

— Брось, Харитоныч, языком трепать. Никто за пляску ругать не будет. Начальство веселых матросов любит. Сам старшой и тот в кают-компании кадрили отдирает.

— Так то офицер, пустая твоя башка, а ты кто? Простой матрос. Тоже мне, равняться захотел.

— А ты—«дух»! Тебе в кочегарке бы только сидеть,—резко ответил Левчук.

На набережной показалась группа привезенных нами офицеров. Спор оборвался. Харитоныч юркнул в кочегарку. Из трубы вырвался черный клуб дыма. Катер оторвался от стенки набережной и, сделав на полном ходу крутой поворот, вышел на рейд.

На безоблачном горизонте, в облаке угольной пыли открылись темные силуэты кораблей, на которых продолжалась погрузка угля.

Утром «Олег» и «Изумруд» закончили приемку угля и с восходом солнца покинули Понте-Ведро.

Высокий испанский берег становился все ниже, и скоро за кормой виднелась чуть заметная темная полоска земли. Мы снова в океане. Горячее, южное солнце припекает изрядно. Высокий бурун воды разламывается на стальном форштевне и разбегается с шумом вдоль черных, блестящих на солнце бортов, длинными, серебристыми от белой пены усами.

Транспорту «Океан» дали сигнал: «Итти быстрее с расчетом притти в Танжер на три-четыре часа раньше нас». «Океан» увеличил ход и стал уходить вперед. До вечерней зари его белый корпус то пропадал в ярких солнечных лучах, то открывался на горизонте. Набежала черная туча. Крупные капли дождя застучали по палубе. Шквал пролетел. Ветер стих, и снова стал гладким, как зеркало, потревоженный океан. На горизонте вспыхнули вечерние звезды. «Олег» и «Изумруд» подходили к африканскому побережью. Изредка попадались небольшие неуклюжие, но очень мореходные арабские рыболовные «фелуки». Утром 21 ноября открылся мыс Тарифа. Около полудня мы отдали якорь в Танжере.

На танжерском рейде стояли пришедшие раньше нас «Днепр», «Рион», «Океан» и четыре миноносца. По соседству с ними дымил французский четырехтрубный крейсер «Клебер».

По случаю воскресного дня корабельный церомонах Порфирий отслужил на скорую руку «обедницу». Команде дали отдых. Офицеры съехали на берег. Крейсер окружила флотилия шлюпок французских и арабских торговцев. Часть их пустили на корабль. Ватага бродячих купцов с оглушительными криками ринулась на корабль.

— Руска, пускай! Руска, пускай! — неистово кричал, размахивая руками, высокий, стройный араб с чалмой на голове. На костлявых плечах араба болтался, спадая до колен, тяжелый мешкообразный костюм с прорезанными отверстиями для рук. Боцманы с трудом сдерживали напиравшую толпу, тащившую на корабль товары. Верхняя палуба превратилась в толкучий рынок. В большом

спросе были крупные свежие апельсины, винные ягоды и табак. Безделушки покупали молодые матросы, а старички, из запасных, только приценивались да журили молодежь за излишнюю расточительность.

Спокойный русский говор мешался с крикливой восточной речью. Друг друга не понимали. Объяснялись знаками, с присущим русскому человеку мастерством, юмором и изобретательностью.

Особым вниманием пользовался араб, говоривший порусски. Товары, привезенные им, были давно распроданы, а вокруг него стояла тесным кольцом группа боцманов, старшин и «чиновников», как мы в шутку называли писарей, баталеров, фельдшеров и содержателей. На ломаном русском языке араб рассказывал о своей службе в Петербурге в должности выездного лакея у какого-то сиятельного князя.

— А почему это вы из Питера опять в это пекло приехали? В Питере посытней было, да и одежонка, поди, поисправней была,—вежливым, участливым тоном спросил бывшего княжеского лакея старший боцман Чабан.

— Снег многа в Петербурх есть. Холод много бывал. Князь шеям давал, ваш сиятельств,—начал отсчитывать на пальцах араб причины своего возвращения на родину, замялся, услышав громкий хохот моряков.

Выйдя в белую, двухбортную кондукторскую тужурку с золотыми пуговицами и погонами, на которых блестела золотая полоса, старший боцман Чабан, смущенный титулом «сиятельства», сердито повел белками глаз, пощипал усы и крикнул:

— Какое я тебе сиятельство?

— В лакеях, говоришь, у князя служил, а чинов разбирать не умеешь. Недаром тебя, серого чорта, и из Петербурга выгнали, и князь твой дурак неотесанный. Морду ему продрать бы хорошенько, умнее бы стал.

Араб виновато улыбался и кланялся. Матросы смеялись. Чабан повернулся и зашагал вдоль палубы, играя цепочкой дудки, которую он всегда носил в руке.

— Пора кончать этот базар, ваше благородие,—обратился он к мичману Солдатенкову,—а то наши молодцы все «франки» просадят и домой послать нечего будет.

С вахты дали «дудку»: «Прекратить торговлю, на палубе прибраться». Владельцы шлюпочных «магазинов» с

большой неохотой собрали остатки товаров и, подгоняемые боцманами, лениво спускались по трапу. Мы кончили ужин, а они все еще держались около корабля.

Вспомогательный крейсер «Рион» с двумя миноносцами ушел по особому назначению. Вслед за ним снялся с якоря переполненный пассажирами, ярко освещенный «купец». На кораблях отряда пробили боевую тревогу. По черному небу рассыпались веером лучи прожекторов и быстро погасли на горизонте. Горнисты проиграли отбой. Команде роздали койки. Между кораблями осторожно пробирались одиночные шлюпки.

— Кто гребет? — громко и настойчиво спрашивали корабельные часовые.

— Офицер, — неохотно отвечали со шлюпок подгулявшие начальники, направляясь на корабли.

В 4 утра команду неожиданно вызвали наверх. Аврал был поднят мичманом Билибиным, которому показалось, что крейсер дрейфует. Поднявшийся на мостик старший штурман Мантуров дрейфа не обнаружил. Корабль только развернулся. Билибин ошибся, как простой матрос.

— Офицер тоже, — ворчали расходившиеся с мостика сигнальщики и рулевые. — Дрейф от разворота различить не мог.

На рассвете отряд снялся с якоря и через два дня вошел в Гибралтарский пролив. На темном фоне скалистого берега были видны редкие наблюдательные посты. Артиллерийские форты, охраняющие пролив, мог обнаружить только опытный глаз. Пролив во время прохода нашего отряда патрулировал английский броненосец под адмиральским флагом, встретивший нас при выходе в Средиземное море. С «Олега» прогремел орудийный салют.

Глава X

НА ОСТРОВЕ КРИТ

Такие длинные дни, как сегодня, могут быть только на кораблях. Завтракали мы в Атлантическом океане, а обедали в Средиземном море, любуясь красивым синим цветом воды. Море такой окраски, что бледным кажется голубое небо, когда поднимаешь глаза вверх.

Наш старший кок угостил нас сегодня жирными щами и приправил их так крепко красным перцем, что жгло губы и язык.

— Ну, и подсыпал же, чортова чумичка, приправки, нечего сказать. До самой исподницы продирает,—смеялись матросы, смахивая рукавами рабочих рубаш выстывшие на глазах слезы. Крутая гречневая каша с русским маслом быстро сгладила недостатки первого блюда. Матросы встали из-за стола сытые, довольные и после коротенькой перекурки развалились на палубе вздремнуть. Послеобеденный отдых был прерван сигналом боевой тревоги, вслед за которой пробили водяную тревогу, длившуюся почти до самых сумерек. До вечерней справки оставалось больше двух часов. Около носовой орудийной башни задорный плясун лихо оттапывал русскую. В другом углу, под гармошку, пели деревенские частушки. Чей-то тенор затянул «Калинушку». Подхваченная сотней голосов, любимая матросская песня была прервана неожиданными звонками машинного телеграфа. Крейсер уменьшил ход. На мачте «Олега» вспыхивали красные и белые сигнальные огни. На мостике появился командир корабля Добротворский.

Крейсер «Изумруд» держал сигнал: «Не могу управляться». На его мачте ярко горели два красных огня. На запрос, что случилось, «Изумруд» сообщил, что нуждается в пресной воде и просит разрешения зайти в Малагу.

— Ах, булыжник чортов,—неожиданно вырвалось у минера Алтабаева.—Все у него что-нибудь да неладно.

— Булыжник и есть,—подхватили стоявшие рядом с Алтабаевым матросы.

— Слышите, лейтенант,—обратился Добротворский к вахтенному начальнику Зарудному,—как наши молодцы окрестили нашу драгоценность? Недурно сказано, неправда ли?—А потом, переменяя тон разговора на официальный, добавил:—Передайте, лейтенант, этому «крестнику», что командующий выражает свое недовольство. Зайти в Малагу разрешает и приказывает присоединиться к отряду в пути до Крита.

«Изумруд» отрепетовал переданный ему приказ и лег на другой курс.

Мы прошли Средиземным морем около двухсот миль, а справа все еще виднелись берега Африки, которую не-

сколько раньше нас обогнул благополучно с запада первый броненосный отряд под командованием адмирала Рождественского. Бешеный шторм швырял тяжелые броненосцы, как щепки, и гнал их, как осенний ветер опавшие листья, до самого мыса Доброй Надежды.

— Не иначе, ваше благородие, и нас потряхнуть хочет, — обратился на вечерней вахте к прапорщику Соколову сигнальный старшина Таранюк, указывая пальцем на яркокрасную полосу неба над горизонтом.

— Ничего, Таранюк, — улыбнувшись, ответил вахтенный штурман. — «Если небо красно с вечера, моряку бояться нечего. Небо красно поутру — моряку не поутру».

Старая морская примета не обманула. Средиземное море на всем переходе было спокойно. Лишь изредка набегала «чамра». 28 ноября утром открылся остров Крит. Оставив с левой стороны небольшие острова Цериги и Церигота, отряд провел практическую артиллерийскую стрельбу по спущенным с кораблей щитам и взял курс в залив Суда. В глубине бухты стояла наша канонерская лодка «Храбрый» и один номерной миноносец, французский, итальянский и греческий военные стационары и пароходы-угольщики. В ночь началась погрузка угля, хотя особой нужды в этом не было. Наши новые хваленые крейсера без ремонта машин все равно итти не могли.

Прислушиваясь к разговорам отдельных офицеров, не трудно было понять, что наше прибывание на Крите будет продолжительным. Машинисты и кочегары уже снимали отдельные детали машин и готовили их к отправке в город Пирей. Много лишних дней простоял на Крите отряд по вине бракоделов из царского министерства.

Утром прошел небольшой дождь. Фельдфебель Медведев приказал четвертому отделению приготовиться на прогулку. Просвистали дудки. Молодые матросы торопливо скоблили самодельными бритвами свои упругие подбородки. Пожилые, из запасных, только подравнивали ножницами отпущенные бороды и усы.

— Подчикчирсь, молодцы, хорошенько, чтоб конфузу не было, — покрикивал то и дело подтянутый фельдфебель, довольный не меньше нас тем, что и ему можно было кутнуть на берегу. Ротный командир мичман Пилипенко, наблюдавший с палубы корабля за посадкой в шлюпки уволенных на берег матросов, командовал:

— На берегу, молодцы, не материться. Как свиньи не напиваться, берите пример с господ офицеров.

На приказ Пилипенко кто-то из сидевших на барказе матросов довольно громко крикнул:

— Есть, ваше благородие, напиваться, как господа офицеры.

— Не рассуждать,—крикнул Пилипенко.

От пристани, где высадились группы гуляющих моряков, до города вела избитая дорога, вымощенная белыми плитами известкового камня. Под ногами поднималась в воздух мелкая белая пыль, покрывшая тонким белым слоем новенькие фланелевые рубахи спешивших в город моряков. Вдоль дороги, со стороны гор, тянулась сложенная из необтесанных камней ограда, через которую перевешивались под тяжестью апельсинов и мандаринов зеленые ветки фруктовых деревьев.

Незаметно прошагали мы берегом моря около трех километров. Дорога уперлась в узкую, грязную городскую улицу. Навстречу попадались греки, турки, итальянцы, французы, арабы, евреи. Изредка проходили в европейских и национальных костюмах гречанки и турчанки. На ломаном русском языке подозрительные личности предлагали матросам различные услуги. Первое наше знакомство с иностранным городом ограничилось посещением базаров и дешевых кабачков. В ресторанах гуляли офицеры. На корабль возвращались группами в сопровождении корабельного патруля, в составе которого мне пришлось быть на прогулке следующего отделения.

Начальником патруля был ярославец — прапорщик Соколов. Команда «Олега» любила его за простое, гуманное отношение. Уважал Николая Петровича и наш старший боцман Чабан, вместе с которым в каждом порту Соколов правил корабельный рангоут, забираясь на самые верхушки мачт.

Прогулка первого отделения, благодаря Николаю Петровичу, вышла куда интересней нашей: меньше было пьяных песен, реже приставали к морякам подозрительные лица. Время прошло незаметно, пора было возвращаться на корабль. По старой, знакомой дороге с песнями и шутками возвращались на корабль отдохнувшие матросы.

— Какне молодцы, любо посмотреть, — проговорил

Соколов, пропуская мимо себя моряков. — Любой поход выдержат такие «орлы».

Улицы города опустели. Город принял серый, буднич- ный вид. Вслед за гулявшими моряками вышел из города и наш патруль. Впереди патруля под руку с французским солдатом шел наш кочегар Алешкин. Случайные прия- тели вели оживленный разговор, каждый на своем род- ном языке. Навстречу попалась небольшая двухколесная тележка, нагруженная корзинами со свежими апельси- нами. Тележку тащил за оглобли одетый в лохмотья ста- рик. Ему помогала девочка-подросток. По русскому обы- чаю Алешкин отдал старику поклон, подкинув руку к го- ловному убору. Старик в ответ приподнял свою рваную шляпу, а юная спутница помахала рукой.

— С прибылью торговать, — крикнул Алешкин, а потом повернулся к французскому солдату и показал ему свой увесистый кулак.

— Эх, браток, хоть и ученые вы люди, а стариков уважать не умеете, — сердито с укоризной сказал Алеш- кин, — у нас в деревнях каждому старику поклон отдают.

Не знавший русского языка французский солдат, ви- димо, догадался, чем остался недоволен русский приятель. Теперь, к удовольствию Алешкина, он приветствовал каж- дого встречного.

Переполненные оживленными матросами шлюпки ожи- дали нашего прихода. Алешкин крепко пожал приятелю- французру руку и ловко прыгнул в стоявшую у берега «шестерку». В «шестерку» сел и наш патруль.

— О чем ты беседовал со своим французом? — спросил Алешкина Соколов, когда шлюпки отошли от берега.

— Обо всем поговорили, ваше благородие, — несколько не смущаясь, ответил Алешкин. — Рассказал я ему из какой деревни, сколько имеем пашни, какие подати платим.

— А ты думаешь, понял тебя француз? — спросил Соколов.

— Должен бы понять, ваше благородие, оба мы с ним люди рабочие.

— Ну, а француз что же тебе рассказывал? — продол- жал спрашивать Соколов.

— Известно что, ваше благородие, о своей деревне говорил, о хозяйстве тоже рассказывал и семью вспо- минал.

— Ты разве понимаешь французский язык?

— Матросы, ваше благородие, чужой язык нутром понимают,—ответил Соколову, улыбнувшись, Алешкин.

Шлюпка подошла к левому трапу крейсера. Возвратившуюся с берега команду встретил старший офицер Посохов и тут же избил нескольких слегка подгулявших матросов. Мог ли этот офицер после такого издевательского отношения рассчитывать на уважение со стороны нижних чинов, особенно больно переживавших кулачную расправу, на которую были так падки отдельные командиры из господ дворян.

Третий день, не переставая, идет мелкий осенний дождь. Дует порывистый, сырой, надоедливый норд-вест. По случаю царского дня корабли расцветились флагами. После церковной службы командир, всегда молчаливый, сказал команде краткую речь, в которой призывал быть осмотрительнее и бережливее с углем.

— Во что бы то ни стало разобьем подлеца-японца,—крикнул он в заключение.

Мне невольно пришли на память проводы нашего отряда в Кронштадте. Прощаясь с нашим командиром, корреспондент газеты «Новое время» сказал:

— Позвольте пожелать вам победы и благополучного возвращения.

— Победы? — изумленно переспросил Добротворский корреспондента.—Пожелайте лучше со славою умереть.

Откуда у командира появилась сегодня такая уверенность в победе? Слукавил на этот раз старый морской волк.

В 12 часов дня корабли отряда произвели орудийный салют в тридцать один выстрел. Команда получила к обеду мандарины и яблоки,—это была забота Добротворского.

Ненастье кончилось. Обычные корабельные работы чередовались с боевыми тревогами, высадкой на берег десантных групп и другими боевыми учениями. Поход каждый день откладывался на неопределенный срок. Детали машин находились еще в Пирее на ремонте.

Сегодня миноносец «Грозный» получил приказ выйти в море на стрельбу минами. В распоряжение «Грозного» назначили наш паровой катер. Мне было приказано немедленно принять запасы провизии и пресной воды. На

катер посадили двух водолазов, минера, сигнальщика и фельдшера. «Грозный» подал сигнал «следовать за мной». Получив от старшего минного офицера несколько указаний, мы отошли от борта и стали в кильватер миноносцу, взявшему курс к выходу в море. В море гуляла высокая с белыми гребнями волна. «Грозный» то вставал на дыбы, то стремительно скатывался с гребня, показывая нам верхушки мачт. Катер бросало, как щепку. Стрельба минами не состоялась. «Грозный» сделал оборот. Вернулись обратно в бухту.

Приближались рождественские праздники, а мы все еще стояли в Суде. Старший боцман Чабан вечером отдал распоряжение приготовить к утренней уборке необходимый для мытья крейсера инвентарь.

— Послезавтра, молодцы, праздник, надо прибраться так, чтобы комар носа не подточил, — наставительным тоном давал он указания младшим командирам.

Тотчас после побудки начались авральные работы. Мыли палубные надстройки, наружный борт, подправляли местами окраску, драили палубу песком и кирпичом, чистили до блеска металлические части, правили рангоут. Боцман Чабан носился, как угорелый.

— Ишь как штормует, усатый дьявол, — смеялись матросы, пропуская пробежавшего Чабана.

Несколько раз появлялся на палубе старший офицер.

Матросы-вестовые с остервенением выколачивали из мягкой каютной мебели накопившуюся за время похода пыль. Чистили офицерские, с золоченым шитьем, парадные мундиры и треугольные шляпы. Из офицерского камбуза пахло вкусным сдобным печеньем. Офицерский повар то и дело высовывал из камбуза толстое покрасневшее, потное лицо и быстро прятался обратно под брызгами летевшей из шлангов воды. Вечером, во время отдыха, Чабан по секрету сказал нам, что завтра ожидают приезда на корабль греческой королевы.

— Пускай, господин боцман, уж парой с королем приезжают, и на этого «орла» надо бы поглядеть, — проговорил минер Алтабаев.

— С тебя и «совы» одной хватит, а то буркалы испортишь, — сердито ответил Чабан, спускаясь с бака на палубу.

Рождество. На мачте «Олега» взвился молитвенный флаг. Праздник начался церковной службой. Корабельный иеромонах Порфирий облачился в самую лучшую, расшитую золотыми узорами ризу. Командир и офицеры одеты в парадные мундиры, при всех орденах и медалях, и только матросы, как и в будние дни, стояли босиком.

Порфирий старался изо всех сил, не забывая усиленно кадить под самый нос начальства. Приземистый, с выдающимся животом, матрос Медведев, выполнявший обязанности дьячка, едва успевал подбрасывать в серебряное кадило кусочки ладана, от которого по палубе расстилались сине-зеленые полосы едкого ароматного дыма. Недурно пел матросский хор под управлением старшего баталера Комарова. После обедни командир сообщил о падении Порт-Артура, на выручку которого шла наша эскадра. Горячо обсуждали матросы эту новую неудачу. «Продали, подлые шкуры»,—глухо роптали бывавшие в Порт-Артуре моряки.

На другой день командир поздравил команду с продолжением похода. В 4 часа 30 минут дня «Олег», «Рион», «Днепр», «Изумруд» и миноносцы «Громкий», «Резвый», «Грозный» снялись с якоря. Контрминоносец «Кондор» и авизо «Минерва» пожелали нам благополучного плавания. Наш отряд послал гостеприимному Криту орудийный салют в двадцать один выстрел и вышел в открытое море. Курс был на Порт-Саид.

Глава XI

ПОРТ-САИД

В корабельных снастях с утра шумит пятибальный норд. Слегка качает. Празднуем третий день рождества. От нечего делать вспоминаем прогулки в Кане, канейские кабачки и своих случайных знакомых критянок. После двухдневного перехода открылся Порт-Саид, названный по имени бывшего правителя Египта Саида. У входа в порт возвышается памятник строителю канала французскому инженеру Фердинанду Лессепс. На набережной порта ясно виднеется большое белое здание с голубыми куполами, напоминающее своей архитектурой вели-

чественный храм. В нем помещается управление компании Суэцкого канала. «Олег» поднял на стенге гот-мачты египетский флаг и произвел установленный салют. Стоять разрешили только двадцать четыре часа.

Несмотря на изнурительную жару, в гавани Порт-Саида жизнь бьет ключом. Рейдовые буксиры, пыхтя и надрываясь разнотонными гудками, тянут за собой груженые и порожние шаланды. Снуют во всех направлениях паровые и моторные корабельные и береговые катера. Скрипят и лязгают цепи подъемных кранов и стрел. Военные корабли и купеческие пароходы под флагом различных государств спешно пополняют запасы продовольствия и угля. Десятки гребных шлюпок атакуют крейсер со всех сторон. Они цепляются за каждый наружный выступ корабля. Мелкие торговцы и представители разных фирм кричат во все горло, предлагая различные услуги. Много хлопот задают они боцманам и матросам вахтенной службы, которые угощают назойливых посетителей каскадами выпущенной из шлангов воды. Теплая забортная вода только возбуждает крикунов. Отплевываясь и ругаясь, они снова, как назойливые мухи, лезут к бортам корабля.

Тупоносый неуклюжий «буксир» подвел к кораблю первую шаланду с углем. В шаланде на куче угля почти такие же черные, как уголь, прижавшись к бортам, сидели и лежали в самых различных позах грузчики угля—арабы. На темном угольном фоне резко выделялась широкоплечая коренастая фигура надсмотрщика английской угольной фирмы, одетого в легкий белый костюм. Он стоял, широко расставив слегка кривые сильные ноги, обутые в желтые краги. В закинутой за спину правой руке надсмотрщик держал длинный гибкий хлыст. Матросы и кочегары с большим любопытством рассматривали худых, истощенных арабов и сытую фигуру надсмотрщика, который, не поднимая головы, упрямо смотрел вниз, старательно пряча под белым шлемом свое лицо.

— Вот так пастух, н-да, разъелся, что бык мирской,— говорили матросы.

На палубе корабля неожиданно просвистала дудка. Надсмотрщик быстро поднял голову вверх, и мы увидели широкое, лоснящееся от пота лицо, на котором во всю

длину правой щеки тянулся красный рубец старого кинжального шрама. Перебитая переносица и разорванная верхняя губа придавала лицу свирепый, отталкивающий вид.

— Вот это так рожа! Так кулака и просит, продажная шкура,—толковали возбужденно матросы.

— Перестань языком трепать, «молодцы»,—прикрикнул на матросов фельдфебель сверхсрочной службы Медведев.

Команда только что кончила ужинать. Дежурные по столам собирали остатки пищи и выбрасывали их за борт через мусорные рукава. Часть остатков попадала в шаланду, смешиваясь с углем. Арабы набрасывались толпой на корки покрытого углем хлеба, подбирали его и жадно жевали. Слышно было, как хрустела угольная пыль на зубах грузчиков.

Надсмотрщик что-то крикнул и пригрозил хлыстом. Арабы разбежались, ловя на бегу брошенные матросами с корабля куски хлеба.

— Чего зря авралишь, продажная шкура? Чужого хлеба жаль, что ли, рваная брила?—крикнул надсмотрщику прямо в глаза кочегар Александров, перебираясь с борта корабля на шаланду, и тут же что-то тихонько сказал своему старшине. Старшина ответил Александрову одобрительным кивком головы. Вахтенный начальник—добродушный мичман Солдатенков, как бы не замечая этой перебранки, совершенно спокойно расхаживал по «шкафуту» с одного борта на другой.

Взвалив на плечи наполненные до краев углем корзины, спотыкаясь босыми ногами о куски рассыпанного в шаланде угля, арабы уже бежали к корабельным угольным ямам и, ссыпав в них уголь, так же бегом возвращались обратно. На темных лицах грузчиков выступил обильный пот, а надсмотрщик все погонял их, щелкая гибким хлыстом.

Прохладная темная ночь давно сменила знойный, удушливый день. На угольных шаландах в особых жаровнях развели огонь. Арабы подбегали к огню, чтобы отогреть онемевшие кисти рук. Наблюдавшие за работами младшие офицеры корабля незаметно разошлись по своим каютам, предоставив дальнейшую заботу об угле боцма-

нам и корабельным старшинам. Надсмотрщик, заметив отсутствие офицеров, стал еще развязнее. Длинный хлыст его то и дело взлетал над черными головами грузчиков. Кто-то из наших швырнул в надсмотрщика куском угля, который со свистом пролетел мимо его головы и шлепнулся в воду. С моря тянул легкий пронизывающий ветерок. Арабы чаще подбегали к жаровням.

— Эй, вы, господин,—обратился к надсмотрщику кочегарный старшина Ткаченко.—Надо бы землякам перекурочку дать. На одном кнуте, господин, далеко не уедешь.

Надсмотрщик что-то пробормотал и начал еще усиленнее щелкать хлыстом. Арабы старались ускорить свой бег.

Один из грузчиков, старый араб, споткнулся о выступ шаланды и покачнувшись назад. Корзина упала с плеча. Уголь рассыпался. Взбешенный надсмотрщик с размаха ударил хлыстом по голой костлявой спине ни в чем неповинного старика. Тот вскрикнул и на мгновение присел. На темной спине его вздулся рубец. Ненависть вспыхнула в старческих глазах и быстро потухла под тяжелым взглядом надсмотрщика.

Кочегар Александров швырнул от себя железную лопату и, подскочив к надсмотрщику, крепко ударил его кулаком в подбородок.

— Поддай еще, браток.

— Прошуруй хорошенько поганую образину, зачем старика бьет,—закричали рядом стоявшие кочегары.

Получив неожиданный удар, надсмотрщик вскрикнул и, подняв высоко хлыст, бросился на кочегара, но в этот момент был крепко схвачен сзади старшиной Ткаченко. Приподняв рассвирепевшего надсмотрщика за шиворот, старшина крепко посадил его на кучу угля. Хлыст, вырванный сильной рукой старшины, полетел за борт. Побитый англичанин тяжело поднялся, надел свалившийся с головы шлем и куда-то скрылся.

Минутное замешательство, происшедшее среди грузчиков, сменилось дружной, усиленной работой.

— Рус гут, вери гут!—выкрикивали арабы и, пробегающая мимо матросов, признательно прикладывали ко лбу и сердцу правую руку. Старый араб, согнувшись от боли,

подошел к Ткаченко и крепко поцеловал его в широкое плечо.

— Не надо, не надо, отец,—ответил скороговоркой сильно смутившийся кочегарный старшина.—Не стоит...

Араб низко поклонился и отошел.

Ткаченко быстро отвернулся в сторону и начал усиленно стряхивать приставшую к робе угольную пыль, а потом незаметно протер широкой ладонью блестящие глаза.

— Кардиф¹ проклятый, — проворчал смутившийся Ткаченко,—все глаза выел.

Сутки прошли незаметно. На мостик поднялся коренастый, чисто выбритый лоцман-француз. Быстро снялись с якоря и вышли в Суэцкий канал, соединяющий Средиземное море с Красным. Суэцкий канал начал строиться еще фараоном Рамсесом II Сезостритом (1292—1225 гг. до н/эры). На постройку канала цари и полководцы смотрели различно. Одни начинали строить канал, а другие приказывали его засыпать. Так калиф Абу-Джифар-Эль-Мансур засыпал выстроенную часть канала. С тех пор на протяжении одиннадцати веков шло медленное разрушение канала. Рвы заполнялись илом и песком, шлюзы и запруды исчезли.

Только в 1854 году инженер Лессепс приступил к сооружению канала и строил его 15 лет. Много людских страданий видел этот канал на всем пути своего строительства. Рабочих косила холера и другие эпидемические болезни. Берега канала, можно сказать, выстланы человеческими костями. Канал имеет глубину до 11 метров, длина его 164 километра и ширина от 60 до 100 метров.

Справа и слева раскинулись знойные пустыни, между ними узкая полоса воды. Она то прорезает наносные песчаные холмы, то тянется по равнинам. Арабы с кирками и лопатами в руках очищают канал от песка и исправляют размытую дождевыми потоками каменную стенку.

С борта корабля видны, как экспонаты в музее, почти все виды транспорта—от древних веков до наших дней. Вдоль африканского берега пробегает пассажирский поезд.

¹ Кардиф—так матросы называли кардифский уголь.

Рядом, по обочине дороги, верхом на ишаке едет феллах¹. На аравийском берегу, раскачиваясь, шагают, высоко задрав голову, навьюченные домашним скарбом, одnogорбые верблюды. Их ведут кочевники-бедуины. Десятки тысяч сынов пустыни бродят по горячим пескам в поисках нового пристанища, воды и «манны небесной» — так называется здесь съедобный лишайник. Когда в пустыне поднимается ветер, мелкие горошинки этого лишайника отрываются от земли и переносятся по воздуху на большие расстояния. Безземельные феллахи, гонимые голодом, собирают эту «библейскую манну». Вдоль берега канала, по сыпучим пескам, изнывая от зноя, идут, выбиваясь из последних сил, египетские бурлаки. Они тянут караван барж.

Пройдя красивый оазис с пальмовыми рощами — Исмаилию — и несколько озер, пересекающих канал, отряд крейсеров сделал остановку на рейде города Суэц — конечном пункте канала. Здесь корабли пополнили запасы продовольствия.

На «Олег» погрузили шесть огромных быков, часть верхней палубы превратилась в скотный двор. Теплый воздух и запах навоза напомнили матросам родные и далекие деревни.

С деловым, хозяйственным видом осматривали мы животных, ласково трепали их широкие мясистые шеи, кормили остатками хлеба. Быки в непривычной для них обстановке то хором, то в одиночку издавали оглушительный рев, заглушая боцманские дудки.

— Вот теперь, господин боцман, и палубу драить не надо, — поддразнивали матросы вышедшего из себя Чабана при виде навозных куч на палубе, а сами были очень довольны, что можно будет на несколько дней избавиться от надоевшей всем солонины.

Влажное туманное утро 1 января 1905 года. Густые хлопья тумана окутали корабль и лезли в палубы. Мы были в Красном море. После подъема флага зачитали новогодний приказ о повышении в званиях нижних чинов. На моих погонах теперь третья лычка. Чтением приказа и двумя боевыми тревогами был отпразднован новый год.

¹ Феллах — египетский крестьянин.

Группа старшин и специалистов крейсера «Олег».

Ночью прошли тропик Рака. Чем южнее продвигался наш отряд, тем ощутительнее делалась жара и духота. Термометр показывал 33°P . Слабый муссон почти совсем не освежал воздух. Команда оделась в белые костюмы. На палубе водрузили шланги для окачивания.

На «большом проспекте», так называют моряки Красное море, былолюдно. Почти непрерывно встречались торговые суда под флагами самых различных государств.

Миноносцы стали ходить на разведку. Участились боевые тревоги. Комендоры не отходили от орудий.

Прошли благополучно траверз Перима и вошли в Адемский залив. Провели первую контр-галсовую артиллерийскую стрельбу.

На горизонте виднелась темная полоска земли. Недалеко Джибути — наша очередная остановка. На курсе показалась шлюпка под французским флагом; она шла к «Олегу». Дежурный миноносец взял ее на буксир и подвел к нашему борту. На палубе поднялся французский матрос и передал командиру пакет. Добротворский бегло прочитал и улыбнулся.

— Ответа не будет,—сказал он французскому моряку и направился на мостик, где начинал хозяйничать, принятый с «бота» лоцман-туземец, который должен был вести нас на рейд. Там стояли пароходы с углем для нашей эскадры.

— Хороши друзья, нечего сказать. Трусу праздновать начали. Взгляните, что пишут. Не разрешают встать на рейде,—произнес Добротворский, поднявшись на мостик и передавая пакет старшему штурману.—Посмотрим, что будет дальше. И тут же приказал отстранить босого лоцмана, одетого в рваный, грязный цветной халат.

— И без этого чучела дорогу найдем,—сказал командир, кивнув головой на лоцмана-сомалийца, который в своем наряде действительно был похож на огородное чучело.

В шесть вечера встали на якорь вне рейда, как было указано в пакете, полученном командиром от губернатора Джибути.

Миноносцы пошли на рейд. «Рион» был послан к проливу ловить пароход «Самбию», перевозившую, по имеющимся сведениям, осадную артиллерию для японской армии. В помощь «Риону» направили «Изумруд». Оба корабля пробыли в море два дня, исходили много миль и вернулись ни с чем.

«Олег» приготовился к погрузке угля. Опять этот проклятый уголь. Как он надоел, чорт возьми! Скоро ли будет конец этой изнурительной работе, от которой матросы валяются с ног под знойными лучами тропического солнца.

По окончании погрузки угля командир разрешил команде береговые прогулки.

— Рюс, пенса, рюс, пенса,—кричала нам темнокожая

арабская детвора на берегу. Солнце стояло в зените и палило немилосердно. Мы направились в сомалийскую деревню. В ней было тихо и пусто. Изредка попадались одинокие фигуры сомалийцев с грязными повязками на бедрах. На всем лежал отпечаток нищеты. По пыльным улицам бродили стаи злых голодных собак.

20 января мы покинули Джибути. Миноносец «Резвый» остался на рейде с поврежденным винтом. Обогнув мыс Гвардафуй, отряд крейсеров резко изменил курс на юг. Крупной мертвой зыбью встретил нас Индийский океан. Жаркие дни сменялись влажными душными ночами. На черном тропическом небе ярко блестели мириады небесных светил. Блестящая фосфорическая дорога тянулась за кормою. На безбрежном океанском просторе, как жалкие скорлупки, качались наши корабли.

Отряд крейсеров спустился в южное полушарие. По старым морским традициям сегодня крестили матросов и офицеров, переходивших экватор в первый раз. На левом шкафуте из толстого брезента устроили купальню и наполнили ее до краев забортной водой. Статный, высокого роста машинист Еременко изображал бога морей Нептуна. На груди владыки морей распустилась до пояса окладистая светлосерая борода из пакли. Голову украшала высокая бумажная, раскрашенная красками, корона. На плечи был накинут яркий цветной халат. Нептун сидел на троне и сердито стучал деревянным трезубцем по палубе корабля. На стук сбежалась группа «свитских чертей», которых играли полуголые матросы, натертые в кочегарках углем.

— Почему господа черти не в порядке?—крикнул на боцмана Нептун.—Почему хвостов у господ чертей нет? Разве может господин чорт без хвоста ходить?

Боцман Ефремов взял смоленую веревку, разрубил ее на короткие концы и роздал чертям. Хвосты были готовы и даже с кисточками на концах.

— Русалки, русалки где?—закричал Нептун.

— Ну, ну, не разоряйся, — крикнул боцман на бога морей.—Женску полу на кораблях быть не полагается. Устав позабыл.—Нептун присмирел. Свита впряглась в колесницу и повезла струхнувшего старика по палубе. Началось купание молодых офицеров и матросов, кото-

рых ловила свита Нептуна и бесцеремонно погружала в купель. Пожилые офицеры откупались чарками водки. Крещением матросов был закончен праздник в честь бога морей Нептуна.

Глава XII

В ИНДИЙСКОМ ОКЕАНЕ

Уголь, принятый с немецких транспортов в Джибути, оказался скверного качества. Несмотря на все усилия кочегаров, пар в котлах держался плохо. Машины не давали нормального количества оборотов. Отряд продвигался вперед черепашьям шагом.

— Мошенники, — ворчал расстроенный Добротворский по адресу немцев, наблюдая за движением кораблей. — Мошенники первой статьи.

До Мадагаскара, где нас давно уже ожидал со своим отрядом адмирал Рождественский, оставалось более пяти-сот миль. По показаниям барометра можно было ждать на переходе океаном сильных ветров. Принимая во внимание, что в штормовую океанскую погоду придется идти усиленным ходом, Добротворский решил снабдить «Олег», «Изумруд» и миноносцы хорошим углем из запасов, имевшихся на вспомогательных крейсерах, и отдал приказ зайти в Дар-эс-Салам. Других подходящих бухт на восточном побережье Африки не было.

На рассвете следующего дня корабли вошли в еле заметный с моря небольшой глубокий залив, хорошо защищенный от всех ветров высокими берегами, покрытыми густым тропическим лесом, и остановились на перегрузку угля. Немцы, которых, кстати сказать, недолюбливал «дед», позволили стоять только сутки. Сообщение с берегом было разрешено офицерскому составу и только по служебным надобностям. Пристань, куда подходили наши дежурные катера и шлюпки, охраняли немецкие часовые.

— Какая подлость! Какая подлость! — возмущался прапорщик Соколов, спускаясь почти бегом с берега к стоявшему у причала дежурному катеру.

На возбужденном лице Соколова выступали и пропадали багровые пятна. Дергались углы крепко сжатых губ.

Крупные капли пота покрывали широкий открытый лоб. В таком состоянии мы никогда еще не видели всегда спокойного Николая Петровича.

— Что случилось, ваше благородие? — спросили мы почти в один голос.

— Ничего. Подойдут поближе—увидите сами,—ответил он, задыхаясь от волнения, и показал рукой на берег. Мы выскочили на стенку гавани, где по направлению к нам двигалась, подгоняемая вооруженным немецким конвоем, длинная вереница рабочих-туземцев с тяжело груженными тачками. Лающие окрики немецких солдат чередовались со звоном цепей, которыми были прикованы к тачкам истощенные рабы. Шеи невольников крепко сжимали широкие железные кольца. При каждом повороте головы острые режущие кромки глубоко впивались в тело. Тонкими струйками стекала по ошейникам кровь и каплями падала на желтый, родной туземцам, горячий песок.

— Подлецы! — крикнул почти в упор поравнявшемуся с нами конвоиру катерный матрос Левчук.

Немец схватился за рукоятку висевшего на бедре пистолета.

— Попробуй только, на месте уложу из твоей же «собачки». Дохнуть не дам,—глухо проговорил Левчук, рванув ворот своей тельняшки, и, сжав кулаки, так посмотрел на немца, что тот невольно опустил свои наглые глаза, съежился и отвернулся.

— Слабит, немецкая шкура, — снова крикнул Левчук вслед удалявшемуся солдату.

Измученные каторжным трудом люди еле передвигали ноги. Бескровные губы жадно глотали горячий тропический воздух. Люди шли с опущенными головами, не смея взглянуть на шагавших рядом немецких палачей.

— Пойдем, старшина. Больше не могу. Сил не хватает, — тихо проговорил бледный от волнения Левчук, ухватившись за рукав моей форменки.

— Руска, руска! — раздался неожиданно из толпы туземцев умоляющий крик, когда мы начали спускаться со стенки гавани.

В ответ прозвучало несколько пистолетных выстрелов и сразу все стихло.

Яркое, жгучее солнце только что встало над горизонтом, а в воздухе уже жарко и душно. Несмотря на ранний час, командирский мостик «Олега» заполнен офицерами. Вдали, прямо по курсу, смутно виден остров Мадагаскар. Около полудня в море показались дымки шедших навстречу кораблей, по которым мы без труда узнали первый броненосный отряд. После артиллерийских салютов, с криками «ура», обогнули корму адмиральского корабля и вступили в общий строй. Покружились несколько часов и вечером встали на якорь в бухте Носи-бе.

Высокие берега, покрытые пышной растительностью тропиков, придают бухте красивый, уютный вид. У подножия горы спрятался в зелени небольшой городок. Душный тропический воздух предвещал грозу. Вспышки молний освещали вершины гор. На рейд надвигались лохматые, черные тучи. Рванул первый шквал. Над бухтой закружился бешеный вихрь. Ослепительные молнии чередовались с оглушительными раскатами грома. Крупный дождь перешел в ливень. Потоки воды обрушились на палубу корабля.

Пресной воды для бани и для стирки белья в походе мы получали мало, а в соленой морской воде мыло не растворялось. Теплый тропический душ был как нельзя кстати. Под хлеставшим дождем команда мылась и стирала пропитанное угольной пылью белье.

На следующий день крейсер осматривал адмирал Рождественский. Ругать не ругал и хорошего ничего не сказал. Очевидно, все нашел в порядке.

Корабли, пришедшие раньше нас на Мадагаскар, стояли здесь более месяца, ожидая нашего прихода. Мы были уверены, что в Носи-бе нам стоять долго не придется и скоро двинемся дальше. Но проходили дни за днями, а эскадра все стояла.

На баке во время вечерних перекуров можно услышать самые различные новости, которые сообщали нам писаря и баталеры, ездившие по делам службы на берег, на штабные корабли, а также и офицерские вестовые.

Одни говорили, что эскадра будет ждать на Мадагаскаре прихода отряда контр-адмирала Небогатова, а другие сообщали, что на эскадре неблагополучно с углем.

Как-то раз, вернувшись с «Суворова», писарь Позднев сообщил по секрету, что эскадру решено вернуть обратно.

— Ну, уж это, браток, дудки, — заговорили матросы, несомненно довольные этой новостью.

— Рождественский не из таких. Всю эскадру потопит, а возвращаться обратно в Россию не будет.

Неизвестность будущего, неполучение вестей из России, кажущаяся бездеятельная стоянка, изнурительные работы и занятия в тяжелом климате и постоянной угольной пыли, ухудшавшееся питание — тяжело отражались на настроении и на здоровье команды. Дисциплина падала. Неустойчивые и переутомленные люди распускались и доходили до преступлений, за которые по законам военного времени полагалась смертная казнь. Но командующий эскадрой не подтверждал ни одного приговора, считая, что применением смертной казни нельзя утешить людей, которые знают, что идут на смертный бой.

Рождественский ввел на эскадре усиленные занятия и учения, сменявшиеся приемкой угля с транспортов. Углем заполняли не только угольные ямы, но и жилые помещения кораблей. Работа и учение производились с раннего утра и до ночи, а часто и ночью.

Офицеры подчеркнуто старательно несли вахты, не поддаваясь влиянию окружающих условий (грязь, жара) и щеголяли в белоснежных воротничках. На «Изумруде» в кают-компании привился такой обычай: доктор каждое утро проверял настроение офицеров, задавая гоголевский вопрос: «Есть ли порох в пороховницах? Не иступились ли сабли, не погнулись ли казаки?» Офицеры с улыбкой отвечали: «Нет, нет».

Матросы стойчески терпели тропическую жару и умудрялись развлекаться пением и игрой на гармошке.

Однообразная стоянка эскадры оживилась с наступлением масленицы. Рождественский утвердил программу развлечений для команды.

Вот описание праздника на «Авроре», сделанное в книге В. Кравченко «Через три океана»: в два часа началась торжественная процессия — шествие замаскированных. Был, конечно, Нептун. Два маленьких деда, недурно замаскированных, хорошо исполняли свою роль на большой куче каменного угля, которым была загромождена

верхняя палуба. Были очень откровенные «негры», т. е. совершенно голые матросы, обмазанные свежей черной краской. В процессии живейшее участие принимали все судовые звери. Но лучше всех была большая свинья, выкрашенная охрой, с синими ушами. Она визжала и вырывалась, а вел ее матрос-магометанин Гамиджи, наш присяжный шутник и остроумец, каждое слово которого вызывало дружный взрыв хохота. На баке были организованы морские игры. Большая часть этих довольно забавных и требующих ловкости игр сводилась к тому, что какая-нибудь пара при самом неудобном для себя положении усердно тузила друг друга под дружный хохот окружающих. Затем последовал ряд небольших состязаний: стрельба дробинками из ружей, вытягивание силомера, бегание через марс, состязание в семафоре, дальноте, наводке орудий.

В пять часов забегали наши катера, вельботы, барказы, полубарказы, шестерки — начались гонки на призы. По окончании их гребные суда поднимались, как всегда, под звуки веселого плясового мотива. Палуба горела под ногами, дымились тали, в несколько секунд, как пушинки, взлетали на воздух тяжелые барказы.

Вечером был спектакль на полубаке: крошечная сцена, талантливо расписанная мичманом Ильиным, изображала избу. Около семи часов вечера все были на местах, офицеры располагались на стульях поближе к сцене, остальные зрители стояли на пушках, на скатанном тенте, стояли за бортом, держась за леера. Вдруг хлынул тропический ливень. Дождь вскоре перестал и дал возможность закончить этот день, согласно программе, спектаклем и дивертисментом».

На «Олеге» была разыграна матросами «Сорочинская ярмарка», выступали рассказчики, плясуны, дрессировщик с маленькой собачкой и «король огня» — вольнонаемный офицерский повар Иваныч. Последний номер был особенно интересен. Приняв артистическую позу, Иваныч поджег поданный ему большой кусок пакли, начал забирать ее в рот и неожиданно запалил свою пышную рыжую шевелюру. От острой боли незадачливый факир заорал благим матом и под гомерический хохот зрителей пустился со сцены бегом в корабельный лазарет.

— Держи, держи его. Держи «паленую чумичку», —

кричали вслед убежавшему фскуснику довольные развлечением матросы. Так и осталась за Иванычем эта кличка на все время его службы на корабле...

По вине интендантства все хуже и хуже становилось с продовольствием. Из бочонков с капустой и солониной при вскрытии вырывались зловонные газы. Выдачу черного хлеба сократили. Свежей провизии было недостаточно, особенно овощей.

В один из праздничных дней на обед нам подали суп, в котором плавали черви. Возмущенная команда от обеда отказалась.

— Пускай Афонька сам жрет этот суп, он любит всякие приправы,—выкрикивали матросы.

Судовой ревизор лейтенант Афанасьев вышел на палубу под прикрытием командира корабля. Добротворскому показали налитый в бачки суп с плавающими по поверхности червями.

— Безобразие,—буркнул он и приказал приготовленный обед немедленно уничтожить, а команде выдать взамен обеда сливочного масла для мурцовки. Этим инцидент был исчерпан.

На эскадре частенько бывали похороны. Во время погрузки угля задохнулись от углекислоты два человека машинной команды «Бородино»; один умер на берегу от солнечного удара; на «Урале» лопнул гнилой топенант от погрузочной стрелы, убив одного офицера, а другого тяжело ранив.

Сегодня хоронили матроса с броненосца «Ослябя». Стоял яркий, жгучий солнечный день. Корабли оделись в траур, спустив до половины мачт андреевские флаги. На палубах белели безмолвные шеренги построенных матросов. В раскаленном воздухе с трудом расплывались печальные похоронные мотивы корабельных оркестров. Дежурный миноносец «Грозный», пройдя с телом умершего фронт кораблей, медленно вышел на внешний рейд. С моря долетели три пушечных выстрела. Глухим эхом прокатился в ущельях гор последний прощальный привет молодому бойцу.

Печальные церемонии действуют на всех удручающе. Эскадра продолжала стоять. Никаких приготовлений к походу незаметно, как будто бы надобность миновала. Жизнь на судах шла по установленному порядку. В восемь

часов утра поднимали флаг, при подъеме оркестры играли гимн, затем марсельезу и марш Рождественского. Вечером с последним лучом солнца флаг медленно опускался при торжественно замирающих звуках «Коль славен».

Адмирал Рождественский с каждым днем становится раздражительнее.

— Что носи-бейская туча ходит наш Зиновей, — шептались на «Суворове» офицерские вестовые.

А тучи в Носи-бе действительно ходили грозные и раздражались всегда тропическим ливнем с оглушительными раскатами грома, от которого дрожали корпуса кораблей.

— Теперь под руку ему не попадайся. Продраит так, что любой боцман позавидует.

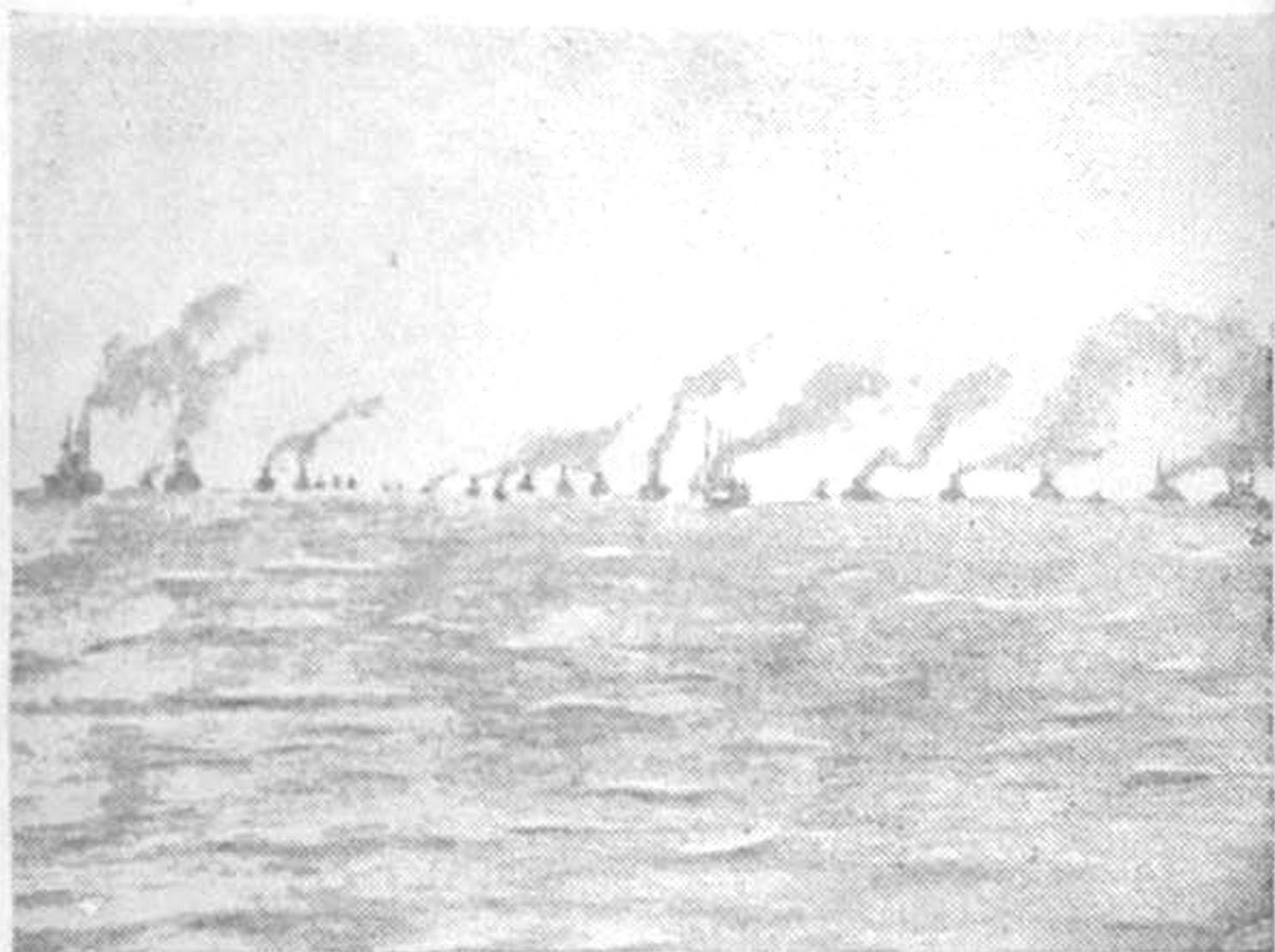
В припадках гнева Рождественский действительно разносил всех, кто попадался под руку. Спуску не было никому: ни молодым мичманам, ни старым капитанам первого ранга. Попадало от грозного адмирала даже младшим флагманам.

Ходили слухи, что адмирал очень обеспокоен отсутствием сведений с транспорта «Иртыш», который должен был привезти из России какой-то ценный груз. Наконец пришел и этот долгожданный корабль, на котором петербургские заправила из морского министерства вместо продовольствия и второго боевого комплекта прислали эскадре уголь, а снаряды отправили по железной дороге во Владивосток.

Боевая подготовка эскадры была сорвана. Командующий мог выделить для прохождения боевых стрельб всего лишь до двадцати процентов боезапаса. В результате — часть кораблей имела всего одну-две стрельбы.

Говорили, что после личного доклада командира «Иртыша» Рождественский сдернул со своей головы фуражку, бросил ее на палубу и долго, в исступлении, топтал ее ногами, а потом заперся в каюте, больше суток никуда не выходил и никого не принимал.

Эскадра простояла на Мадагаскаре бесцельно два с половиной месяца. По вине царского правительства и высшего командования на Мадагаскаре не был проведен необходимый ремонт кораблям. Правительство не обеспечило эскадру углем на дальнейший поход. Германская компания «Гамбург-Америка-лайн», с которой был за-

Вторая Тихоокеанская эскадра в походе (1904—1905 гг.).

ключен договор,—поставлять уголь для эскадры отказалась. Это был страшный удар. Положение становилось безвыходным.

Осложнялись внешние политические трудности. Было получено известие, что Голландия намерена как можно суровее применять правила нейтралитета. Командующий же эскадрой как раз имел в виду воспользоваться голландскими колониальными водами для очередных погрузок угля.

В конце февраля после длительных переговоров Петербурга с пароходной компанией «Гамбург-Америка-лайн» последняя наконец согласилась, что пароходы-угольщики пойдут дальше и будут снабжать углем наши корабли на переходе Индийским океаном только в открытом море.

2 марта на «Суворове» состоялось совещание флагманов и командиров кораблей. Было объявлено об уходе эскадры. Кончилась мучительная стоянка. Все ожили. Настроение поднялось. Маршрут держится в секрете, но

во всяком случае он ведет нас на сближение с неприятелем.

3 марта с утра начались приготовления к походу. Эскадра в составе семи броненосцев, восьми крейсеров первого и второго ранга, пяти вспомогательных крейсеров, пятнадцати транспортов и девяти миноносцев стала сниматься с якоря и, построившись в строй кильватерных колонн, взяла курс на восток.

Началось эскадренное плавание с неизбежными неполадками и непрерывными сигналами адмирала. Ночью с транспорта «Киев» упал за борт матрос, спасти не сумели. В целях экономии угля миноносцы были взяты на буксир транспортами.

Каждый день били на кораблях практические боевые тревоги, изучали сигнализацию прожекторами, говели и очищались перед попом Порфирием от грехов и, в то же время, готовились к погрузке угля в океане — словом, у каждого начальника хлопот был полон рот.

Восемнадцать дней мы бороздили Индийский океан. Присущая русским морякам беззаветная преданность Родине, мужество и отвага помогли Второй Тихоокеанской эскадре с честью одолеть труднейший переход, требовавший невероятных физических усилий и крайнего напряжения воли и нервов.

Особенно тяжелы были погрузки угля в бухтах и в океане под палящими лучами тропического солнца. Над кораблями стояли облака угольной пыли. Яркие лучи солнца днем и свет электрических люстр ночью с трудом пронизывали этот черный туман. Со дна трюмов пароходов-угольщиков яркое солнце казалось багрово-красным пятном. Обливавшаяся потом, покрытая угольной пылью, босая команда с ключьями пакли, зажатыми в зубах, чтобы не задохнуться от угольной пыли, работала в этом аду. Изредка черное и мокрое существо выбегало на минутку на верхнюю палубу глотнуть свежего воздуха и снова спешно убегало вниз.

В закрытых угольных ямах, куда ссыпали уголь сверху, температура была настолько высока, что самые сильные и здоровые люди не могли оставаться здесь больше 15—20 минут. Многие не выдерживали и валялись без чувств.

Таких, не теряя ни минуты, выносили на руках наверх и приводили в чувство, обливая забортной водой. Передохнув, они опять возвращались к прерванной работе.

24 марта рано утром с правой стороны открылся остров Суматра. Вахтенным начальникам на каждом шагу стали мерещиться неприятельские суда. Разведочные крейсера среди белого дня видят отряды миноносцев. Чуть не весь неприятельский флот гонится за нами и никак не может догнать едва ползущую эскадру. На кораблях быют тревоги, принимая береговые огни за огни неприятельских кораблей, а торчащие из воды предметы — за перископы подводных лодок. Какая-то «чехарда» идет кругом. Никаких неприятельских кораблей у берегов Суматры и в Малаккском проливе не оказалось. Все тревоги были напрасны.

На траверзе города Сингапур эскадру встретил консульский катер и пропустил мимо все корабли. С катера сообщили, что японцы взяли Мукден; вместо Куропаткина командующим назначен Линевиц; что в Малаккском проливе нас прозевали неприятельские подводные лодки; что японский флот находится на севере от острова Борнео. Эскадра прошла благополучно Сингапурский пролив и остров Борнео. Видимо, консул так же врал, как врали и наши разведочные корабли.

Глава XIII

ПОСЛЕДНИЙ ПЕРЕХОД ЭСКАДРЫ

Южно-Китайское море. Слева спускаются к горизонту покрытые лесом высокие горы Индо-Китая.

Весь апрель скиталась эскадра по диким бухтам Китайского побережья. Уголь грузили ежедневно и забивали им все свободные уголки. Из последних сил выбивалась уставшая от постоянных работ и тревог команда.

В бухте Камранг на наш крейсер перешел адмирал Энkvист со своим штабом. «Олег» поднял адмиральский флаг.

Разгруженные транспорты группами уходили в Россию. Вспомогательные крейсера провожали их до Сингапура. Под охраной «Терека», «Кубани» и «Урала» ушли «Юпитер», «Китай», «Киев», «Горчаков». Станным ка-

зался нам такой конвой, с которым легко мог справиться плохонький неприятельский крейсер второго ранга.

Боевые корабли продолжали вести бродячую жизнь. Мы переходили из одной бухты в другую. Ночью стояли без огней, опутанные сетевыми заграждениями, или выходили в море и всю ночь двигались взад и вперед самым тихим ходом, а на рассвете снова заходили в бухту. На кораблях то и дело поднимали белые флаги с красным крестом. Горнисты играли на «молитву». Скучавшие от безделья корабельные монахи ежедневно справляли церковную службу. Стояли последние дни великого поста.

Содержатель Комаров готовил к пасхе матросский хор. Вечером можно было слышать, как молодые матросские басы громко отчеканивали «христос воскрес из мертвых»; «смертию смерть поправ» — вторили им залетные тенора; «и сущим во гробех живот даровав», — дружно, и весело кончал хор, притопывая босыми ногами по железной палубе. Красный от волнения регент громко кричал:

— Веселей поддавай, ребята, веселей! Это вам не великопостная.

Пасху встречали в бухте Ван-Фонг. Ночь прошла в настороженности: половина людей была у орудий и прожекторов, офицерская вахта была усилена.

25 апреля крейсера «Рион», «Жемчуг», «Днепр» и «Изумруд» вышли в море на розыски отряда адмирала Небогатова. На следующий день снялась из бухты вся эскадра и, при выходе в море, встретила возвращавшиеся с разведки «Днепр» и «Изумруд».

«Днепр» сообщил, что ночью видел огни какого-то отряда судов. Неизвестные корабли на телеграфный вызов «Днепра» не ответили.

Телеграфные аппараты приняли первые депеши с крейсера «Владимир Мономах». Стало известно, что небогатовский отряд прошел от нас к северу. Изменили курс на норд. Скоро на горизонте показались родные, знакомые силуэты кораблей-стариков. Через четверть часа черные клубы порохового дыма окутали борта головного броненосца. С «Николая» загремел приветственный салют. С нашей стороны отвечал «Суворов». Восторженные крики «ура» неслись по поверхности моря навстречу боевым друзьям. Оркестры играли гимн. Адмирал Рождественский

поднял сигнал «Добро пожаловать, поздравляю с блестяще выполненным походом».

Рождественский отдал приказ № 229:

«Сегодня, 26 апреля, к эскадре присоединился отряд контр-адмирала Небогатова, вышедший из Либавы 2 февраля,—на четыре месяца после эскадры. Отдавая должную честь молодецкому отряду, совершившему столь блестящий переход без услуг попутных портов и со знакомыми всем нам притеснениями на стоянках в пустынных местах, я не умаляю цены трудов прочих отрядов эскадры, которым пришлось поджидать товарищей в обстановке, делавшей вынужденные стоянки столь же тяжелыми, как и переходы. С присоединением отряда силы эскадры не только уравнились с неприятельскими, но и приобрели некоторый перевес в линейных боевых судах.

У японцев больше быстроходных судов, чем у нас, но мы не собираемся бегать от них и сделаем свое дело, если наши заслуженные машинные команды и в бою будут работать спокойно и так же старательно и добросовестно, как работали до сих пор.

У японцев больше миноносцев, есть подводные лодки, есть запасы пловучих мин, которые они навывкли подбрасывать. Но это такие средства, которым должны быть противопоставлены бдительность и осторожность: надо не проспать минной атаки, не прозевать плавающих корпусов и торчащего из воды перископа, не теряться у прожекторов, меньше волноваться у пушек и лучше целить.

У японцев есть важные преимущества—продолжительный боевой опыт и больше практической стрельбы в боевых условиях. Это надо помнить и, не увлекаясь примером их быстрой стрельбы, не кидать снарядов впустую, а исправлять каждую наводку по полученным результатам. Мы можем рассчитывать на успех только при исполнении этого требования: им должны проникнуться все офицеры и все команды».

Этот приказ был последним обращением Рождественского перед трагическим Цусимским боем.

Соединившиеся эскадры повернули к берегу и стали на якорь в проливе Куа-бе.

Присоединение к эскадре небольшого, но исправного отряда контр-адмирала Небогатова заметно подняло дух личного состава эскадры.

Погрузка угля и мытье палуб чередовались со шлюпочными учениями, семафором и гимнастикой. Пришел с моря госпитальный пароход «Кострома» с красными крестами на дымовых трубах и широкой зеленой полосой вдоль белоснежных бортов. Это, повидимому, был последний корабль, которого поджидал адмирал.

Рождественский заспешил: 1 мая наша армада в составе пятидесяти кораблей, в числе которых было двенадцать разнотипных броненосцев, девять устаревших и новых крейсеров, девять миноносцев и двадцать транспортов, тронулась в дальнейший путь—к Владивостоку.

Эскадре предстояло на выбор два пути: или идти между материком и Японией, или, обогнув южные Японские острова, через Сангарский пролив прорываться во Владивосток. В первом случае надлежало пройти узким Цусимским проливом, что сделать незаметно было нельзя, и бой был неизбежен; во втором—эскадра могла дойти незаметно до Сангарского пролива, а от него до Владивостока оставалось триста пятьдесят миль. В первом случае бой должен разыграться вблизи японских военных портов, во втором—единственный ближайший военный порт—Майдзю—был в двухстах пятидесяти милях, атаки японских миноносцев были здесь маловероятнее, чем в узком Цусимском проливе. Проход Корейским проливом имел лишь то удобство, что уже около Шанхая можно было отпустить все транспорты, требовавшие в бою сильного конвоя. Вероятно это соображение и склонило курс эскадры к Корейскому проливу. К сожалению, и это единственное преимущество использовано не было: часть транспортов осталась при эскадре. Для их защиты Рождественский отделил все крейсера, чем ослабил боевые силы эскадры на тридцать шесть шестидюймовых орудий и на двадцать девять 120-миллиметровых.

Идем в таком месте Южно-Китайского моря, где корабли обыкновенно не ходят. По ночам держим самое ограниченное число огней. Ночи светлые, лунные. Неожиданных столкновений с японскими миноносцами опасаться нечего. Силуэты кораблей ясно различаются простым глазом на значительном расстоянии. В ночь на шестое мая на горизонте было замечено неизвестное судно, шедшее по одному с нами направлению без отличительных огней. По распоряжению с «Суворова» «Олег» отделился

от эскадры, увеличил ход и быстро догнал неизвестного спутника—английский пароход «Ольдгамия», который шел из Америки с грузом керосина для Японии. На груз на пароходе не оказалось документов, он был подведен к эскадре. На рассвете были осмотрены «Жемчугом» еще два парохода, один из которых под норвежским флагом. Вот тебе и места, которыми обычно не ходят корабли!

С «Ольдгамией» возились два дня: допрашивали английскую команду, грузили на пароход уголь и, наконец, решили отправить его с нашей командой во Владивосток. Англичане, покидая пароход, несмотря на присутствие нашей команды, пытались все же сделать гадость: открыли кингстон в машинном отделении, и пароход стал тонуть. Но наша команда успела найти открытый кингстон и закрыла его.

— Пора бы перестать церемониться с англичанами, делающими нам пакости на всем пути, начиная с Догер-банки,—говорили меж собой матросы.

Прошли кусочек Тихого океана. Транспорты постепенно уходят от эскадры по особому назначению. Осталось Восточно-Китайское море. Скоро Цусимский пролив, которым будем прорываться во Владивосток.

По нашим простым матросским расчетам, мы — обреченные жертвы. Прощай, дорогая родина. Мы знаем, что не ты нас послала на эту верную гибель.

10 мая умер контр-адмирал Фелькерзам. Смерть Фелькерзама была объявлена условным сигналом: «сломалась шлюпбалка», который был поднят на «Ослябе». По эскадре об этом не оповещали, чтобы не понижать настроения. Не были извещены даже младшие флагманы. Флаг покойного на броненосце спущен не был.

Под адмиральским флагом, с мертвым адмиралом на борту, «Ослябя» дошел до Корейского пролива и первым геройски погиб в Цусимском бою. На «Ослябе» погибло свыше трехсот человек.

10 мая командующий отдал приказ (№ 243): «Быть ежечасно готовым к бою».

Миноносцы отдали с транспорта буксиры.

ЦУСИМСКИЙ БОЙ

Они вспоминают Цусиму,
Напрасную храбрость свою,
И небо Отчизны любимой,
И гибель в неравном бою.

Вечером 13 мая 1905 года эскадра в составе эскадренных броненосцев: «Князь Суворов», «Александр III», «Бородино», «Орел», «Ослябя», «Сисой Великий», «Наварин», «Николай I»; броненосцев береговой обороны: «Генерал-адмирал Апраксин», «Адмирал Сенявин», «Адмирал Ушаков»; броненосного крейсера «Адмирал Нахимов»; крейсеров: «Олег», «Аврора», «Дмитрий Донской», «Владимир Мономах», «Светлана», «Изумруд», «Жемчуг», «Алмаз»; вспомогательного крейсера «Урал»; эскадренных миноносцев: «Бедовый», «Быстрый», «Буйный», «Бравый», «Громкий»; «Грозный», «Блестящий», «Безупречный», «Бодрый»; транспортов: «Анадырь», «Иртыш», «Камчатка», «Корея»; буксирных пароходов: «Русь», «Свирь» и госпитальных судов «Орел» и «Кострома» подошла к Цусимскому проливу, отделяющему острова Японии от острова Цусима.

Над морем спустилась сырая, туманная ночь. «Олег» приготовился к бою. С орудий сняты чехлы. Подготовлены боевые снаряды. По-боевому дежурят комендоры, минеры и гальванеры. В операционном пункте корабельные врачи и фельдшера готовят хирургические инструменты и перевязочные средства. После вечерней молитвы не было слышно обычных команд: «по сеткам», «койки брать».

Свободным от дежурства и вахты матросам разрешили отдыхать не раздеваясь. Несмотря на усталость, мы отдыхать не могли,—коварный враг мог появиться каждую минуту.

Темные, низкие облака ползли над мачтами кораблей. Временами моросил мелкий дождь. Беспроволочный телеграф «Олега» непрерывно принимал переговоры неприятельских кораблей. Воспаленными от бессонных ночей глазами мы искали на горизонте огни неприятельских

кораблей и старались говорить тише, как-будто этим можно было не выдать себя неприятелю, который искал нашу эскадру. Тише и реже свистали дудки капралов. И только судовой сигнальный колокол громко, как и в походе, отсчитывал через каждые полчаса своим железным языком корабельное время.

Склянки отбили полночь. Половина жуткой ночи миновала. Глаза смыкались от боли и бессонницы. Натянутым нервам необходим был отдых. Но уснуть мы так и не могли до самого рассвета.

На рассвете 14 мая неприятельский разведочный корабль совершенно случайно вошел в соприкосновение с одним из госпитальных кораблей, шедших в хвосте эскадры. Мы были открыты. Близилась кровавая развязка.

Багрово-красное солнце медленно выползло из-за горизонта, на море клубился туман. Вместе с подъемом кормового флага на стеньгах мачт взвились андреевские боевые флаги.

Около десяти часов утра в туманных разрывах показались с левого борта четыре неприятельских корабля типа легких крейсеров. Пробили боевую тревогу.

Без всякой суеты, торопливо крестясь, команда разбежалась по боевым местам. Грохнул первый залп.

— В добрый час! Дай бог! Счастливо, братки!—перекликались на бегу повеселевшие матросы.

По боевому расписанию я спустился в центральный боевой пост, находившийся под боевой рубкой по соседству с патронным погребом. Глухими ударами отдавались внизу боевые залпы. По металлическим переборкам корабля от орудийных выстрелов пробежала мелкая дрожь. Перестрелка продолжалась недолго. Под огнем наших кораблей неприятельский разведочный крейсерский отряд отступил. Рассеялся туман. На чистом горизонте были видны только верхушки неприятельских мачт. Стрельба прекратилась. Горнист проиграл отбой.

По случаю царского дня на всех кораблях, по сигналу адмирала, начались молебны.

— Ходи, молодцы, ходи на молитву,—подгоняли боцманы и фельдфебели возбужденных матросов, только что переживших первую боевую встречу с врагом. Из походной церкви долетал надтреснутый тенор корабельного иеромонаха, просившего бога о даровании победы. На

шинтой золотом ризе Порфирия играл веселый солнечный луч, слегка шумело море, перекаывая бирюзовую зыбь.

С вахты дали дудку: «команде одеться в чистое белье». Безотчетная гнетущая тоска щемила грудь, мы знали, что многим из нас не удастся больше увидеть далекую родину, за которую моряки шли отдавать жизнь.

В один час сорок пять минут пополудни на горизонте показались главные силы противника. Неприятельский флот, пересекая под острым углом наш курс, быстро шел на сближение. Силуэты японских кораблей, окрашенных в серый цвет, смутно вырисовывались на поверхности моря. Отсутствие дыма из труб указывало на слаженную, четкую работу машинных команд. Наши корабли, окрашенные в черный цвет, с желтыми трубами, были отчетливо видны и служили хорошей мишенью для японских комендоров. У нас даже и окрасить, как нужно, не сумели.

Придя на траверз головных кораблей, японский флот повернул обратно и лег на параллельный с нами курс. Оглушительные залпы тяжелых орудий разорвали воздух. Броненосцы вступили в бой. Первые снаряды с шипением и свистом падали в море, поднимая при взрывах высокие фонтаны воды. Пороховой дым окутал борта японских и наших кораблей, прокладывая ценою жизни дорогу на Владивосток.

Неравный артиллерийский поединок разгорался сильней и сильней. Японцы покрывали наши суда градом снарядов, стараясь выбить из строя адмиральские корабли.

Фугасные снаряды японской артиллерии разрывались на массу мелких осколков, причинявших при ранении мучительную боль. Под действием разрушительной силы японской артиллерии на наших кораблях разлетались палубные надстройки, падали мачты и дымовые трубы. На многих кораблях вспыхнули пожары. Удушливый запах «шимозы» носился в воздухе и проникал во все отсеки корабля. Крейсерский отряд во главе с «Олегом», на котором держал свой флаг адмирал Энkvист, вступил в полосу боя несколько позднее.

Мы, находившиеся в центральном боевом посту, не могли принимать активного участия в происходившей наверху борьбе, а должны были ждать, когда неприятельский снаряд снесет боевую рубку и управление кораблем перейдет в центральный пост. Вынужденное безделье бес-

конечно удлиняло время и выматывало нервы. Неприятель вводил все новые силы. С каждой минутой росла опасность взлететь на воздух или очутиться на дне. Командир поста лейтенант Афанасьев не выдержал. Не сказав ни слова, он быстро поднялся наверх и больше в пост не возвращался.

— Не иначе, у его благородия кингстон прошибло. Пластырь, знать, подводить побежал,—с усмешкой проговорил рулевой Свирид.

Пользуясь преимуществом хода, японцы все время меняли позиции. Расстояние временами сокращалось до 24 кабельтовых. Корпус нашего корабля дергался и дрожал от выстрелов артиллерии. Осколки неприятельских снарядов с воем и визгом разлетались по палубе «Олега», выводили из строя людей и дырявили тонкие стенки палубных надстроек. Корабельные санитары подбирали тяжело раненых и спешно уносили их в операционный пункт. На легкие ранения никто не обращал внимания.

На юте, под градом неприятельских осколков, в неподвижной, уверенной позе стоял часовым у кормового флага молодой квартирмейстер Захватов. Осколками снаряда сбило с мачты флаг и фуражку с головы часового. Захватов спокойно и быстро поднял новый флаг, схватил пробитую осколками фуражку, покачал укоризненно головой и аккуратно, так, чтобы кокарда находилась на одной прямой линии с линией носа, надел ее на гладко остриженную голову. Под кормой с оглушительным треском рвались японские снаряды. Взрывные волны швыряли на ют осколки и густые серые клубы порохового дыма. Часовой продолжал спокойно охранять корабельное знамя.

Около трех часов дня в помощь неприятельским крейсерам подошел отряд броненосцев. Мы попали под тяжелый перекрестный огонь. Броненосцы начали пристрелку по «Олегу». Сплошной дым и высокие фонтаны воды от взрывающихся снарядов крупного калибра скрыли крейсер от шедшей за нами «Авроры». В исключительно тяжелом положении оказался «Олег», не имевший бортовой броневой защиты.

Один из неприятельских снарядов крупного калибра, пронизав борт, разорвался под полубаком, поблизости от шахты, ведущей в носовой патронный погреб, из которого только что была поднята тележка со снарядами. Оскол-

ками вывело из строя всех подносчиков снарядов и перебило подъемный механизм тележки, которая упала в патронный погреб. От удара при падении патроны начали взрываться. Силой взрывов повредило переборку, отделяющую патронный погреб от центрального боевого поста. В отверстие выбитых заклепок был виден разгоравшийся в патронном погребе пожар, обрекавший крейсер на гибель. Чтобы спасти корабль, надо было немедленно принять меры к тушению огня.

Не раздумывая ни минуты, я и мой товарищ старший гальванер Курбатов поднялись из центрального поста на палубу. Под полубаком стоял сплошной дым. С большим трудом, на ощупь, раскатали мы пожарные шланги и открыли водопроводные краны. Схватив металлические брандспойты, из которых била сильная струя забортной воды, смочили свою одежду, а потом с направленными вниз брандспойтами стали осторожно спускаться по ступенькам шахты к месту пожара. Дыхание перехватывал удушливый, едкий дым. Кружилась голова. Глаза слезились. От чрезмерного напряжения дрожали ноги и руки. Под сильным напором воды пламя стало быстро уменьшаться и, наконец, прекратилось совсем. Пожар был потушен. Опасность миновала. Мокрые и грязные от копоти и дыма, мы снова вернулись в боевой пост, где с невозмутимым спокойствием нас встретил наш боевой товарищ рулевой Свирид. Без всякого страха он пережил в одиночестве и темноте эти жуткие минуты. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Это был один из тех людей, которые не теряются при любой опасности.

Не успели мы оправиться от только что пережитых волнений, как «Олег» принял с правого борта еще два крупных снаряда. Один из снарядов разорвался с оглушительным треском и сделал в борту громадных размеров пробоину, а другой шлепнулся на палубу недалеко от 75-миллиметровой пушки и завертелся, как волчок.

— Гляди-ко, ребята, гляди, — вскричали с усмешкой матросы—подносчики снарядов,—какие гостинцы японцы посылать стали. Что карусель вертится, только гармошки нехватает.

Снаряд мог взорваться каждую секунду и причинить большие разрушения. Японскую вертушку необходимо было с палубы немедленно убрать.

Находившийся поблизости комендор Четков подскочил к вертевшемуся «гостинцу», схватил его в охапку и с силой швырнул за борт. Матросы послали вдогонку крепкое приветствие и громко рассмеялись. Выброшенный за борт снаряд разорвался. Высоко взметнулся большой фонтан воды и обрушился на группу наших храбрецов, спокойно продолжавших стрельбу.

Японские броненосцы пристрелялись. Чтобы избежать дальнейших поражений, «Олег» увеличил ход. Неприятельские снаряды стали падать за кормой.

— Мина по носу справа, — крикнул с мостика сигнальщик.

Страшное неожиданное сообщение сковало на несколько секунд волю командиров, находившихся в боевой рубке. Катастрофическая встреча казалась неизбежной. Чтобы предотвратить катастрофу, надо было немедленно изменить направление корабля. Глубокое молчание царило в боевой рубке. Не получая никаких указаний от начальства, стоявший на вахте рулевой черноморец Белоус по собственному почину уверенно и спокойно положил руля. Крейсер круто бросился вправо. Мина пронеслась вдоль борта корабля. «Олег» был спасен. Все облегченно вздохнули. Некоторые украдкой перекрестились.

— Молодец Белоус, — громко сказал, обращаясь ко всем, командир Добротворский.

«Олег» быстро вышел на старый курс и продолжал идти усиленным ходом вперед. Идущие за нами крейсера стали отставать. Чтобы подтянуть отстающих, мы уменьшили ход и дали этим возможность приблизиться неприятельским броненосцам, которые снова начали обстреливать наш корабль из тяжелых орудий.

В правом борту крейсера было семь больших пробоин. Часть отсеков залило водой. «Олег» свалился на правый борт и стал плохо слушаться руля. Труднее становилось стрелять из орудий. Надо было дать израненному кораблю передышку. Искусными маневрами командир Добротворский вывел корабль из-под обстрела неприятельских броненосцев. Трюмные машинисты быстро выравнивали крен. На короткое время смолкла стрельба.

Пользуясь временным затишьем, я вышел из центрального поста на палубу. Над поверхностью моря носились раздуваемые ветром облака порохового дыма, сквозь

которые, как в тумане, виднелись силуэты кораблей. В воздухе стоял оглушительный гул от непрерывной стрельбы. Багровый солнечный диск нижним краем цеплялся за морской горизонт, а неравный поединок все еще продолжался.

Мое внимание привлек один из наших новых броненосцев, который особенно сильно обстреливался неприятелем. Косматое пламя пожара лизало верхушки корабельных мачт. На осевшей корме броненосца гуляла волна. Последние минуты доживал великан и все же продолжал неуклонно идти вперед. Последний боевой снаряд послал он врагу из своей носовой башни. Вслед за выстрелом над броненосцем высоко взметнулось облако бурого дыма. Раздался сильный взрыв, в воздух полетели обломки корабля, и через несколько секунд героический корабль вместе со своим тысячным экипажем погрузился на дно. Это был «Бородино».

Наступила ночь. Бой не прекращался: флотилия японских истребителей и миноносцев начала теснить с востока, юга и севера уцелевшие в дневном бою корабли. Главные силы противника ослабили давление и отошли на восток. В темноте ночи нельзя было отличить свои корабли от кораблей неприятеля. Между кораблями была потеряна связь, и каждое судно в отдельности пыталось вырваться из минного кольца. Крейсера «Олег», «Аврора» и «Жемчуг» несколько раз пытались прорвать линию неприятельских кораблей, заграждавших путь, и пройти на север, но вследствие постоянных атак вынуждены были от этого отказаться и повернули на юг.

Четыре японских миноносца, находясь от нас в ста метрах, выпустили более семнадцати мин, но безрезультатно. «Олег», по приказанию командира, то и дело резко менял курс и при каждом повороте сильно кренился от быстрой перекладки руля. Через пробоины в бортах с сильным шумом падали внутрь корабля каскады воды и потоками разливались по палубам. Преследовавшие нас миноносцы потеряли связь со своими главными силами и вынуждены были прекратить дальнейшую атаку. Стрельба на палубе стала стихать. Я снова вышел из центрального боевого поста наверх.

На каждом шагу попадались следы разрушения. Ноги скользили по липкой, смешанной с кровью, грязи, пахло

гарью. Команда в грязных, мокрых, пропитанных дымом бушлатах и фланелевках получала на ужин консервы. У многих были перевязки на руках, голове, лице, сквозь

Минер Алтабаев.

них сочилась кровь. Сильно пахло хлороформом. Из операционного пункта доносились на палубу глухие выкрики и стоны тяжело раненых.

Где-то глубоко в отсеках стучали топоры и кувалды. Там под руководством боцмана Чабана заделывали полученные в дневном бою пробоины.

На палубе я встретил своего приятеля минера Алтабаева. Высокого роста, широкий в плечах, с тяжелой кувалдой в руке, мокрый с ног до головы, он стоял, облокотившись на рундук, и тяжело дышал.

— Что с тобой,—спросил я,—ранен?

— Нет, устал только. Пробойна замотала.

После я узнал, что этот застенчивый, скромный здоровяк с явной опасностью для жизни в течение четырех часов, по пояс в воде, заделывал подводную пробойну в минном погребе. Эта работа требовала исключительной воли и смелости, огромной физической силы и большой сноровки. Работать надо было в темноте. Сильным напором воды несколько раз выбивало заделку, вместе с которой летел в сторону и бесстрашный минер. Многим был обязан в этот вечер экипаж корабля Алтабаеву.

Было около 11 часов ночи. Горизонт прояснился, и на безоблачном небе блеснули яркие звезды. Кругом чистое море. Не видно никаких кораблей. «Олег», как отшельник, тихонько продвигался вперед. В эту ночь мы почти не сомкнули глаз.

На рассвете 15 мая к «Олегу» подошли «Аврора» и «Жемчуг». Адмирал Энkvист перенес с «Олега» свой флаг на «Аврору», командир которой был убит в бою 14 мая. Высоко над горизонтом блеснуло ослепительное солнце. По гладкой поверхности моря изредка пробежала легкая рябь. Приспущенные в знак траура до половины мачт флаги чуть заметно шевелились под налетевшим слабым ветерком.

Без всякого строя стояли на морском распутии три подбитых корабля, из высоких труб которых поднимался к безоблачному небу едва заметный серый дымок.

Глава XV

ОТ ЦУСИМЫ ДО ФИЛИППИНСКИХ ОСТРОВОВ

Продолжительная остановка в непосредственном соседстве с японскими военно-морскими базами могла окончиться нападением неприятельских кораблей, от преследования которых мы успели удачно оторваться, и поэтому весь экипаж ждал с большим нетерпением дальнейших

распоряжений адмирала. Даже сам «дед», благодаря которому «Олег» ночью вырвался из окружения миноносцев, и тот нервничал. Он почти не уходил с верхней палубы и все присматривался к адмиральскому кораблю.

Наконец на мачте «Авроры» медленно развернулся трехфлажный сигнал. Прошло несколько секунд. Старший сигнальщик Таранюк, захлопнув сигнальную книжку, четко отрапортовал вахтенному начальнику:

— Ваше высококородие: «адмирал приглашает совещание командиров кораблей».

— Доложить немедленно командиру! Вельбот к спуску! К правому трапу!—раздались одна за другой отрывистые команды.

Обожженная в бою шлюпка, с закоптелыми и продырявленными осколками снарядов бортами, тихо коснулась воды: несколько ловких взмахов весел, и вельбот стоял у правого трапа.

— Караул наверх! — скомандовал вахтенный начальник.

На палубе появился одетый в полную парадную форму, в треугольной шляпе, командир корабля, которому, кстати сказать, лучше бы шел простой военный наряд старого русского воина. Казалось, что золоченые массивные эполеты с густыми кистями лежат у него на плечах пудовым грузом и еще больше горбят его сутуловатую фигуру. Караул отдал честь. Добротворский медленно спустился в шлюпку и занял место у руля. Вельбот стрелой полетел к «Авроре».

Совещание только что началось, а на баке слышались уже нетерпеливые голоса:

— И чего это наш «дед» запропастился, кофий, что ли, со старым барином пьет?

— Не треплись, братки. Не будет он зря на «Авроре» сидеть. И не увидишь, как подкатит.

— А хлестко он, братцы, ночью длиннобородого разыграл,—начал уже не в первый раз свой короткий рассказ рулевой Белоус.

Темой этого рассказа была ночная минная атака, в которой «Олег», как адмиральское судно, подвергся особенно сильному преследованию со стороны японских атакующих кораблей. Достаточно было попадания только одной торпеды, чтобы уничтожить наш слабо бронированный

крейсер. Адмирал немножко растерялся. Заметив это, Добротворский, не спрашивая разрешения адмирала, приказал дать полный ход и направил свой крейсер в группу атакующих миноносцев, меняя все время направление.

— Ваши действия, командир, считаю слишком рискованными. Этим мы можем только усугубить наше тяжелое положение,—заметил Добротворскому обиженный адмирал.

— А по-моему, ваше превосходительство, это единственный способ избежать поражения.

— Не вижу,—возразил Энkvист.

— У вас, ваше превосходительство, видимо утомилось зрение,—ответил Добротворский, продолжая лично управлять кораблем.

Корпус «Олега» дрожал от усиленной работы машин. Расстояние до атакующих миноносцев сокращалось с каждой минутой. Можно было невооруженным глазом рассмотреть темные силуэты неприятельских кораблей, пытавшихся преградить нам путь.

— Открыть огонь!—спокойно скомандовал Добротворский.

— Ладно ли выйдет?—бросил неуверенное замечание адмирал.

— Иного выхода нет, ваше превосходительство...

Дальнейшего разговора разобрать было нельзя. Командоры открыли бешеную стрельбу. Вылетающие из орудийных стволов огневые вспышки рвали черную, жуткую ночь, чередуясь с оглушительным гулом стрельбы.

На одном из японских кораблей вспыхнул пожар. Охваченный пламенем миноносец с метавшейся по палубе командой встал перед глазами, как призрак. Пожар быстро разрастался. Вокруг горящего корабля вырастали от разрывавшихся снарядов высокие водяные столбы. Цель была достигнута. Продержавшись не более минуты, горящий корабль пошел ко дну. Вскоре был подбит еще один неприятельский корабль. В рядах атакующих миноносцев произошло замешательство. Командир приказал сразу прекратить огонь и резко изменил курс. Сжимавшее нас минное кольцо было прорвано.

Рассказ Белоуса незаметно перешел в оживленную беседу. В горячих спорах мы действительно не заметили,

как вернулся с «Авроры» командир. И опомнились только тогда, когда горнисты и барабанщики пробили «сбор». Появление на палубе «деда», успевшего переодеться в обычный походный костюм, было встречено дружным «ура».

— Братцы,—громко крикнул Добротворский,—я только что вернулся с «Авроры». Адмирал вместе с «Жемчугом» решил идти к Филиппинским островам, а нам предложил идти в Шанхай. В Шанхае, я знаю, нас встретят недружелюбно, и я решил не отставать от своих боевых друзей. Мы тоже пойдем к Филиппинам. Этот путь для нашего «Олега» будет тяжел и опасен, особенно если разгуляется в море волна. Мы можем остаться без угля. Нас может догнать неприятельский флот и навязать нам неравный бой. Мы должны быть готовы ко всяким случайностям. Мы примем без страха и сомнений и этот бой и сумеем оправдать доверие родины. Ура!

Новое мощное «ура» заглушило шум уже начавших работать машин.

Адмирал дал курс на юг. «Аврора», «Олег» и «Жемчуг» двинулись в новый опасный путь—искать себе приюта в чужом нейтральном порту. Для лечения корабельных ран нужен был тяжелый заводской молот.

В походной церкви началось отпевание убитых в бою друзей, тела которых, зашитые в брезент, покоились на корме корабля. К ногам мертвецов был прикреплен тяжелый, чугунный балласт. Печальные похоронные церковные напевы вызывали тяжелую грусть. Морщились от подступавших слез суровые лица моряков. Корабельный иеромонах провозгласил умершим «вечную память»; хор певчих подхватил последний напутственный возглас священника. К пению хора присоединился, опустившийся на колени, весь экипаж корабля. Невольно падали на «робы» крупные, тяжелые слезы.

В воздухе растаял последний аккорд тысячеголосого хора. На корабле стало тихо, слышно было как журчала бегущая вдоль бортов вода да хлопал приспущенный флаг. Взмолнованный старший боцман Чабан с группой плотников с трудом прикрепил снаружи правого борта только что сделанный деревянный щит, нижний конец ко-

торого почти касался воды. Командир корабля предал тела умерших земле, бросив на них несколько горстей крупного морского песку. Из глубоких, пронизательных глаз «деда» упало на серебристую бороду несколько мелких, как бисер, слезинок.

— Приготовиться к салюту!—раздалась команда.

Мы бережно, как драгоценную ношу, подняли с палубы тела убитых в бою друзей и осторожно начали спускать их в море по забортному щиту. Прогрохотала первая пушка. Трупы героев, зашитые в жесткие парусиновые саваны, раскачиваясь, медленно уходили в морскую пучину.

Последний раз всплеснулось море. Прогредел третий, последний выстрел салюта. Медленно сполз с верхушки мачты белый с красным крестом флаг. С тяжелым чувством команда тихо разошлась по своим местам. В путевом корабельном журнале появилась скрепленная подписью командира корабля короткая штурманская запись, заменившая свежие надмогильные холмы. «Олег» увеличил ход и вскоре догнал ушедших вперед «Аврору» и «Жемчуг».

Тяжелые переживания последних дней и бессонные ночи настолько утомили команду, что люди засыпали на ходу. Командир разрешил прекратить работу ранее обычного времени и дать матросам койки. Жизнь на корабле замерла. Пусто было на «баке». И только на мостиках да у дежурных пушек виднелись темные фигуры наиболее крепких матросов, выделенных для несения вахтенной службы. Ночь прошла спокойно.

— Ну и поспал, все равно как у тещи в гостях бывал,—проговорил, виновато улыбнувшись, матрос Медведев, подбегая к умывальнику, где он наткнулся неожиданно на старшего боцмана Чабана.

— Скажи спасибо «деду», что не велел побудку делать, а то попробовал бы ты у меня вот этой «тещи», — ответил сердито Чабан, показывая на цепочку от дудки.

Утренней побудки не было, разрешено было спать до подъема флага. После сытого завтрака на чистом воздухе хорошо отдохнувшие матросы дружно взялись за работу по заделке пробоин и откачке воды из поврежденных отсеков корабля. Чабан едва успевал отдавать приказания.

Старший офицер Посохов спешно готовил письменный боевой отчет. В каюту к нему то и дело вызывали строевых старшин и отдельных матросов.

— Расскажи, Магдалинский, что вы делали во время боя в центральном боевом посту?—задал он мне вопрос, как только я затворил за собой дверь каюты. — Говори только правду. Не выдумывай.

— В центральный боевой пост, ваше высокородие, спустились почти одновременно я, старший гальванер Курбатов, рулевой Свирид и матрос-юнга, как только пробили боевую тревогу. Спустя некоторое время к нам спустился лейтенант Афанасьев. Как только начались попадания снарядов в корпус крейсера, лейтенант Афанасьев из поста ушел, оставил нам бутылку красного вина и папирос, и больше в боевой пост не спускался.

— Это тебя не касается. Не твоего ума дело,—перебил меня Посохов.—Продолжай говорить про нижних чинов.

— Тотчас после взрыва снарядов в соседнем погребе я и Курбатов поднялись на палубу, чтобы тушить начавшийся в боевом погребе пожар.

— Паспорта, значит, пустились собирать?

— Никак нет, ваше высокородие, никого из господ офицеров поблизости не было, а матросы паспортов не имеют и обронить их не могли.

Я заметил, что мой ответ озадачил Посохова. Чтобы скрыть смущение, он начал что-то быстро чертить на листе лежавшей перед ним бумаги.

После короткой паузы, не дожидаясь от Посохова вопроса, я стал продолжать показания. Рассказал как шла работа по тушению пожара и добавил, что когда опасность для «Олега» миновала, мы снова спустились в центральный пост и находились там безотлучно до полуночи.

— Больше ничего не добавишь? — спросил Посохов.

— Добавить больше, ваше высокородие, ничего не могу.

Посохов положил в чернильный прибор ручку, откинулся на спинку кресла и закурил, подставив мне для обозрения свою широкую спину и длинную красную шею. После минутного молчания старший офицер повернулся ко мне и, не выпуская изо рта папиросу, начал цедить сквозь зубы:

— Вот что, Магдалинский,—за самовольную отлучку с боевого поста надо было вас обоих отдать под суд, а за спасение крейсера нужно представить к награждению георгиевским крестом. Я решил сделать так: под суд никого не отдавать и к награде вас не представлять. Передай об этом Курбатову.

Посохов швырнул в сторону окурок и сердито произнес:

— К чему ты строишь такую кислую рожу? Радоваться нужно и благодарить.

— Радуюсь, ваше высокородие, и покорнейше вас благодарю,—четко отрапортовал я, едва сдерживая волнение, и, не дождавшись разрешения, вышел из каюты.

В догонку мне Посохов послал какое-то ругательство и в тот же день, как потом мне рассказывал прапорщик Соколов, жаловался в кают-компанию старшему штурману Мантурову на мое дерзкое поведение, рассчитывая, видимо, на сочувствие последнего. С доводами старшего офицера Мантуров не согласился, его поддержали сидевшие в кают-компании молодые офицеры.

После полудня к «Авроре» подошел догнавший нас буксирный пароход «Свирь», на котором находилась часть команды, спасенной с погибшего крейсера «Урал». После коротких переговоров с адмиралом «Свирь» взяла курс на Шанхай. Крейсера отвернули к Филиппинам.

Встречный слабый зюйд-ост, начинавшийся ранним утром, к вечеру стихал. Море на ночь становилось совершенно гладким, отражая, как в зеркале, темный небесный свод, усеянный тысячами звезд. На пятые сутки открылся остров Лусон. Вечером 20 мая отряд остановился в бухте Суал и, ничего здесь не добившись, ночью снова вышел в море, взяв курс на норд. Несмотря на хорошую погоду и экономичный ход, топливо было на исходе. Кочегары выгребали из угольных ям последние остатки угля и тут же забрасывали их в топки.

На следующий день около полудня на горизонте показались дымки идущих навстречу судов. По расположению дымовых точек не трудно было догадаться, что идут военные корабли. Адмирал поднял сигнал: «Приготовиться к бою!» Пробили боевую тревогу.

— Не думаю, чтобы это были неприятельские корабли. Японцы не любят мелкими отрядами уходить далеко

от своих баз,—проговорил командир Добротворский и тут же сухо добавил, обернувшись к старшему офицеру:

— Без личного моего приказа огня не открывать! Прикажете усилить наблюдение.

На горизонте начали обрисовываться верхушки мачт и дымовые трубы приближавшихся судов. Штурманы и сигнальщики не отрывали глаз. Вскоре открылись и корпуса кораблей.

— Господин капитан первого ранга, по типу корабли принадлежат американскому флоту. Флаги пока разобрать не удалось,—доложил с «марса» вахтенный штурман прапорщик Соколов.

— Да, это не японцы. А жаль,—тихо произнес «дед» и тут же приказал дать «отбой». Это была последняя боевая тревога в нашем походе.

Прапорщик Соколов не ошибся. На мачтах чужих кораблей ясно были видны американские флаги. С «Авроры» прогремел артиллерийский салют. После ответного салюта американцы легли на обратный путь и проводили нас до Манилы. Вечером 21 мая мы отдали якорь на Манильском рейде.

Глава XVI

В МАНИЛЕ—НА ОСТРОВЕ ЛУСОН

Теплая, южная ночь. Далеко на горизонте играют зарницы. Незнакомая гавань. Кругом чужие люди. Что нам сулит эта вынужденная стоянка? Что случилось с нашими боевыми друзьями? Кому из них удалось прорваться во Владивосток? Дошла ли весть о нашей неудаче до России и что скажут теперь простые русские люди?

Все эти вопросы волновали нас всю ночь. Ждали с нетерпением следующего дня. Ночью на крейсер приехал какое-то американское начальство. Разговоры велись лично с командиром, никто из офицеров не присутствовал. На следующий день, после подъема флага, адмирал вызвал к себе на «Аврору» командиров «Олега» и «Жемчуга». «Дед» вернулся с «Авроры» только к обеду. В кают-компани появились иностранные газеты, которые читались офицерами нарасхват. Вокруг кораблей сновали

переполненные пассажирами рейдовые пассажирские пароходы под американским флагом и разнообразные шлюпки. Мы были предметом любопытства всего населения Манилы, среди которого были американцы, испанцы, китайцы и, конечно, японские шпионы. Они пристально рассматривали наши разрушения, фотографировали их, открыто смеялись над нашей грязью и беспомощностью.

Тяжело было на все это смотреть, но приходилось молчать,— таков был приказ командира корабля.

В этот день никаких новостей узнать не удалось, несмотря на все наши ухищрения. Матросская дипломатия оказалась бессильной. Офицеры отвечали уклончиво или совсем не давали ответов, очевидно они имели на это указания от начальства.

На следующий день началась перевозка раненых в береговой американский госпиталь; за эту услугу американцы, конечно, сдерут не одну сотню долларов.

Манильские жители в покое нас не оставляют и сегодня. Так же, как и вчера, кружатся около кораблей пассажирские катера и шлюпки, некоторые из них разукрашены флагами. К борту никого из них не подпускают, но они так назойливы, что подходят почти вплотную, наводят бинокли и фотоаппараты. Снимки, конечно, будут помещаться в американских и японских газетах и журналах.

Вечером, когда совсем стемнело, к носовой части «Олега» почти вплотную подошел небольшой пароходик. Подгулявшие пассажиры, среди которых было много женщин, затянули какую-то песню; ее последний куплет был закончен криком «банзай».

Это окончательно взбесило матросов, коротавших за перекуркой на баке вечерний досуг. Разговоры прекратились.

— Поучить бы надо этих «американов» маненько, — произнес кто-то из матросов вполголоса, но так, что все слышали.

Спустя несколько секунд на пароходе послышался звон разбитых стекол, кто-то взвизгнул, а затем посыпались по нашему адресу на ломаном русском языке всевозможные ругательства. Пароходик дал ход и на всех парах понесся в гавань.

О случившемся пострадавшие донесли нашему командиру. Матросы ждали неприятностей, но пострадав-

шая персона, видимо, оказалась не особенно высокой, и никаких допросов начальство не чинило. С этих пор число любопытных вокруг нас сократилось.

Через два дня разнеслась весть: говорили, что американцы разрешили нашим кораблям исправить в Маниле повреждения и определили для этого «Олегу» пятьдесят дней, «Авроре» тридцать дней и «Жемчугу» семь дней. Наши офицеры готовы были уже назвать американцев своими друзьями.

Но прошли только сутки, как мы услышали другую новость: фальшивые друзья предложили нам немедленно убраться из Манилы по-добру, по-здорову на все четыре стороны или дать обязательство не участвовать больше в военных действиях против Японии. Носились слухи, что в море на горизонте держался все время отряд японских военных кораблей.

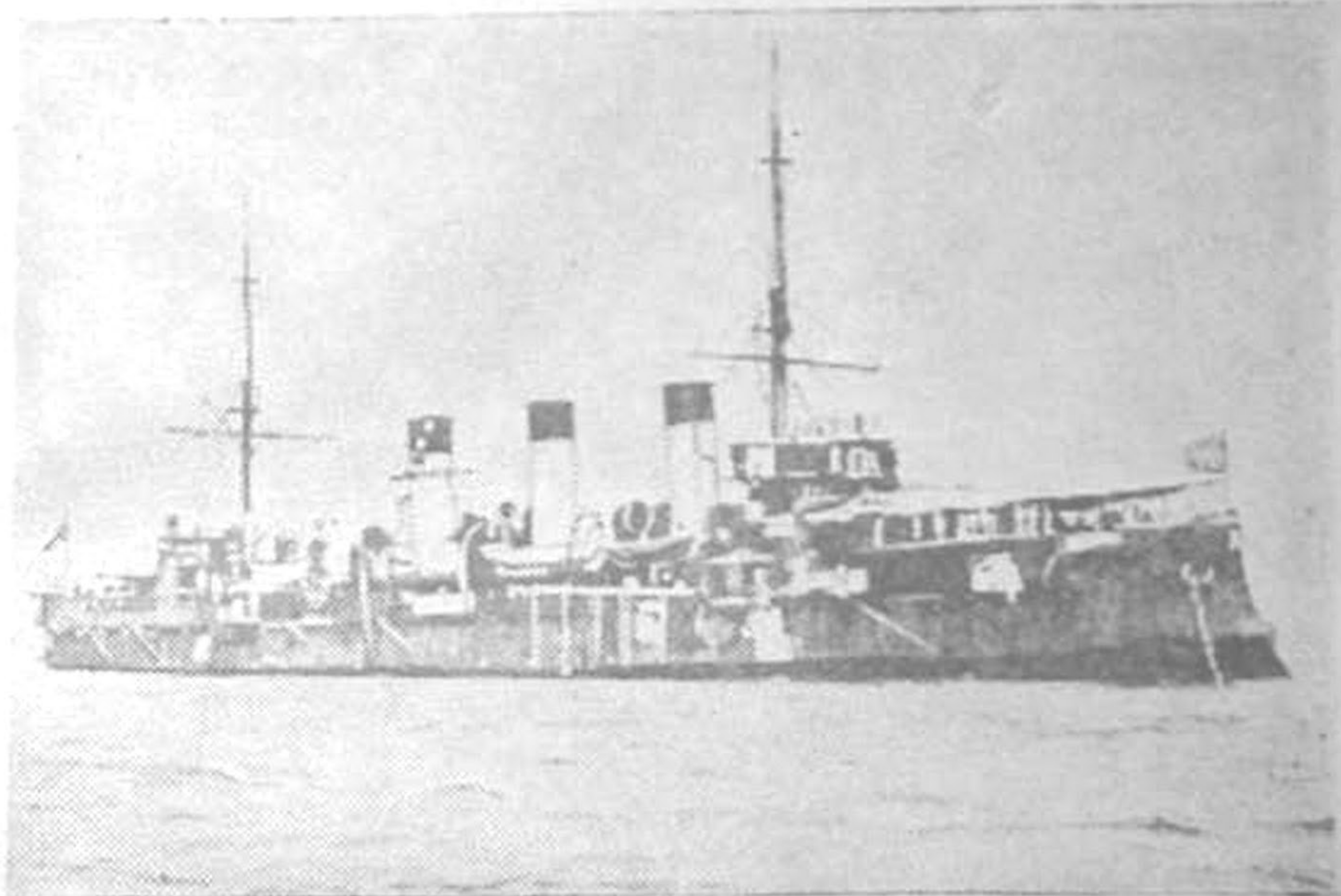
Адмирал послал телеграфный запрос царю, который ответил телеграммой: «Разрешаю вам дать обязательство американскому правительству не принимать участие в военных действиях».

Наша участь была решена. 2 июня корабли сдали американским властям затворы орудий. Мы были интернированы американскими «друзьями».

Через неделю схоронили в американском военном городке Кавите двоих кочегаров, скончавшихся от полученных в бою ранений. В похоронах принимал участие взвод американских матросов и солдат, чисто одетых, хорошо упитанных, но напоминавших по своей строевой выправке наших новобранцев. Три ружейных залпа нашей полуроты были прощальным приветом погибшим на чужбине друзьям.

Прошло больше месяца как мы стоим в Маниле. Машинная команда усиленно работает над ремонтом потрепанных в походе машин и различных вспомогательных механизмов, отдельные детали которых отправляют в мастерские военного городка. Водолазы очищают подводную часть корпуса от водорослей и ракушек.

Кают-компанию навещают американские офицеры, с которыми наши господа успели завести дружбу. Офицерские вестовые говорят, что «дед» такими визитами очень недоволен и в пирушках не участвует.

Крейсер 1 ранга «Олег» на рейде Манилы после боя у Цусимы
14 мая 1905 г.

С берегом установилось регулярное сообщение на портовых барказах, которыми пользуются офицеры. Своих шлюпок на берег не посылают. Узнать ничего не удастся. Правда, на корабли приезжают поставщики продовольствия, портные, прачки—не то японцы, не то китайцы. Но от них тоже ничего не добьешься. Говорить с ними нам не разрешают.

Посещает берег и корабельный монах Порфирий, откуда возвращается под хмельком. Всякий раз его встречает кто-нибудь из матросов-певчих, чтобы узнать береговые новости. Порфирий обычно отвечает, что мирскими делами не интересуется и навещает на берегу только собратьев монахов. Никто из матросов конечно ему не верит.

Однажды Порфирий вернулся с берега несколько раньше обычного и, не заходя к себе в каюту, прямо прошел на бак в гражданском белом костюме, который он надевал всегда, когда съезжал на берег. Монах был навеселе, слегка покачивался; из-под белого головного шлема выбивались пряди длинных волос. Неожиданное появление попа на баке, куда он никогда не заходил, заинтересовало всю команду. Матросы окружили его плотным кольцом.

— Чада мои,— начал он слегка заплетающимся языком,— всякая власть властем предержащим да повинуется, повинуйтеся и вы наставникам вашим и покоряйтесь, тии бо бдят о душах ваших.

Продолжить свою назидательную речь Порфирию не удалось. На бак бегом поднялся старший офицер и бесцеремонно поволок попа за собой.

Из короткого выступления бывшего певчего придворной капеллы, каким был Порфирий в молодости, матросы догадались, что господам в России стало трудновато. Всем захотелось узнать подробнее, как и что произошло, и на другой же день мы мобилизовали наших писарей и всех офицерских вестовых, чтобы достать во что бы то ни стало русские газеты, которые кают-компания получила несколько дней назад с почтового парохода. Мы родных газет не читали давно. Писем из дома не получали. Спустя несколько дней одному из вестовых удалось стащить из кают-компания забытую кем-то из офицеров газету. С большим волнением и предосторожностями мы развернули помятый номер, из которого были сделаны вырезки. В газете оставался только материал, совершенно не нужный нам и неинтересный. Стало ясно, что в России происходят какие-то важные события, которые от нас скрывают. Теперь мы осаждали молодых офицеров вопросами: когда же наконец разрешат прогулки на берег? Офицеры, видимо подготовленные к таким вопросам, объясняли запрещение прогулок тем, что мы не имеем приличного летнего обмундирования. Обмундирование наше действительно пришло в такое состояние, что показаться в нем в городе было стыдно. Но и отступать не хотелось.

Мы решили завязать дружбу с китайскими рабочими, которых привозили ежедневно с берега для работ по ремонту поврежденных в бою бортов и палубных надстроек крейсера, и попытаться узнать от них, что происходит в далеких от нас родных местах. Матросы, машинисты и кочегары стали оказывать китайским рабочим различные услуги, особенно там, где требовалась физическая сила: помогали срубить в неудобных местах заклепки, отнимать с поврежденных мест тяжелые стальные листы и отгружать их на шаланды, прилаживать новые листы взамен старых. Мы обратили внимание, что китайцы с любо-

пытством рассматривают наши артельные обеды и, чтобы расположить их к себе еще больше, угощали щами и кашей. Эта повседневная простая церемония для новых знакомых оказалась мудреной. Ложки, которыми они не пользуются, вывертывались у них из рук и содержимое выливалось. Это китайцев смущало, и они уходили. А для нас было непонятно, как это они умудрялись двумя тонкими палочками быстро и ловко уничтожать порции риса, приправленного неизвестным нам соусом, который им привозил с берега толстый, с длинной черной косой, китаец-повар в двух больших, похожих на ведра, посудицах на длинном бамбуковом коромысле.

От китайцев-рабочих узнать нам также ничего не удалось. Китайцы нас не понимали, а мы другого языка, кроме русского, не знали. Предусмотрительное начальство бригады китайских рабочих часто меняло.

В начале июля мне неожиданно удалось побывать в городе. Командиру корабля, по какому-то важному делу, нужно было срочно ехать на берег. Рейдовых пароходов ждать долго. Добротворский приказал приготовить катер номер первый, на котором я был старшиной. На пристани я встретил писаря Никольского с «Жемчуга», который начал рассказывать, что его командир также вызван срочно в город на совещание с участием адмирала.

— Чорт с ним, с этим совещанием, Расскажи лучше, не знаешь ли, что делается в России?—перебил я его.

— Ты знаешь, браток, в деревне я тоже давно не бывал и писем не получал, а впрочем, подожди,—Никольский осмотрелся кругом, вытащил из кармана газету, показал ее мне, не выпуская из рук, и тихонько сказал:

— Пойдем к тебе на катер, там почитаем.

Из газеты «Новое время», которую он только что купил в городе у неизвестного прохожего, мы узнали, что в России происходят многочисленные стачки рабочих, бастуют фабрики и крупные заводы. Для подавления бастующих царское правительство мобилизует полицию, жандармерию и воинские части. Секрет был раскрыт близким друзьям, а те в свою очередь рассказали другим. Не прошло и часа, как новость облетела весь корабль. На баке в этот вечер было особеннолюдно, и в то же время удивительно тихо. Матросы собирались небольшими группами. Разговоры велись вполголоса. К моим

сообщениям некоторые отнеслись с недоверием. Многим казалось, что я не сказал всего, что знаю. Приставали с расспросами, и мне приходилось неоднократно повторять одно и то же.

На следующий день я был вызван старшим офицером, который в присутствии вахтенного начальника учинил мне целый допрос и пригрозил большим наказанием. О случившемся доложили командиру корабля. Добротворский вызвал меня после спуска флага. Расспросил, как было дело. Подумал немного, а потом сказал:

— Дело может кончиться для тебя очень плохо, если ты сказал мне неправду. Я имею другие сведения. Ступай и больше не болтай.

С этого дня я и писарь Никольский были взяты на особый учет. До суда дело не дошло. Спасла, видимо, также газета «Новое время», которая считалась «благонадежной», а может быть, «дед» вспомнил свою молодость, когда он, находясь в кадетском корпусе, чуть не лишился мундира за связь с революционной группой молодежи.

Так или иначе, но теперь скрывать от матросов правду о России было нельзя.

Случай с газетой произвел среди начальства переполох. Адмирал созвал на «Авроре» экстренное секретное совещание командиров кораблей с участием старших офицеров и духовенства. В ближайший воскресный день на «Олеге», «Авроре» и «Жемчуге» командиры кораблей выступили перед командой с речами. Командир нашего корабля Добротворский повторил все, что мы случайно узнали из газеты и добавил, что на берегу ходят слухи о беспорядках в Черноморском флоте, которым верить не следует. Слухи эти распускают люди, которым выгодно посеять среди нас смуту. Речь была закончена предупреждением о суровой ответственности. О политическом значении происходящих в России событий «дед» не обмолвился ни одним словом, предоставив малограмотным матросам, заброшенным на далекую чужбину, самим разрешать эту задачу.

После вечерней справки я пошел на катере за гулявшими на берегу офицерами. Ночь была темная, непогожая. Ветер развел на рейде большую волну. Мокрые с головы до ног, мы подошли к слабо освещенной набереж-

ной и с большим трудом нашли место нашей условной стоянки.

Первым пришел из города прапорщик Соколов.

— Как погуляли, ваше благородие?—спросил я Соколова.

— Не люблю я таких городов, Магдалинский, где не слышишь родной русской речи, где окружают тебя чужие, неизвестные люди со своими непонятными для нас обычаями. Скорей бы кончилась война. Без оглядки уеду в родной Ярославль, на матушку-Волгу.

— А что пишут из России, ваше благородие? Скажите, если можно, что происходит на Черноморском флоте? Из речи командира мы ничего не поняли.

— Если ты дашь слово держать все это в строжайшем секрете,—скажу, хотя, правду сказать,—добавил Соколов,—я и сам немного об этом знаю. Прапорщикам тоже не все сообщают. В Черноморском флоте на броненосце «Князь Потемкин-Таврический» произошло восстание. Матросы перебили часть офицеров и подняли на корабле красный флаг. Эскадре было приказано уничтожить восставший броненосец, но экипажи отказались выполнить этот приказ, и «Потемкин» ушел в неизвестном направлении. Вот и все, что я знаю. Напоминаю еще раз, что все это под строжайшим секретом. Можешь сказать своим товарищам, что старший офицер отдал приказ боцманам и фельдфебелям особенно следить за всеми грамотными матросами, а поэтому будьте осторожны.

Только что я успел поблагодарить Николая Петровича, подошли и остальные офицеры. Шумной ватагой ввалились они в маленькую кормовую каюту и приказали отходить.

Ветер усилился. На мачте в порту был поднят штурмовой сигнал. Пошел дождь. Ночь стала темнее; как говорят, зги не видать. При выходе на внешний рейд катер встретил крупную зыбь. Пришлось идти уменьшенным ходом, с большой осторожностью. На крейсер вернулись поздней ночью, после раздачи команде коек.

На следующий день, в обеденный перерыв, я разыскал самостоятельного машиниста Киселева, минного квартирмейстера Петелина, минера Алтабаева и сигнального старшину Таранюка и сообщил им о секретном приказе старшего офицера.

— Ну и бестия кривоносая,—проговорил Алтабаев.

— На завод к нам его нужно послать. Там носы умеют править быстренько.

— Тебе, Таранюк,—сказал я,—надо будет сообщить об этом своим черноморцам.

Киселев, Петелин и Алтабаев взялись предупредить наиболее грамотных машинистов, минеров и комендоров.

Через несколько дней мы получили новое летнее обмундирование—белые форменки и белые брюки. Обмундирование было сшито по американским образцам. По покрою несколько отличалось от нашего русского: на форменках пришиты на груди кармашки, брюки имели широкий клеш. Выданы бескозырки с белыми чехлами, белые шляпы-панамы и хромовые ботинки со шнурами, которые, по уставу того времени, носить матросам не разрешалось. Ботинками мы были довольны больше всего. Удивлялись только: как начальство согласилось на такое отступление от устава. На деле все оказалось очень просто: американская фирма, поставлявшая обмундирование, шить сапоги отказалась и предложила адмиралу свой залежавшийся на складах товар.

Адмирал разрешил командам крейсеров прогулки на берег. В очередной день первое отделение, в новом обмундировании, построилось для осмотра на верхней палубе. Приехавший посмотреть на команду адмирал заметил, что у одного матроса из кармана форменки выставляется кончик красного носового платка.

— Это для чего?—спросил Энkvист.

— Нос в порядке держать, ваше превосходительство.

— И без этой роскоши можешь обойтись. Прикажете, господин старший офицер, этому франту немедленно выбросить из кармана красную тряпку.

Сделав еще несколько замечаний, адмирал в сопровождении командира прошел в кают-компанию. Посохов дал ряд указаний начальнику патруля прапорщику Добрынину и разрешил отпущенным в город матросам садиться в шлюпки. Матрос, замеченный адмиралом, остался без берега—подвел красный носовой платок.

Шестичасовая прогулка, из которой два часа ушло на дорогу до берега и обратно, прошла незаметно. После безотлучного пятимесячного пребывания на корабле берег показался особенно интересным и привлекательным. Хоте-

лось побольше на все посмотреть и оставить себе что-нибудь на память о Маниле. Матросы покупали в подарок родным разные безделушки, манийские дешевые сигары, от которых можно было задохнуться, и лакомились местными фруктами и сладостями. Побывали в дешевых кабачках и точно к назначенному сроку собрались на набережной, где ожидали пришедшие с корабля шлюпки. По возвращении на крейсер прибывшую с прогулки команду встретил старший офицер и приказал построиться во фронт. Начальник патруля Добрынин отдал рапорт. Посохов медленно прошел по фронту, осмотрел с головы до ног каждого и, не обнаружив ничего подозрительного, разрешил команде разойтись.

Разговоров в этот вечер было много. Особенно горячо обсуждалась привезенная с берега новость о начавшихся переговорах России с Японией о заключении мира. Новость взбудоражила всю команду.

Расписанием, составленным штабом адмирала, исключалась всякая возможность нашей встречи на берегу с матросами других кораблей. Даже для прогулок американских моряков были отведены особые часы. Поэтому береговые прогулки растянулись и мне удалось пойти гулять в первый раз только спустя две недели после прогулки первого отделения.

Вместе с Киселевым и Петелиным мы решили навестить в госпитале раненых товарищей и спросить, что они знают о событиях в России, а также проверить правильность слухов о мирных переговорах. К сожалению, раненые знали меньше нас. Выздоровливающие находились под непрерывным контролем корабельных врачей, с обслуживающим персоналом разговаривать не разрешалось, посторонних лиц в госпиталь не допускали. Пожелав друзьям скорейшего выздоровления, пошли посмотреть город и узнать что-нибудь новое. По дороге встретились с группой наших матросов, с любопытством читавших объявление на русском языке целым рядом грамматических ошибок. В объявлении говорилось, что здесь русские моряки могут получить по дешевой цене русские кушанья и горячие напитки. Мы вошли в ресторан и на ломаном английском языке попросили чаю. Официант, заметив наше затруднение, сказал, что здесь можно говорить по-русски и предложил закусить и выпить кофе. Он указал

нам на стоящий в стороне столик, а сам пошел выполнять заказ. На столике лежала вырезка из неизвестной русской газеты, в которой сообщалось, что восставший броненосец Черноморского флота «Князь Потемкин-Таврический» пришел в Румынию, где и задержан румынскими властями. Команда броненосца арестована. Неизвестный автор приветствовал потемкинцев и сожалел, что черноморцы их не поддержали. Появление в ресторане для русских моряков такой заметки, разумеется, не могло быть случайным.

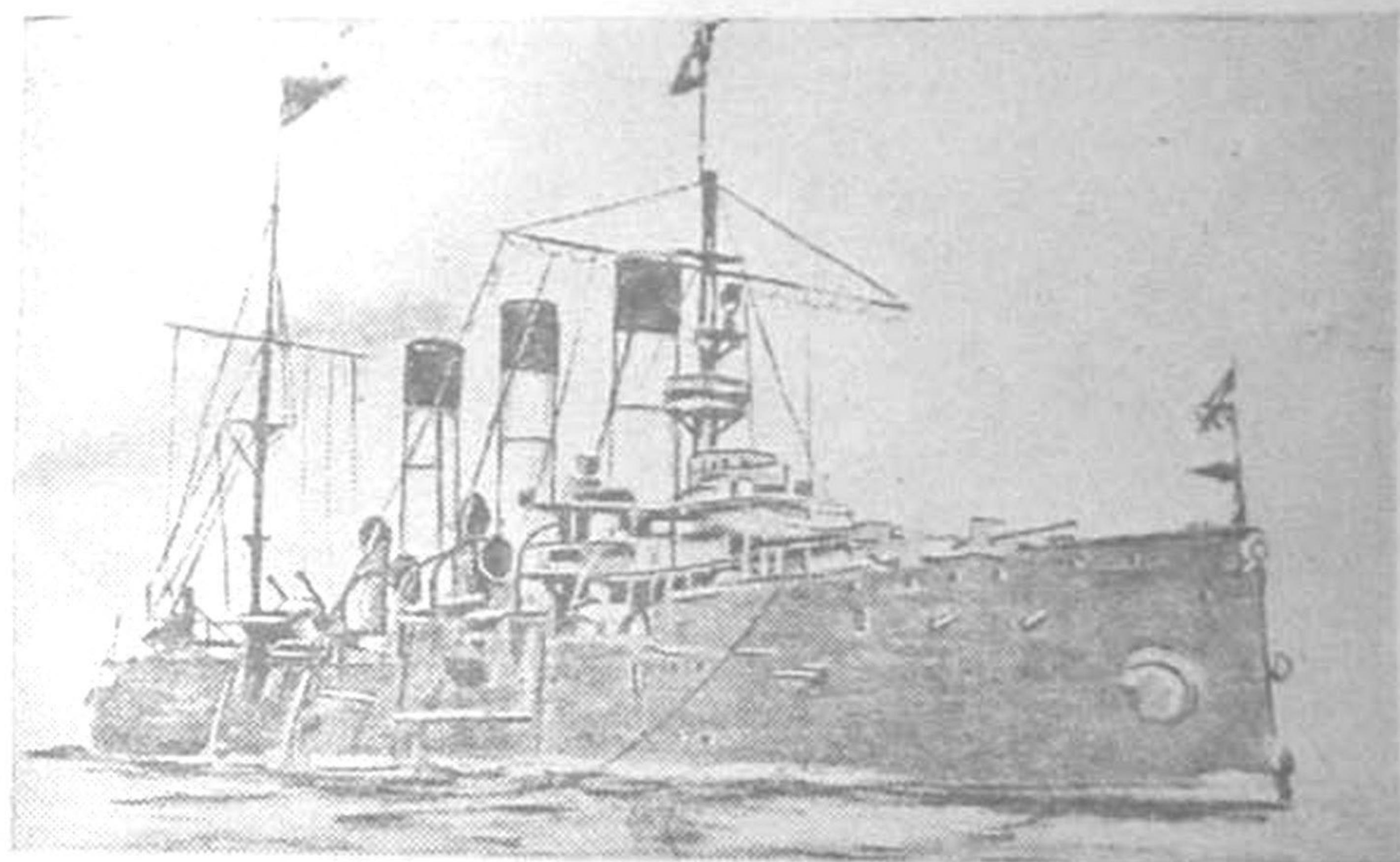
В нашем распоряжении оставалось около трех часов. Надо было что-нибудь купить на память и хотелось посмотреть петушиный бой—излюбленное зрелище манильских зрителей. Пользуясь нашим незнанием местных цен на товары и местного языка, торговцы за каждую пустяковую вещь назначали цены только в долларах и показывали то один, то два, то три пальца. Чтобы не быть обманутыми, ограничились покупкой открытых писем с видами Манилы, безделушек и дешевых сигар. Петушиный бой посмотреть не удалось,—срок прогулки кончился.

В начале августа в городе началась эпидемия холеры. Береговые прогулки были запрещены. Полученная из России первая и последняя почта подверглась самой строгой цензуре. Много писем совсем не получили. Наша связь с внешним миром совершенно прекратилась. Ничего не оставалось делать больше, как ожидать окончания войны, о чем теперь говорило открыто и наше начальство. Наступил сентябрь. В один из праздничных дней командир поздравил команду с заключением мира и приказал готовиться к походу. Вынужденная стоянка в Маниле кончалась. Скорей бы в море.

Глава XVII

НА КРЕЙСЕРЕ «АВРОРА»

Кончилась война с Японией. «Жемчуг» ушел во Владивосток. «Аврора» и «Олег» получили приказ идти в Либаву. Приказ был встречен общим ликованием. Шести-месячная стоянка в Маниле осточертела. Личный состав корабля давно рвался домой—в далекую родную Россию, где шла борьба за новую свободную жизнь.

Крейсер «Аврора» на рейде Манилы (Филиппинские острова) после боя у Цусимы 14 мая 1905 г.

Сборы были недолги. Поблагодарив представителей американских и филиппинских властей за гостеприимство, корабли пополнили запас угля и продовольствия и распрощались с Манилой.

И вот мы снова в открытом море. Какое счастье быть свободным от надзора американских опекунов. Нестерпимо хотелось быстрее уйти от чужих «гостеприимных» берегов. Обогнув остров Лусон, «Аврора» и «Олег» взяли курс на вост. Вправо осталась Цусима.

На обратном пути корабли зашли в Сайгон, а потом сделали короткую остановку в Коломбо на острове Цейлон.

В гавани стояло несколько торговых судов и два британских крейсера, зашедших навестить свою колонию. Немилосердно жгло экваториальное солнце. Во время стоянки в Коломбо с утра до ночи лепились под бортами крейсеров шлюпочные торговцы цейлонским чаем, ананасами, кокосовыми орехами и другими тропическими фруктами. Ранним утром приплывали с берега темнокожие кудрявые ребята показать искусство отыскивать в воде

брошенные с корабля монеты. Все они были прекрасными пловцами и ныряльщиками. За брошенной в воду серебряной монетой они прыгали с высоких корабельных мачт и ухитрялись поймать монету прежде, чем она упадет на дно.

Пополнив запасы угля и продовольствия и полюбившись богатой тропической растительностью, мы оставили солнечное Коломбо. Курс был дан на Алжир.

В Алжире «Аврора» и «Олег» расстались. «Аврора» ушла вперед, приняв в свою семью нескольких младших командиров, переведенных с «Олега», в числе их был и автор этих строк. Ленточку с надписью «Олег» на моей бескозырке заменила ленточка «Авроры». Тепло провожали нас боевые друзья, с которыми в течение двух лет мы делили трудности боевого похода и переживали жуткую Цусиму. Долго с палубы «Авроры» мы смотрели на свой боевой корабль, из труб которого вился еле заметный дымок.

«Аврора» шла полным ходом. С каждым поворотом гребных винтов уменьшалась видимость на Алжирский рейд. «Олег» становился все менее заметным, а потом силуэт его потерялся в береговой черноте. Прощай, родной корабль! Прощайте, боевые друзья!

В море «Аврору» встретил крепкий шторм. Крейсер то стремительно падал с одного борта на другой, то глубоко зарывался носом в высокую с белым гребнем волну. Верхушки высоких мачт, описывая в воздухе большие спиральные круги, низко кланялись набегавшим волнам, от ударов которых дрожал весь корпус. Палуба уходила из-под ног. На далеких морских переходах мы видели много свирепых бурь. Не раз попадали и в жестокие тихоокеанские тайфуны. Жизнь на «Авроре» шла обычным порядком.

Прошли Гибралтарский пролив. Четвертый раз встретил «Аврору» Атлантический океан, по которому гуляла крупная, мертвая зыбь. Крейсер взял курс вдоль испанских берегов. Много миль осталось позади, а лаг все отсчитывал новые и новые пройденные мили. Штурманы прилагали все свои знания и опыт, чтобы сократить путь. Кочегары экономили каждую тонну угля. Каждый фунт пара был на счету у машинистов. А нам казалось, что милям не будет конца.

Кончались запасы продовольствия и угля. Необходима была небольшая передышка экипажу. На горизонте виднелись берега Франции. Решили зайти в Шербург. На грот-мачте «Авроры» взвился французский трехцветный флаг.

— Приготовиться к салюту!—скомандовали на мостике.

Комендоры стянули с орудий чехлы. С «Авроры» прогремел приветственный салют. В ответ прогрехотали пушки крепости.

Весть о прибытии русского военного корабля, участника Цусимы, быстро облетела весь город. Местная газета выпустила специальный вечерний листок с подробным описанием Цусимского боя. В заголовке листа был помещен снимок «Авроры».

На другой день после нашего прихода в городском театре участникам Цусимы был устроен торжественный прием, на который пригласили всех свободных от дежурства и вахты аврорцев.

После трехдневной стоянки «Аврора» снова вышла в открытое море и взяла курс на Либаву. Со стороны крепости был дан последний салют заграничного порта. Впереди нас ждала родина.

Три океана и много морей избородили мы за эти два года. Много стран осталось позади. Как-то нас встретит родная земля!

Погода испортилась. Шел мелкий, перемежающийся со снегом дождь. Спокойное море позволяло «Авроре» продвигаться вперед нормальным двенадцатизловым ходом, а нам казалось, что она плетется черепашьим шагом. То и дело матросы бегали на ют, чтобы посмотреть на вертевшийся лаг. Ругали кочегаров, машинистов и рулевых за их плохую, казалось нам, работу. Последние дни похода тянулись долго. Всем, не исключая и офицеров, хотелось скорее увидеть на горизонте темную полосу родной земли.

Наконец открылся либавский маяк.

— Либаву видно!—пронеслось по всем помещениям корабля.

Свободная команда стремглав бежала на «бак». На мостике собрался офицерский состав. «Аврора» уменьшила ход. Мокрый снег падал хлопьями на обнаженные головы матросов.

— Все наверх! На якорь становиться!—отдал команду старший офицер.

— Свистать всех наверх!—скомандовал вахтенный начальник.

Весело засвистали дудки боцманов и старшин. Команда рассыпалась по местам. Тяжелый якорь остановил «Аврору».

Прибыло начальство порта. После коротких приветствий портовой буксир ввел «Аврору» в знакомую гавань, на стенке которой, вместо почетного караула стоял усиленный полицейский наряд. Так после долгой разлуки царская Россия встретила своих бойцов. Это было в конце февраля 1906 года.

Старшины и матросы, кончившие срок действительной службы, каждый день с нетерпением ожидали приказа об увольнении в запас. Но прошло около двух недель, как мы возвратились в Россию, а приказ все не появлялся. Тогда мы решили сами спросить начальство о причине задержки. Выбрав свободное от работы время, собрались в офицерском коридоре и попросили вестового доложить старшему офицеру.

— Это что за сборище? Разойтись!—крикнул проходивший мимо молоденький офицер с мичманскими погонами.

Мы продолжали стоять, не обращая на него внимания.

— Разойтись!—снова закричал он взволнованным голосом и затопал ногами.

Матросы возмущенно зашумели.

В жизни «Авроры» это был первый открытый протест команды. Молодой офицер растерялся и бегом пустился в кают-компанию.

— Кто разрешил вам здесь собираться? Что вам нужно?—строго спросил вышедший из каюты старший офицер, оглядывая нас с головы до ног.

Все молчали. Он снова повторил свой вопрос.

— Пришли просить вас, ваше высококородие, отправить нас поскорее домой,—заговорили, перебивая друг друга, матросы.

— В революцию играть торопитесь?—сухо, с язвительной усмешкой проговорил старший офицер и хотел, видимо, сказать что-то еще, но его перебил стоявший на левом фланге пожилой, призванный из запаса, матрос.

— Игрушки, ваше высокородие, дело ребячье. Нам надо по-серьезному за дело браться. Хозяйство, ваше высокородие, в деревне развалилось, а помочь кроме нас некому. Вот и пришли просить вас поскорее отпустить нас домой.

Убедившись, что в нашем выступлении ничего страшного нет, старший офицер разразился потоком ругани. А потом объявил, что увольнять в запас не будет до тех пор, пока не поступит новое обмундирование.

— Мы, ваше высокородие, и в старом обмундировании можем уехать,—сказал я за всех.

Это окончательно взбесило старшего офицера.

— Бунтовать вздумали? Под суд всех отдам, а домой не поедете!—закричал он так громко, что на крик его прибежал вахтенный начальник.

— Перепишите, лейтенант, всех этих бунтовщиков и прикажите им разойтись немедленно. В случае отказа вызовите караул и арестуйте.

Пока лейтенант переписывал наши фамилии, старший офицер ушел к себе в каюту, и больше мы его не видали. Не дожидаясь команды, мы вышли из офицерского помещения в полной уверенности, что теперь начальство примет все меры, чтобы поскорей от нас избавиться. Расчеты наши оправдались. Мы получили обмундирование, и через несколько дней вышел приказ об увольнении нас в запас. До вокзала железной дороги нас сопровождал патруль под командой офицера и оставался там до отхода поезда.

— Ничего, братки, не робей!—кричали матросы на прощание друг другу, рассаживаясь по вагонам.—Будет и на нашей улице праздник!

Мне был дан литер через Петербург, где пришлось задержаться несколько дней. От нечего делать я бродил по улицам столицы. Как-то под вечер на Конногвардейском бульваре я встретил плотного пожилого мужчину в засаленном флотском бушлате, со сдвинутой на затылок кепкой.

— Не узнаешь, земляк?—спросил он меня, рассматривая ленточку моей бескозырки.

— Никак нет...—начал было я, но потом догадался. Передо мной стоял старый мастер по спуску кораблей.

— Николай Кузьмич!—удивился я, приложив руку к головному убору.

— Он самый,—ответил Кузьмич и протянул мне свою мозолистую руку.—Давно ли в наших краях?

— Только что прибыл из Либавы. Уволился в запас.

— К домам, значит? Дельно! Ну, а теперь пока прошу завернуть ко мне,—сказал он, подхватив меня под руку,—и рассказать, как плыли, где были, что видели и как воевали.

Квартира Николая Кузьмича была рядом.

— Хозяйка,—крикнул Кузьмич, переступив порог небольшой чистой прихожей.—Гостя привел. Самовар живо шуруй!

Из комнаты вышла пожилая женщина в белом чистом чепце. Приветливо улыбнулась и, помогая хозяину снять бушлат, шутливо заговорила:

— Он всегда у меня такой, как придет с работы, так и начинает, как боцман, командовать.

Мы вошли в комнату. На столе кипел ярко начищенный самовар. Фотографические снимки русских и иностранных военных кораблей и групп моряков в красивых рамках украшали оклеенные узорчатыми шпалерами стены. На передней стене, в золоченой богатой раме красовался увеличенный портрет адмирала Макарова, а под ним помещался такой же увеличенный портрет молодого бравого боцмана и его жены.

Николай Кузьмич усадил меня на старинный, обитый клеенкой диванчик. Начались расспросы. Николая Кузьмича интересовало все. Я едва успевал отвечать на вопросы. Когда я рассказывал о перегрузке судов углем, он возмущался как боцман, для которого на корабле прежде всего чистота, и как практик-строитель, которому было ясно, чем угрожает кораблю излишняя перегрузка. Беседа затянулась далеко за полночь.

— Жаль «дед» вот рано погиб, — сказал Николай Кузьмич в конце нашей беседы, кивнув головой в сторону портрета Макарова. — Будь жив старик, — иначе повернул бы дело.

— А «Аврора» с «Олегом» молодцы. Вдвоем против десяти бились. Похвально,—добавил он, взглянув на свои часы.

Было около трех часов ночи.

— Спать, спать пора,—засуетился старик.—Уморил я тебя своими разговорами, сынок.

— По сеткам! Койки брать!—шутя скомандовал он, указав мне на приготовленную постель.

Рано утром Николай Кузьмич ушел на работу в свое адмиралтейство. Плотно позавтракав, я поблагодарил добродушную хозяйку и распрощался. Вечером этого же дня я выехал из Петербурга, и больше ни разу не видел добрых стариков.

Глава XVIII

СОРОК ЛЕТ СПУСТЯ

Сентябрь 1945 года.

Отряд военных кораблей Тихоокеанского флота готовился к переходу в Порт-Артур, который после четырех десятков лет снова стал нашей военной базой. С чувством людей, навсегда устранивших историческую несправедливость, готовятся советские моряки к этому походу, чтобы пронести свои победные знамена мимо острова Цусимы.

В свободные от работы и службы часы личный состав кораблей проводит коллективные читки романа «Цусима» А. С. Новикова-Прибоя, старого цусимца, бывшего матроса-баталера броненосца «Орел». Офицеры и краснофлотцы изучают путь Второй Тихоокеанской эскадры, тщательно вычерченный яркочерной чертой на развешенных в кубриках и кают-компаниях кораблей географических картах. В часы вечернего отдыха корабельные оркестры играют вальс «На сопках Манчжурии». Экипажи кораблей поют песни о «Варяге», о «Цусиме», о Сталине. Так заполняют свой досуг советские моряки-победители во время подготовки к походу и на всем переходе до Цусимского пролива и дальше—до Порт-Артура.

Вот как описывают на страницах одной из газет этот переход сами его участники:

«На мостике флагманского корабля царило молчание. Застыл у штурвала, точно выдерживая курс, рулевой Юрченко. Не смыкая глаз, зорко смотрели вперед сигнальщики Батыгин, Бархатов, Смирнов.

Вот показался темный силуэт острова, и по всем отсекам пронеслось: Цусима!

Свободные от вахты краснофлотцы выбежали на верхнюю палубу и с волнением смотрели на многогорбый,

заросший буйной зеленью, которой покрыты даже вершины островерхих гор, с возвышающимся раздвоенным пиком, остров. Каждый своими глазами хотел убедиться, что совершилось то, к чему мы стремились десятилетия, и русский советский флот, как победитель, шел мимо Цусимы.

«За нас отомстите врагам» — поется в матросской песне о Цусиме. Просьба погибших исполнена.

Корабли подошли к Цусиме на рассвете 25 сентября 1945 года. Только что прошел короткий сильный ливень, и яркое южное солнце щедро бросало горячие лучи на блестящую поверхность палубы, на белые форменки матросов. Отряд, возглавляемый тральщиками, шел вдоль острова большую половину дня. У южной оконечности Цусимы корабли выстроились в кильватерную колонну с флагманом в центре. В семнадцать часов тридцать минут личный состав собрался на полубаке по сигналу большого сбора. Моряки стояли в строю, сурово сдвинув брови. Сложные чувства волновали их. Загорелые, обветренные лица выражали скорбь по героям, погибшим в неравном бою, и строгую торжественность по случаю возвращения к месту героического сражения. Краснофлотцы, старшины и офицеры снимали головные уборы.

На флагманском корабле подняли сигнал: «Произвести салют в память о героях-моряхах, погибших в Цусимском бою!» Комендоры давно на своих боевых постах. Командир второй боевой части отдал команду артиллеристам.

Честь произвести салют была оказана испытанным воинам: старшине первой статьи Абакшинову, краснофлотцам Миронову, Белянину, Картову и другим закаленным в боях морякам.

Медленно приспускается боевой бело-синий флаг. Выйдя перед строем, старший помощник командира корабля с волнением читает приказ командира отряда:

«Сорок лет назад в Цусимском проливе, который мы в эти часы проходим, произошел крупнейший морской бой между русской и японской эскадрами, вошедший в историю под названием «Цусимского боя». Русский флот, руководимый бездарными адмиралами, потерпел поражение. Ленин писал, что поражение в войне с Японией потерпел не русский народ, а царское самодержавие... Русские матросы и передовые офицеры флота показали

свое бесстрашие, знание дела и беззаветную преданность Родине. Сегодня, 25 сентября 1945 года, спустя сорок лет, идет первое соединение русских военных кораблей, гордо неся советский военно-морской флаг...

Наша великая Родина во главе с ее гениальным полководцем генералиссимусом товарищем Сталиным победила, отомстив японским агрессорам за своих сыновей, героически погибших в цусимских водах...

Над морской пучиной — братской могилой отважных, до конца выполнивших свой воинский долг, оглушительно грохочут залпы корабельной артиллерии. Они звучат нерушимой клятвой советских военных моряков над прахом старых героев.

Высоко в зените рвутся снаряды русских пушек. Над притихшим морем прокатывается дружное боевое «ура!»

Моряки сталинской эпохи преисполнены гордости тем, что на их долю выпала честь смыть позорное пятно поражения под Цусимой и отомстить за гибель своих славных предков. Они клянутся у праха своих отцов хранить и множить боевые традиции русского флота.

В 17 час. 40 минут флагман поднял сигнал: «Помнить героев-моряков, погибших в Цусимском бою!»

Вахтенный офицер аккуратно записал все, что происходило в эти часы.

Отряд кораблей Тихоокеанского флота под командованием капитана второго ранга Чалого первым проложил путь советским кораблям в Порт-Артур. Участники этого перехода положили начало славной традиции — торжественным салютом чтить память героев.

И с тех пор каждый советский военный корабль, проходя мимо Цусимы, салютует доблестным русским морякам, отдавшим свою жизнь за Родину.

С глубоким волнением читал я, старый цусимец, эти строки. Перед моим взором вставали белые шеренги моряков на палубах кораблей, были слышны мощные залпы победного салюта.

Товарищ И. В. Сталин в обращении к народу 2 сентября 1945 года сказал:

«...Поражение русских войск в 1904 году в период русско-японской войны оставило в сознании народа тяжелые воспоминания. Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япо-

ния будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот, этот день наступил. Сегодня Япония признала себя побежденной и подписала акт о безоговорочной капитуляции...»

Свою памятную для всего советского народа речь товарищ Сталин закончил волнующими словами:

«Вечная слава героям, павшим в боях за честь и победу нашей Родины!»

Это говорилось и о любимых героях-цусимцах, о моих боевых товарищах и друзьях.

Дополнительная глава

БОЕВОЙ ПУТЬ КРЕЙСЕРА «АВРОРА»

Судьба крейсера «Аврора», на котором я провел последний период своей службы в царском флоте, весьма примечательна. Из различных источников мне удалось установить о родном корабле следующее:

Война 1914 года застала «Аврору» в отряде морского корпуса. Потом корабль вступил в состав действующего флота и нес дежурства в Финском заливе и дозорную службу в шхерных районах Балтийского моря.

В ноябре 1916 года «Аврора» пришла в Кронштадт, а затем в Петроград и стала к стенке у франко-русского завода. Это был последний переход крейсера под андреевским флагом.

До Великой Октябрьской социалистической революции жизнь матросов на крейсере «Аврора», так же как и на всех других кораблях, протекала в обстановке деспотизма самодержавного строя и мрачного произвола офицерской касты. Издеваться над матросом и бить его не считалось позорным.

В один из осенних сумрачных дней на портовом буксире, шедшем из Ораниенбаума в Кронштадт, ехала группа моряков, в числе которых были и аврорцы. Матросам пришлось разместиться на открытой палубе. Резкий, пронизывающий ветер гнал навстречу кучу серых низких облаков. Не переставал дождь. Промокли насквозь матросские бушлаты и бескозырки. Матрос Заботин не выдержал и выругался.

— Молчи, холуй! — крикнул на Заботина лейтенант «Авроры» Захаров.

— Я не холуй, а матрос,—ответил, не стерпев обиды, дрожавший от холода Заботин.

Лейтенант Захаров, не долго думая, тут же избил «недисциплинированного» матроса, деликатно сообщив в рапорте по начальству, что «ударил матроса по физиономии».

Но чем сильнее «усердствовало» озверелое начальство, тем крепче и сплоченнее работали революционные организации. Искры большого пожара разгорались и на кораблях Балтийского флота. Палочный режим не мог воспрепятствовать возникновению «мятежных мыслей» и в команде «Авроры». На корабле создалось крепкое революционное ядро.

Могучей волной надвигались исторические события. В дни свержения самодержавия на «Авроре» был убит деспот—командир Никольский и ранен старший офицер Огранович. Организовался судовой комитет. Аврорцы послали своих представителей в Совет. «Аврора» стала твердо на защиту власти Советов. Временное правительство решило убрать из Петрограда эту пловучую крепость и приказало «Авроре» выйти в Гельсингфорс. Аврорцы отказались выполнять приказ и остались в Петрограде. Отказ не прошел бесследно. Семь революционных моряков-аврорцев было арестовано.

Однажды в Зимнем дворце между начальником караула, состоявшего из матросов «Авроры», и Керенским произошел такой разговор:

— Почему же вы поддерживаете большевиков, а охраняете наше правительство?—спросил министр.

— Для того,—ответил матрос,—чтобы во-время вас арестовать.

В горячие предоктябрьские дни команда крейсера выполняла важнейшие поручения большевистского Петроградского Совета. Временное правительство распорядилось развести мосты через Неву, чтобы помешать объединению сил революционных рабочих. Разведен был и Николаевский мост. Проживавшие на Васильевском острове рабочие лишены были возможности участвовать в захвате правительственных зданий.

Ледяной ветер свистел над утрюмой Невой. «Аврора» стояла у стенки франко-русского завода. Вооруженный вахтенный зорко охранял входной трап. Чуткое ухо

матроса уловило шорох человеческих ног. Кто-то осторожно, торопливой походкой шел по стенке, по направлению к трапу.

— Стой! Кто идет?—крикнул вахтенный матрос, беря винтовку на изготовку.

Из темноты вынырнул матрос-связист. Войдя в каюту комиссара, он передал ему опечатанный сургучной печатью небольшой пакет. Комиссару предписывалось восстановить движение по Николаевскому мосту.

Командир крейсера—бывший офицер отказался вести корабль, считая, что возможна посадка корабля на мель. Командный состав тоже не поддержал комиссара. Тогда комиссар арестовал офицеров в кают-компании, приставив к ней часовых, и распорядился проверить фарватер. Старшина сигнальщик Захаров быстро выполнил распоряжение. Глубины оказались достаточные. После вторичного предложения командир поднялся на мостик.

Продрогшие от холода и сырости сигнальщики вскоре доложили:

— Мост на носу.

Ручки машинного телеграфа поползли на «стоп» и через секунду—на «полный назад». Корпус крейсера мелко подрагивал. Отдали якорь. Быстро спустили шлюпки.

Группа моряков пошла на шлюпках к берегу. Юнкера заметили темный силуэт «Авроры» и видели, как шли к берегу шлюпки, освещаемые изредка прожекторами.

В городе слышались редкие орудийные выстрелы. Охрана покинула мост без сопротивления. Аврорцы, очистив мост от юнкеров, быстро навели его, с трудом, правда, разыскав спавшего на квартире машиниста. Первое ответственное задание было выполнено.

Комиссар «Авроры» получил новое предписание: «Петроградскому Совету грозит опасность. Приведите крейсер в боевую готовность. Ждите дальнейших указаний».

Ни один аврорец не покинул в эти дни своего корабля.

В Зимнем дворце засели юнкера, охраняя укрывшихся в нем министров правительства Керенского. По наступающим на дворец морякам и солдатам был открыт смертоносный огонь. На крейсере напряженно прислушивались к трескотне выстрелов. Дворец казался кораблем, погасившим огни, чтобы под прикрытием ночной темноты тайком уйти в плавание. Затем нижние этажи здания

опоясались огненной лентой. Юнкера отчаянно строчили из пулеметов. Наступал решительный момент атаки.

В двадцать два часа тридцать минут темный силуэт «Авроры» на миг озарился желтым пламенем огня. Из шестидюймового орудия грохнул выстрел. Этот выстрел вызвал в солдатах революции прилив сил и бодрости, уверенность в победе.

Зимний дворец был взят штурмом. Члены временного правительства были арестованы.

Крейсер «Аврора» громом своих пушек, направленных на Зимний дворец, возвестил 25 октября начало новой эры—эры Великой социалистической революции.

Шли кипучие годы революции, годы гражданской войны. Много славных подвигов вписали в историю матросы с золотыми буквами «Аврора» на ленточках бескозырок.

В 1927 году, в связи с десятилетием Октябрьской социалистической революции, правительство наградило крейсер орденом Красного Знамени. На мачте «Авроры» взвился Краснознаменный флаг.

В годы гражданской войны на волжских фронтах мне нередко приходилось встречаться с военными моряками революционного флота. Я восхищался их мужеством и отвагой и нередко рассказывал им о тяжелом, бесправном положении матроса старого царского флота. Молодые моряки приглашали меня на свои боевые корабли. Долго лелеял я эту мечту. И только спустя 30 лет, после того, как я оставил службу на военных кораблях, мне снова удалось побывать на «Авроре».

Весной 1937 года я решил поехать в Ленинград, чтобы провести там свой отпуск. По пути в морской музей я увидел дымившую ниже моста лейтенанта Шмидта «Аврору». Вскоре командование крейсера, узнав о моем приезде, пригласило меня с семьей провести день Первого мая на историческом корабле. Это было для меня неожиданным счастьем.

С нетерпением и волнением ждал я этого дня. Первого мая я отправился на Неву, где стояла расцвеченная флагами «Аврора». На пристани меня приветливо встретил

дежурный командир. Я попросил его познакомить меня с этикетом посещения военных кораблей и задал такой вопрос:

— Нужно ли при входе на корабль снимать головной убор?

Командир, улыбнувшись, ответил:

— У нас этого делать не надо.

Продолжая улыбаться, он в свою очередь спросил меня:

— А разве в ваше время это нужно было делать и для чего?

На этот простой вопрос я мог лишь ответить, что для нас, матросов, это было обязательно.

Каким родным показался мне крейсер, на котором я прибыл в Либаву тридцать лет назад. По наружному виду это была та же «Аврора». Те же высокие без наклона назад три дымовые трубы, по которым мы в тихоокеанском походе всегда безошибочно угадывали ее на любом расстоянии. Но как резко изменился внутренний порядок на корабле, в котором не осталось ничего от старого царского флота. Не было слышно грозных окриков начальства. Все движения краснофлотцев уверенны и четки. Я видел, как проводили свой культурный досуг свободные от службы командиры вместе с рядовыми краснофлотцами в прекрасно оборудованной ленинской каюте. Я был свидетелем, как на «шканцах» корабля, куда был закрыт вход матросам в наше время, веселые и жизнерадостные командиры и краснофлотцы вместе со своими молодыми шефами отплясывали лихо «гопака». Крепкая товарищеская спайка чувствовалась на каждом шагу. Такому коллективу не страшен никакой враг.

Последний свой переход Краснознаменный крейсер «Аврора» совершил на буксире трех пароходов 17 ноября 1948 года. Он был поставлен на вечную стоянку против здания Ленинградского Нахимовского училища, которому крейсер передан по специальному постановлению Ленинградского Совета в августе 1945 года.

Краснознаменный корабль, возвестивший громом своих пушек начало новой эры, стал отныне школой практики многих тысяч будущих морских офицеров.

А. В. МАГДАЛИНСКИЙ

(Биографическая справка)

В одной из глав второй книги широко известного романа А. С. Новикова-Прибоя «Цусима» рассказывается о подвиге боцманмата крейсера «Олег» Магдалинского. Писатель следующими словами характеризует это событие:

«Четыре неприятельских боевых отряда, имея явное преимущество на своей стороне, энергично обстреливали русские транспорты и крейсера. «Олег» и «Аврора» получили по несколько пробоин у ватерлинии, и некоторые их отделения были затоплены водой. Особенно опасно было положение «Олега». В его правый борт попал неприятельский снаряд и перебил проволочные тросы подъемной тележки с боевыми патронами. Она с грохотом рухнула вниз. В патронном погребе начался пожар. Подносчики снарядов с воплями бросились из погреба к выходу. Наверху каждый был занят своим делом, никто и не подозревал, что крейсер повис над пропастью. Он мог в один момент взлететь на воздух, но его случайно спасли два человека. Рядом с горевшим погребом находился центральный боевой пост. Оттуда сквозь отверстия заклепок, выбитых в переборке, рулевой боцманмат Магдалинский заметил красные отблески. Он застыл от ужаса, понимая, что всем им грозит гибель. В следующую секунду, словно подброшенный вихрем, он ринулся в жилую палубу. Как будто ток высокого напряжения сотрясал его руки, державшие шланг. Хрипели стремительные струи воды, направленные на очаг огня. На помощь рулевому боцманмату прибежал из поста гальванер. Не замечая его, Магдалинский с неступлением косил водой огненные снопы пожара. Пламя утихало, из люка поднимались клубы пара. «Олег» был спасен от взрыва и продолжал стрельбу. Вернувшись в центральный пост, Магдалинский сказал гальванеру:

— Значит, живем еще».

Боцманмат Магдалинский—автор настоящей книги «На морском распутьи»—не только пережил Цусимскую трагедию, но и счастливо дожил до наших солнечных дней. Он является активным участником строительства коммунистического общества в нашей стране, отдавая свои знания и силы делу воспитания молодых советских моряков.

Александр Васильевич Магдалинский родился в 1881 году в приволжском селе Подольское (ныне Красносельского района, Костромской области). Восемнадцатилетним юношей он поступил на парусное судно «Рыбак» и несколько лет плавал на нем по Каспийскому морю в должности матроса.

В 1902 году А. В. Магдалинский был призван на действительную военную службу и зачислен в 18-й флотский экипаж, находившийся в Петербурге. Затем его перевели в команду крейсера «Олег», на котором А. В. Магдалинский в 1904 году отправился в поход на Дальний Восток в составе Второй Тихоокеанской эскадры.

Пережив все ужасы неравного кровавого боя в проливе Цусима, А. В. Магдалинский, переведенный затем на крейсер «Аврора», возвратился в Россию и в 1906 году был уволен в запас флота. С этого времени он стал плавать помощником капитана на волжском пароходе «С. Баранов».

После Великой Октябрьской социалистической революции А. В. Магдалинский занимал в волжском речном пароходстве ряд командных должностей, проводя большую работу по подготовке кадров. С 1939 года он посвящает себя активной деятельности в ярославских добровольных организациях содействия Советской армии, авиации и флоту. В настоящее время А. В. Магдалинский является командиром-инструктором военно-морского клуба добровольного общества содействия флоту (Досфлота).

Свою книгу «На морском распутьи» А. В. Магдалинский начал писать по совету А. С. Новикова-Прибоя. В процессе работы над рукописью автор получил ряд ценных указаний от А. С. Серафимовича.

Отрывки из своего труда А. В. Магдалинский начал публиковать еще до Великой Отечественной войны в местных газетах и альманахах. В 1944 году книга «На морском распутьи» вышла отдельным изданием в Ярославском областном издательстве ОГИЗ'а и встретила самый теплый прием со стороны читательской общественности и литературной критики. С положительными рецензиями на книгу выступили «Литературная газета», «Северный рабочий» и др.

Тираж первого издания «На морском распутьи» давно уже разошелся. Между тем, спрос на книгу не ослаб. Заявки поступают не только от читателей, живущих на территории нашей области, но из других местностей Советского Союза, в частности с Дальнего Востока.

Второе издание воспоминаний А. В. Магдалинского выходит в переработанном и дополненном автором виде. Новая, заключительная глава книги—«Сорок лет спустя» рассказывает о прохождении советских кораблей через Цусимский пролив после разгрома империалистической Японии. А. В. Магдалинский, представитель людей старого поколения, дожил до того дня, когда было смыто черное пятно поражения русских войск в период русско-японской войны.

Несмотря на свои преклонные годы, А. В. Магдалинский полон сил и энергии. В его творческих планах намечена новая книга—рассказы о людях старой и новой Волги, с которыми автор встречался на протяжении последних сорока лет.

ОТ АВТОРА

Ввиду того, что меня часто спрашивают, как участника Цусимского боя, о том, какие силы действовали в бою и как развивались события после, считаю необходимым приложить к своей книге небольшую историческую справку следующего характера:

Цусимский бой произошел между японским флотом и Второй Тихоокеанской русской эскадрой 14 мая (старый стиль) 1905 года в Цусимском проливе, отделяющем западные берега Японии от небольшого острова Цусима, расположенного в Корейском проливе.

Японским флотом командовал адмирал Того, русской эскадрой командовал адмирал Рожественский.

Флот адмирала Того состоял из пяти броненосцев, восьми крейсеров первого ранга, пятнадцати крейсеров второго ранга, одного броненосца береговой обороны, девяти канонерских лодок, семнадцати больших и восьмидесяти пяти малых миноносцев. Всего под командованием Того было сто сорок судов.

В русской эскадре было двенадцать броненосцев, из них четыре береговой обороны, восемь крейсеров первого и второго ранга, один вспомогательный крейсер, девять миноносцев и восемь транспортов— всего тридцать восемь кораблей.

Таким образом, флот адмирала Того по количеству боевых единиц превышал русскую эскадру на сто десять кораблей, т. е. был больше русского флота почти в пять раз.

По данным профессора Н. А. Левицкого, японский флот и русская эскадра располагали следующими огневыми средствами: японский флот мог в течение одной минуты произвести триста шестьдесят выстрелов и выбросить взрывчатого вещества три тысячи килограммов, тогда как русская эскадра могла сделать в одну минуту

сто тридцать четыре выстрела и выбросить взрывчатого вещества только двести килограммов.

Несмотря на такое численное превосходство японских кораблей и огневых средств японского флота, русские моряки с присущим им героизмом вели неравный бой и нанесли японцам серьезный урон. Японский флот, по неполным данным, потерял в этом бою двадцать минных судов. Крупные повреждения были причинены артиллерийским огнем русских кораблей всем кораблям первого класса японского флота, часть которых вынуждена была выйти из строя.

Цусимское сражение закончилось победой японского флота. В Цусимском бою русский флот потерял все свои лучшие броненосцы и крейсера, бесстрашные команды которых сражались до последнего момента и героически погибали вместе со своими кораблями.

Цусимская трагедия закончилась позорной сдачей в плен четырех наших кораблей. Виновники сдачи: контр-адмирал Небогатов и командиры броненосцев «Николай I», «Апраксин» и «Сенявин» были приговорены к смертной казни, которую Николай II заменил, по ходатайству суда, заключением в крепость на 10 лет.

По делу сдачи миноносца «Бедовый» суд приговорил командира миноносца Баранова и четырех офицеров штаба к расстрелу. Ввиду «смягчающих обстоятельств» царь заменил им смертную казнь исключением из службы.

Рождественского, командовавшего эскадрой, царское правительство не судило, ссылаясь на то, что он был тяжело ранен во время боя.

Главным виновникам разгрома Второй Тихоокеанской эскадры вынес справедливый приговор сам русский народ в исторические Октябрьские дни 1917 года.

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ О РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ
1904—1905 гг.

«ВАРЯГ»

Наверх вы, товарищи! Все по местам!
Последний парад наступает.
Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает.

Все вымпелы выются, и цепи гремят,
Наверх якоря поднимая.
Готовятся к бою, орудий ряды
На солнце зловеще сверкая.

И с пристани верной мы в битву пойдем
Навстречу грядущей нам смерти.
За Родину в море открытом умрем,
Где ждут желтолицые черти.

Свистит, и гремит, и грохочет кругом,
Гром пушек, шипенье снарядов.
И стал наш бесстрашный и гордый «Варяг»
Подобьем кромешного ада.

В предсмертных мученьях трепещут тела...
Гром пушек, и дым, и стенанья...
И судно охвачено морем огня —
Настала минута прощанья.

Прощайте, товарищи! С богом, ура!
Кипящее море под нами!
Не думали мы еще с вами вчера,
Что ныне умрем под волнами.

Не скажет ни камень, ни крест, где легли
Во славу мы русского флага,
Лишь волны морские прославят одни
Геройскую гибель «Варяга».

ГИБЕЛЬ «ВАРЯГА»

Плещут холодные волны,
Бьются о берег морской,
Носятся чайки над морем,
Крики их полны тоской.

Мечутся белые чайки,
Что-то встревожило их...
Чу! Загремели раскаты
Взрывов далеких, глухих.

Там, среди шумного моря,
Вьется андреевский стяг.
Бьется с неравною силой
Гордый красавец «Варяг».

Сбита высокая мачта,
Броня пробита на нем.
Борется стойко команда
С морем, огнем и врагом.

Мы пред врагом не спустили
Славный андреевский стяг,
Сами взорвали «Корейца»,
Нами потоплен «Варяг».

Миру всему передайте,
Чайки, печальную весть:
В битве врагу не сдались,
Пали за русскую честь.

Плещут холодные волны,
Бьются о берег морской,
Чайки несутся в Россию,
Крики их полны тоской.

ПЕСНЯ О ЦУСИМЕ

В Цусимском проливе далеком,
Вдали от родимой земли,
На дне океана глубоко
Забытые есть корабли.

Там русские спят адмиралы
И дремлют матросы вокруг.
У них прорастают кораллы
Меж пальцев раскинутых рук.

Когда засыпает природа
И яркая светит луна —
Герои погибшего флота
Встают, пробуждаясь от сна.

Они начинают беседу,
И, в ярости сжав кулаки,
О том, кто их продал и предал
Всю ночь говорят моряки.

Они вспоминают Цусиму,
Напрасную храбрость свою,
И небо Отчизны любимой,
И гибель в неравном бою.

И волны морского прибоя
О том говорят морякам:
Готовьтесь к великому бою,
За нас отомстите врагам.

НА СОПКАХ МАНЧЖУРИИ

Тихо вокруг. Сопки покрыты мглой.
Вот из-за туч блеснула луна,
Могила хранят покой.

Белеют кресты, это герои спят,
Прошлого тени, кажется, вновь
О жертвах боев говорят.

Плачет, плачет мать родная,
Плачет молодая жена,
Плачет вся Русь, как один человек,
Свой рок и судьбу кляня.

Тихо вокруг. Ветер туман унес.
На сопках манчжурских войны спят
И русских не слышат слез.

П. Якубович-Мельшин

ГЕРОИ ЦУСИМЫ

Свершилось! На дне океана
Стальные красавцы лежат
И чуда морские, акулы и спруты,
На них в изумленье глядят.

Разбиты, истерзаны, кровью залиты
Гротмачты, лафеты, рули...
Ни стоны, ни звука... В могильном покое,
Недвижимы, спят корабли...

Но бурею весть по Отчизне далекой
Промчится, темна и грозна.
И кличем могучим: «Довольно!» ответит,
Одетая в траур, страна.

Довольно! Довольно! Герои Цусимы,
Вы жертвой последней легли.
Рассвет уже близок... Она у порога —
Свобода родимой земли!

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ

встречающихся в книге морских терминов

- Адмирал** — лицо высшего начальствующего состава флота.
- Бак** — носовая часть верхней палубы корабля (впереди носовой мачты).
- Бакштов** — конец, выпускаемый с кормы корабля, стоящего на якоре, для крепления за него находящихся на воде шлюпок.
- Барказы и полубарказы** — самые большие шлюпки, от 14 до 22 весел.
- Баталер** — специалист младшего начсостава, ведающий на кораблях денежным, пищевым и вещевым довольствием личного состава.
- Боцман** — лицо младшего командного состава. В обязанности боцмана входит содержание корабля в чистоте, руководство и наблюдение за корабельными работами и обучение команды морскому делу.
- Боцманмат** — звание строевого старшины первой статьи в старом флоте.
- Броненосец эскадренный** — так назывался в русском флоте линейный корабль с начала эпохи броненосного судостроения до 1907 года.
- Вахта** — постоянное дневное и ночное посменное дежурство на судне на ходу и на стоянке.
- Вельбот** — легкая военная быстроходная шлюпка с острыми обводами носа и кормы, служащая для посылок и разъездов.
- Ветер десять баллов** — ветер, дующий со скоростью от 21 до 25 метров в секунду.
- Вира** — выбирай, поднимай, тащи вверх.
- Гальванер** — рядовой моряк, специалист в старом флоте, обслуживавший артиллерийскую электротехнику на военных кораблях. В советском флоте специалисты этого рода называются артиллерийскими электриками.
- Гюйс** — флаг особой расцветки, поднимается на носу военных кораблей первых двух рангов, когда они стоят на якоре.
- Вымпел** — длинный узкий флаг с косицами, носится военными кораблями днем и ночью и спускается только с окончанием кампании. Кроме того, слово вымпел обозначает единицу состава эскадры, как, например, эскадра в составе двадцати вымпелов.

- Дед** — так команды судна в прежние времена называли между собой своего командира, независимо от его возраста.
- Дранть** — чистить, например, палубу, медяшку и т. п., в переносном смысле означает—вышколить.
- Дрейф** — снос судна с линии его курса под влиянием ветра.
- Дудка боцманская** — свисток особого устройства для дачи сигналов на корабле. Дудкой снабжается обычно младший командный состав, находящийся при исполнении вахтенной или дежурной службы на корабле.
- Ендова** — медная луженая посуда, в которой выносилось вино для раздачи чарки матросам в царском флоте.
- Зюйд-вест**—юго-запад.
- Зюйд-ост** — юго-восток.
- Зыбь мертвая** — волнение без ветра, достигающее иногда крупных размеров. Наблюдается или после продолжительного ветра, когда море еще не успокоилось, или перед сильным ветром, когда последний дует по соседству и гонит перед собой волну.
- Иллюминатор** — круглое окно на судах с толстым корабельным стеклом (около 12 мм). Иллюминаторы бывают бортовые и палубные. Для затемнения бортовые иллюминаторы имеют глухую металлическую крышку на шарнире.
- Кадка фитильная** — кадка с песком, в которую ставилась медная кружка с тлеющим фитилем для закуривания.
- Камбуз** — помещение на судне, в котором производится обработка и приготовление пищи.
- Кок** — повар на судне.
- Квартирмейстер** — звание старшины второй статьи в царском флоте.
- Катер паровой** — судно небольшого водоизмещения, приводящееся в движение паровой машиной. Служил для целей связи и сообщения с берегом. Паровыми катерами были вооружены только большие корабли.
- Кильватер** — струя, остающаяся за кормой идущего судна. Итти в кильватер—итти в струе впереди идущего корабля.
- Кильватерные огни** — два вертикальных белых огня на корме корабля, видимые только сзади.
- Кингстон** — всякий клапан в подводной части корабля, служащий для доступа забортной воды внутрь судна.
- Кожух машинный** — прикрыtie из листового железа над машинным отделением на катерах.
- Комендор** — матрос-специалист, обслуживающий артиллерийские установки на кораблях в частях военно-морского флота.
- Кондукторы** — в дореволюционном флоте ближайшие помощники офицеров-специалистов. Комплектовались по экзамену из унтер-офицеров, окончивших обязательный срок службы. По званию относились к младшему комсоставу.
- Контрминоносец** — в период 1900 годов так называли в русском флоте увеличенных размеров миноносец с усиленным вооружением.

- Крейсер вспомогательный** — вооруженное быстроходное судно гражданского флота, включенное в состав военного флота и предназначенное во время войны для крейсерских операций.
- Крюковой** — матрос на самодвижущейся шлюпке, в обязанность которого входит подтягивание и отталкивание шлюпки с помощью древка с насаженным металлическим наконечником при подходе и отходе, а также удержание ее на месте при стоянке у трапов, пристаней и пр.
- Купец** — так называли военные моряки торговые суда.
- Курс корабля** — угол, составляемый диаметральной плоскостью корабля с меридианом. Курс корабля измеряется в градусах от 0 до 360.
- Лаг** — мореходный инструмент, предназначенный для определения скорости судна и пройденного судном расстояния за известный промежуток времени, например, за час или за вахту.
- Лотовый** — матрос рулевой специальности, назначенный для работы с лотом—прибором для измерения глубин моря.
- Лоцман** — лицо, хорошо знакомое со всеми условиями плавания на каком-либо определенном участке пути.
- Минер** — специалист рядового состава, обслуживающий минное вооружение корабля. В старом русском флоте минеры обслуживали и электрические установки, устройство и приборы общекорабельного назначения.
- Миноносец** — разновидность эскадренного миноносца. Отличается от последнего меньшими размерами, вооружением и скоростью хода и предназначается для действия в прибрежных районах.
- Минный машинист**—специалист рядового состава в старом русском флоте, обслуживавший торпедное вооружение корабля. В советском флоте подобные специалисты называются торпедистами.
- Мичман** — первый офицерский чин в старом русском флоте.
- Мурцовка** — еда, приготовленная из сухарей, ошпаренных кипятком и заправленных коровьим маслом и луком.
- Норд-вест** — северо-запад.
- Норд-ост** — северо-восток.
- Обер-офицеры** — группа офицерских чинов в царской армии, начиная с младшего (прапорщика) до чина капитана включительно.
- На царском флоте — мичман, лейтенант, старший лейтенант.
- Отрепетовать** — повторить сигнал, поднять тот же сигнал, что и на другом судне.
- Палуба** — сплошное горизонтальное перекрытие на судне, пол на судне. Палуба жилая—палуба, на которой расположены жилые помещения команды, обычно средняя или нижняя.
- Палундра, полундра** — окрик (вместо «берегись!»).
- Пластырь** — приспособление для временной заделки пробоин на судах.
- Подкрасить суп** — приправить сверху наваром жира или сала.
- Подчикчириться** — принарядиться.
- Пошел тали** — команда, подаваемая при подъеме шлюпок. По этой команде стоящие на талих люди тянут бегом лопаря.
- Пошел шпиль** — команда, по которой шпиль приводится в действие, во вращение.

Рялгоут — мачты корабля.

Рейд — водное пространство, закрытое от ветров и волнения, удобное для якорной стоянки судов.

Роба — рабочее платье матросов (рубашка и брюки), сшитое из толстой парусины.

Рубка — всякого рода закрытое помещение на верхней или на вышележащих палубах, не доходящее до бортов судна.

Рундуки — закрытые нары, устанавливаемые во внутренних помещениях корабля, на которых в ночное время спят матросы. Внутри рундуков они хранят личные вещи.

Сетки коечные — специальные железные ящики по бортам на верхней палубе для хранения в дневное время коек.

Склянки отбить — морское выражение, значит, бить в колокол для определения времени.

Справка — вечерняя поверка наличия на корабле или в экипаже личного состава в царском флоте. После справки разрешалось ложиться спать.

Стапель — прибрежное сооружение на верфи, на котором строят суда, представляет собою обычно бетонированный помост с уклоном к воде, сооружаемый на свайном основании.

Траверз — направление, перпендикулярное к курсу судна или к его диаметральной плоскости.

Транспорты — суда, служащие для несения транспортной службы при флоте, т. е. выполняющие задачи снабжения боевых кораблей топливом, боеприпасами, водой, продовольствием и т. п.

Трап — лестница на корабле.

Треугольная шляпа — парадный головной убор офицеров в царском флоте.

Трюмный машинист — специалист рядового состава на военных кораблях, обслуживающий корабельные системы.

Фельдфебель — в царской армии и флоте старшина роты.

Фелука — небольшое каботажное парусное судно, встречающееся в Средиземном море.

Чамра — рябь гладкой поверхности от набежавшего ветра.

Форштевень — поковка или отливка по форме носа корабля, является продолжением киля.

Чарка — одна восьмидесятая часть ведра. Матросы царского флота получали ежедневно перед обедом по половине чарки водки.

Шаланда — небольшое несамоходное, мелко сидящее судно (баржа), служащее для погрузки и выгрузки судов.

Шестерка — сокращенное название шестивесельной шлюпки.

Шканцы — часть верхней палубы военного судна между второй и третьей мачтами. В царском флоте считалась главным почетным местом на корабле. При входе на корабль все без исключения лица обязаны были отдавать честь шканцам, приподнимая головной убор.

Шкафут — пространство на верхней палубе военного корабля между носовой и средней мачтами.

Шлюпбалки — металлические балки особой конструкции для спуска шлюпок корабля на воду и подъема их на корабль.

Шпиль—особый ворот, устанавливаемый на судах для подъема якорей и для других работ, где требуется тяга.

Штабс-капитан — офицерский чин в царской армии, предшествовавший чину капитана.

Штаб-офицеры—старший командный состав в царской армии и флоте. На флоте штаб-офицерами считались: капитаны первого и второго рангов.

Штурман—в военном флоте—офицер, ведающий вопросами кораблевождения и маневрирования; в торговом флоте—помощник капитана, специалист по кораблевождению.

Шуровать—подавать в котельные топки своевременно топливо и обеспечить полное его сгорание.

Экипаж—личный состав, обслуживающий судно и управляющий им.

Экипаж флотский—в старом флоте одна из его частей, на которые он делился для более удобного управления по хозяйству. Экипаж приравнивался к полку сухопутных частей. Экипажи носили номера. Каждым экипажем командовал старший из состоящих в нем командиров судов первого ранга.

Эскадра—высшее маневренное соединение военных кораблей различных типов и классов.

Ют —часть верхней палубы судна между задней мачтой и кормой.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Глава I. Новобранцы	5
Глава II. 18 флотский экипаж	12
Глава III. После присяги	18
Глава IV. Крещенский парад	23
Глава V. Начало войны и встречи с адмиралом Макаровым	28
Глава VI. Подготовка к походу	33
Глава VII. Первая вахта	38
Глава VIII. От Кронштадта до мыса Скаген	45
Глава IX. Северное море и Атлантический океан	53
Глава X. На острове Крит	63
Глава XI. Порт-Саид	70
Глава XII. В Индийском океане	79
Глава XIII. Последний переход эскадры	88
Глава XIV. Цусимский бой	93
Глава XV. От Цусимы до Филиппинских островов	101
Глава XVI. В Маниле—на острове Лусон	108
Глава XVII. На крейсере «Аврора»	118
Глава XVIII. Сорок лет спустя	125

Д о п о л н и т е л ь н а я г л а в а

Боевой путь крейсера «Аврора»	129
А. В. Магдалинский (Биографическая справка)	134
От автора	136

Приложения.

Народные песни о русско-японской войне 1904—1905 гг.	138
Краткий словарь встречающихся в книге морских терминов	142
